

ISSN 2219-6838

**ЭЛЕКТРОННОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ
К «РОССИЙСКОМУ
ЮРИДИЧЕСКОМУ ЖУРНАЛУ»**

**НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ,
ИНФОРМАЦИОННОЕ И ПРАКТИЧЕСКОЕ
ИНТЕРАКТИВНОЕ ИЗДАНИЕ**

Основано в 2010 году

6/2023

electronic.ruzh.org

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор – к. ю. н., доц. **И. В. Федоров**

д. ю. н., доц. **О. И. Андреева** (Томск), д. ю. н., проф. **Ю. С. Безбородов** (зам. гл. редактора), д. ю. н., проф. **О. В. Болтинова** (Москва), д. ю. н., проф. **Л. Ю. Василевская** (Москва), д. ю. н., проф. **Т. С. Волчецкая** (Калининград), д. ю. н., проф. **С. Ю. Головина** (Екатеринбург), д. ю. н., проф. **Е. Р. Ергашев** (Екатеринбург), д. ю. н., проф. **С. К. Загайнова** (Екатеринбург), д. ю. н., проф. **Т. В. Заметина** (Саратов), д. ф. н. **О. А. Зигмунт** (Фехта), д. ю. н., проф. **И. А. Игнатъева** (Москва), д. ю. н., проф. **С. В. Кодан** (Екатеринбург), д. ю. н., проф. **И. Я. Козаченко** (Екатеринбург), д. ю. н., проф. **Н. В. Козлова** (Москва), к. ю. н. **Я. Койстинен** (Хельсинки), д. ю. н., проф. **В. В. Комарова** (Москва), к. ю. н., доц. **Т. В. Кондрашова** (Екатеринбург), д. ю. н., проф. **П. И. Кононов** (Киров), д. ю. н., проф. **Э. А. Кочкарова** (Бишкек), д. ю. н., проф. **Е. В. Кудрявцева** (Москва), д. ю. н., проф. **П. У. Кузнецов** (Екатеринбург), к. ю. н., доц. **А. В. Лисаченко** (Екатеринбург), к. ю. н., доц. **Т. Е. Логина** (Пермь), д. ф. н., проф. **И. П. Малинова** (Екатеринбург), д. ю. н., проф. **С. Ю. Марочкин** (Тюмень), д. ю. н., доц. **М. В. Мещанова** (Минск), д. ю. н., проф. **С. П. Мороз** (Алматы), д. и. н., проф. **В. П. Мотревич** (Екатеринбург), д. ю. н., проф. **В. В. Никишин** (Санкт-Петербург), д. ю. н., проф. **Д. В. Осинцев** (Екатеринбург), проф. **П. Поликастро** (Щецин), д. ю. н., проф. **С. Б. Поляков** (Пермь), д. ю. н., проф. **В. Ф. Попондопуло** (Санкт-Петербург), д. ю. н., проф. **С. В. Рыбакова** (Саратов), д. ю. н., проф. **Г. В. Сахнова** (Красноярск), д. ю. н., проф. **Е. В. Смахтин** (Тюмень), д. ю. н., проф. **А. И. Стахов** (Москва), д. ю. н., проф. **В. Л. Толстых** (Москва), д. ю. н., проф. **А. Трунк** (Киль), д. ю. н., проф. **М. Ю. Федорова** (Екатеринбург), к. ю. н., доц. **С. Д. Хазанов** (Екатеринбург), проф. **Хуан Даосю** (Пекин), д. ю. н., проф. **В. М. Шафиров** (Красноярск), проф. **П. Шокинс** (Лёвен)

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief – **I. Fedorov** (candidate of legal sciences, assoc. prof.)

O. Andreeva (doctor of legal sciences, assoc. prof., Tomsk), **Yu. Bezborodov** (doctor of legal sciences, prof., Yekaterinburg), **O. Boltinova** (doctor of legal sciences, prof., Moscow), **E. Ergashev** (doctor of legal sciences, prof., Yekaterinburg), **S. Golovina** (doctor of legal sciences, prof., Yekaterinburg), **Huang Daoxiu** (prof., Beijing), **I. Ignatieva** (doctor of legal sciences, prof., Moscow), **S. Khazanov** (candidate of legal sciences, assoc. prof., Yekaterinburg), **E. Kochkarova** (doctor of legal sciences, prof., Bishkek), **S. Kodan** (doctor of legal sciences, prof., Yekaterinburg), **Ja. Koistinen** (candidate of legal sciences, Helsinki), **V. Komarova** (doctor of legal sciences, prof., Moscow), **T. Kondrashova** (candidate of legal sciences, assoc. prof., Yekaterinburg), **P. Kononov** (doctor of legal sciences, prof., Kirov), **I. Kozachenko** (doctor of legal sciences, prof., Yekaterinburg), **N. Kozlova** (doctor of legal sciences, prof., Moscow), **E. Kudryavtseva** (doctor of legal sciences, prof., Moscow), **P. Kuznetsov** (doctor of legal sciences, prof., Yekaterinburg), **A. Lisachenko** (candidate of legal sciences, assoc. prof., Yekaterinburg), **T. Loginova** (candidate of legal sciences, assoc. prof., Perm), **I. Malinova** (doctor of philosophical sciences, prof., Yekaterinburg), **S. Marochkin** (doctor of legal sciences, prof., Tyumen), **M. Miashchanava** (doctor of legal sciences, assoc. prof., Minsk), **S. Moroz** (doctor of legal sciences, prof., Almaty), **V. Motrevitch** (doctor of historical sciences, prof., Yekaterinburg), **V. Nikishin** (doctor of legal sciences, prof., Saint Petersburg), **D. Osintsev** (doctor of legal sciences, prof., Yekaterinburg), **P. Policastro** (prof., Szczecin), **S. Polyakov** (doctor of legal sciences, prof., Perm), **V. Popondopulo** (doctor of legal sciences, prof., Saint-Petersburg), **S. Rybakova** (doctor of legal sciences, prof., Saratov), **T. Sakhnova** (doctor of legal sciences, prof., Krasnoyarsk), **O. Siegmunt** (doctor of philosophy, Vechta), **E. Smakhtin** (doctor of legal sciences, prof., Tyumen), **A. Stakhov** (doctor of legal sciences, prof., Moscow), **V. Tolstykh** (doctor of legal sciences, prof., Moscow), **A. Trunk** (doctor of legal sciences, prof., Kiel), **M. Fedorova** (doctor of legal sciences, prof., Yekaterinburg), **V. Shafirov** (doctor of legal sciences, prof., Krasnoyarsk), **P. Schoukens** (prof., Leuven), **L. Vasilevskaya** (doctor of legal sciences, prof., Moscow), **T. Volchetskaya** (doctor of legal sciences, prof., Kaliningrad), **S. Zagaynova** (doctor of legal sciences, prof., Yekaterinburg), **T. Zametina** (doctor of legal sciences, prof., Saratov)

Редакционная коллегия определяет текущую редакционную политику журнала, рассматривает и утверждает содержание очередных номеров, контролирует деятельность журнала

Адрес редакции: 620137, Екатеринбург, ул. Комсомольская, 23, оф. 207
Корреспонденцию, материалы и статьи направляйте по адресу:
620137, Екатеринбург, ул. Комсомольская, 21, УрГЮУ,
редакция «Российского юридического журнала».
Тел./факс (343) 375-54-20.
E-mail: ruzh@usla.ru.
electronic.ruzh.org.

Свидетельство о регистрации ЭЛ № ФС 77-41478 от 28 июля 2010 г.

Точки зрения авторов статей, иных материалов не обязательно совпадают с точкой зрения редакции.

Перепечатка статей и иных материалов, опубликованных в «Электронном приложении к „Российскому юридическому журналу“», допускается только с разрешения редакции

СОДЕРЖАНИЕ

КРУГЛЫЙ СТОЛ «ТРАДИЦИИ ЮРИДИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ»

Круглый стол «Традиции юридического образования и науки (посвящение 105-летию Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева)»	5
Зипунникова Н. Н. (Екатеринбург) Юридическое образование и наука в России: историко-правовое эссе о связи времен	6
Казарин В. Н. (Иркутск) Ученые-юристы в панораме эпохи: транзит Казань – Иркутск – Свердловск. Первая треть XX в.	14
Путинцев А. В. (Казань) Прерывистые линии криминологической традиции: от А. А. Пионтковского-старшего к М. И. Ковалеву	25
Шамсумова Э. Ф. (Екатеринбург) Практическая ориентация студентов-юристов: теоретические вопросы (от СЮИ к УРГЮУ имени В. Ф. Яковлева)	34

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

Лифанов Д. М. (Екатеринбург) Административно-правовой спор и тенденции его трансформации в современных условиях	41

ТРУДОВОЕ И СОЦИАЛЬНОЕ ПРАВО

Курченко О. С. (Омск) Зачет нестраховых периодов, имевших место за границей, в страховой стаж для назначения страховой пенсии	58

ЭКОНОМИКА И ПРАВО

Карамышев Д. А. (Саратов) Влияние цифровизации на досудебное урегулирование налоговых споров	68

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Соколова Е. С. (Екатеринбург) Мемориальные практики в юридической политике Петра I: об истоках имперского дискурса коронации 1724 г.	74
Хрущев С. В. (Екатеринбург) Систематизация узаконений в сфере церковного права в России в практике деятельности Святейшего правительствующего синода (вторая половина XIX – начало XX в.)	82

СТУДЕНЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Юдин П. Н. (Екатеринбург) Соотношение внутригосударственной децентрализации и международной интеграции на примере Шотландии	96

CONTENTS

ROUND TABLE «TRADITIONS OF LEGAL EDUCATION AND SCIENCE»

The round table «Traditions of legal education and science» (dedicated to the 105th anniversary Ural State Law University named after V. F. Yakovlev)	5
Zipunnikova N. (Yekaterinburg) Legal education and science in Russia: historical and legal essay on the connection of times	6
Kazarin V. (Irkutsk) Scientists-lawyers in the era panorama: transit Kazan – Irkutsk – Sverdlovsk. The first third of the XX century.....	14
Putintsev A. (Kazan) Broken lines of criminological tradition: from A. A. Piontkovsky Sr. to M. I. Kovalev	25
Shamsumova E. (Yekaterinburg) Theoretical understanding of practice-oriented education (using the example of Ural State Law University named after V. F. Yakovlev)	34

ADMINISTRATIVE LAW AND PROCEDURE

Lifanov D. (Yekaterinburg) Administrative-legal dispute and trends of its transformation in modern conditions	41

LABOUR AND SOCIAL LAW

Kurchenko O. (Omsk) Inclusion of non-insured periods, that have occurred abroad, in insurance experience to assign an insurance pension	58

ECONOMICS AND LAW

Karamyshev D. (Saratov) The impact of digitalization on the pre-trial settlement of tax disputes	68

PAGES OF HISTORY

Sokolova E. (Yekaterinburg) Memorial practices in the legal policy of Peter the Great: on the origins of the imperial discourse of the coronation of 1724	74
Khrushchev S. (Yekaterinburg) Systematization of legalizations in the field of church law in Russia in the practice of the Holy Governing Synod (the second half of the XIX – early XX century)	82

STUDENTS' BULLETIN

Yudin P. (Yekaterinburg) Inter-state decentralization vs. international integration: Scotland's example	96

КРУГЛЫЙ СТОЛ «ТРАДИЦИИ ЮРИДИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ» (посвящение 105-летию Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева)

12 октября 2023 г. в рамках XV форума «Юридическая неделя на Урале» в Уральском государственном юридическом университете им. В. Ф. Яковлева (далее – УрГЮУ) состоялся круглый стол «Традиции юридического образования и науки», посвященный его 105-летию. В ходе дискуссии обсуждались вопросы истории вуза в контексте развития системы подготовки профессиональных юридических кадров и правоведения в целом. Так, была обозначена проблематика разнообразия методологических подходов и источников познания традиций юридического образования и науки, расширения пространства вузовской историографии, а также актуализированы вопросы соотношения истории и памяти юрико-университетской корпорации, становления научных школ, значения личностного фактора в обеспечении преемственности исследуемых отраслей образования и науки. Одной из ключевых в неравнодушных полемиках стала тема транзита «Казань – Иркутск – Свердловск», связанная с творческим вырастанием вуза от университетского юридического факультета к юридическому университету. Кроме прочего, заинтересованной общественности были представлены новые книги¹. Широкий отклик получили обсуждавшиеся вопросы отечественной историко-правовой самобытности, в том числе в развитии подготовки юридических кадров, отличавшейся практико-ориентированностью, а также актуального бытования юридической научной периодики как исследовательского пространства и значимой ниши культуры. В рамках данной рубрики представлены размышления исследователей из Екатеринбурга, Иркутска, Казани, озадаченных решением значимой комплексной проблематики познания «общего и особенного», «вневременного и связанного с конкретным моментом» применительно к истории УрГЮУ.

¹ Кожевина М. А., Ящук Т. Ф. Эволюция науки истории права и государства России (XVIII–XX вв.). М.: Норма, 2023. 576 с.; Вопросы права и факта в судопроизводстве: сборник статей к 100-летию со дня рождения профессора К. И. Комиссарова / сост. и отв. ред. С. А. Халатов. М.: М-Логос, 2023. 344 с.

ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ И НАУКА В РОССИИ: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЕ ЭССЕ О СВЯЗИ ВРЕМЕН

Зипунникова Наталья Николаевна

Заведующий кафедрой истории государства и права Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева (Екатеринбург), кандидат юридических наук, доцент, ORCID: 0000-0003-1800-3704, e-mail: igp@usla.ru.

В статье обозначаются принципиальные особенности и характерные черты юридического образования и науки в Российской империи и в советские десятилетия. Обращено внимание на значимость проблематики переходных периодов, а также транзитов, культурных трансферов и преемственности. Памятная дата конкретного юридического вуза показана как повод еще раз осмыслить связанность и развитие научных школ, образовательных практик Казанского и Иркутского университетов, Свердловского юридического института. Носителями университетской культуры выступали правоведы, связавшие времена, обеспечившие преемственность традиций подготовки профессиональных юридических кадров и юриспруденции.

Ключевые слова: юридическое образование и наука, традиции, фактор власти, Уральский государственный юридический университет им. В. Ф. Яковлева, транзит и трансфер, правоведы

Для цитирования: Зипунникова Н. Н. Юридическое образование и наука в России: историко-правовое эссе о связи времен // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2023. № 6. С. 6–13. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2023_6_6.

LEGAL EDUCATION AND SCIENCE IN RUSSIA: HISTORICAL AND LEGAL ESSAY ON THE CONNECTION OF TIMES

Zipunnikova Natal'ya

Head of the department, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (Yekaterinburg), candidate of legal sciences, ORCID: 0000-0003-1800-3704, e-mail: igp@usla.ru.

The article characterizes the fundamental properties and characteristic features of legal education and science in the Russian Empire and in the Soviet decades. Attention is drawn to the importance of the issues of transition periods, as well as transits, cultural transfers and continuity. The memorable date of a particular law school is shown as an occasion to once again think about the connectivity and development of scientific schools, educational practices of Kazan and Irkutsk universities, Sverdlovsk Law Institute. The bearers of university culture were legal scholars who linked the times and ensured the continuity of the traditions of training professional legal personnel and jurisprudence.

Key words: legal education and science, traditions, power factor, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev, transit and transfer, lawyers

For citation: Zipunnikova N. (2023) Legal education and science in Russia: historical and legal essay on the connection of times. In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnal»*, no. 6, pp. 6–13. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2023_6_6.

Историографический домен (вероятно, точнее – домены), где осмысляются проблемы становления и развития юридического образования и науки в России и других странах, существенно разрастается в последние годы, его характеристика видится само-

достаточной исследовательской задачей¹. При этом вряд ли можно утверждать, что все значимые вопросы, связанные с познанием традиций указанной отрасли образования и науки, являются проясненными. К получению ответов на них подталкивают, в частности, юбилеи и памятные даты – университетов, вузовских личностей, книг, научных школ или сообществ, защит диссертаций – прекрасные поводы, триггеры для появления новых текстов, пусть и особенного (юбилейного) жанра². В рамках же жанра, заявленного заглавием статьи, видится небезынтересным представить, хотя бы «широкими мазками», несколько кратких суждений об особенностях развития исследуемой отрасли на разных исторических этапах.

Важнейшей для становления теоретической, научно ориентированной подготовки отечественных юристов стала эпоха Петра Великого и в целом XVIII в. Дискуссии о предшествующем опыте средневековой науки также представляются значимыми³, однако интуитивно-мистические, религиозные взгляды на окружающую людей государственно-правовую действительность выступают, полагаем, предтечей системно-организованного научного знания. Размышляя о русской юридической школе XVIII («академического») столетия и первых теоретиках, замечательный исследователь и историограф юридической науки Г. С. Фельдштейн (1868 – после 1930 г.) в начале прошлого столетия убедительно, с помощью ярких метафор показал борения практического и теоретического направлений в отечественной юриспруденции⁴.

Об особой роли Российского государства как заказчика, архитектора и строителя образовательно-научной системы периода империи («фактор власти») многократно высказывались исследователи, в том числе применительно к подготовке юридических кадров и юриспруденции⁵. Активность общества, энергия различных социальных групп «на ниве просвещения» в полной мере проявились в пореформенный период, и сюжет «идея Сибирского университета и ее реализация» в этом смысле весьма показателен⁶. В числе сущностных черт исследуемой отрасли образования и науки, обусловленных «фактором власти», особенно стоит выделить утилитарную цель под-

¹ См. об этом: *Кодан С. В.* Историография юридической науки в современных образовательных и исследовательских практиках // *Вестник Нижегородской академии МВД России.* 2020. № 3. С. 12–18; *Кожевина М. А., Ящук Т. Ф.* Историография истории права и государства России: дореволюционный и советский периоды // *Вестник Омского университета. Сер. Право.* 2020. Т. 17. № 4. С. 5–15; *Зипунникова Н. Н., Калинина А. В.* Историография истории юридических вузов: что видно в зеркале? (На примере Уральского государственного юридического университета) // *Российский юридический журнал.* 2020. № 4. С. 169–182 и др.

² *Регина Л. П.* Юбилейные истории университетов как жанр современной историографии // *Диалог со временем.* 2017. Вып. 60. С. 142–152; *Калинина А. В., Гордик С. А., Еловигов Н. А., Катаргин М. В.* Феномен юбилея в познании истории юридического вуза: исследовательские возможности и перспективы // *Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу».* 2018. № 1. С. 134–163; *Мельник М. В.* Юбилей университета: к 105-летию Финансового университета // *Учет. Анализ. Аудит.* 2023. Т. 10. № 3. С. 94–98; К юбилею научной школы заслуженного деятеля науки Российской Федерации доктора юридических наук, профессора Ивана Яковлевича Козаченко // *Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права.* 2014. № 1. С. 5–11; *Козьмина Е. Ю.* Юбилейный сборник научных трудов: характеристика издания // *Русский язык: человек, культура, коммуникация – IV: сб. материалов Междунар. науч. конф. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та,* 2014. С. 198–208, *Зипунникова Н. Н.* История политических и правовых учений в учебной литературе: к 130-летию со дня рождения С. Ф. Кечекьяна и 65-летию с момента выхода в свет издания «История политических учений» (М., 1955) // *Историография истории политических и правовых учений. Теоретические, методологические и исследовательские проблемы: Материалы круглого стола / под общ. ред. С. В. Кодана. Екатеринбург: УрГЮУ,* 2020. С. 31–35; *Арсланов К. М.* «Влияние момента безвозмездности в гражданском праве»: к 100-летию со дня защиты докторской диссертации А. А. Симолиным // *Ученые записки Казанского университета. Сер. Гуманитарные науки.* 2016. Т. 158. Кн. 2. С. 311–321 и др.

³ *Рогов В. А., Рогов В. В.* Древнерусская правовая терминология в отношении к теории права (очерки IX – середины XVII в.). М.: МГИУ, 2006. С. 7, 11–15 и далее.

⁴ *Фельдштейн Г. С.* Главные течения в истории науки уголовного права в России / под ред. и с предисл. В. А. Томсинова. М.: Зерцало, 2003. С. 46–48 и далее.

⁵ См., например: *Захаров В. В.* Как готовить юриста: изучая русские рецепты. Очерки истории юридического образования в России второй половины XIX – начала XX века. Курск: Курский гос. ун-т, 2006. С. 178–179; *Кожевина М. А., Ящук Т. Ф.* Эволюция науки истории права и государства России (XVIII–XX вв.). М.: Норма, 2023. С. 79–80 и далее.

⁶ *Казарин В. Н., Лякутина Ю. П.* Юридическое образование в Восточной Сибири (1918–1991 гг.). Иркутск: Изд-во ИГУ, 2012. С. 55–79; *Ремнев А.* Университетский вопрос в Сибири XIX столетия // *Ab Imperio.* 2012. № 1. С. 121–150; *Дамешек Л. М., Кружалина А. А.* «Где быть университету?» Борьба за первый в Сибири университет как фактор формирования сибирской идентичности // *Вестник Омского университета. Сер. Исторические науки.* 2021. Т. 8. № 2. С. 47–53.

готовки юристов («приуготовление» к государственной службе), мощный политико-идеологический контекст и оформление соответствующих идеологем, обстоятельное нормативно-правовое регулирование, постепенно отстроенную, в целом эффективную систему управления, соответствующую инфраструктуру, последовательную стандартизацию подготовки будущих юристов. Университетоцентричность образовательно-научной сферы Российской империи в полной мере относима и к юридическому образованию: основным его звеном стали юридические факультеты университетов, имевших императорскую протекцию и находившихся в ведении Министерства народного просвещения. Постепенно формировалась и система специализированных юридических учебных заведений (Училище правоведения, лицеи, Военно-юридическая академия), а признаком активизации общества во второй половине XIX – начале XX в. стало появление негосударственных вузов с предлагавшимися юридическими курсами. Изначально формировалась органическая связь юриспруденции как отрасли научного знания и юридического образования¹, большую роль сыграл также новаторский юрико-образовательный дискурс, обсуждение технологической составляющей подготовки профессиональных юридических кадров². Принципиальное значение для развития правоведения и юридического образования имел и фактор кросс-культуры в самых разных его проявлениях (трансфер университетской идеи, приглашение иностранцев на учено-учебную службу, командировки с научно-образовательными целями за границу и др.). В то же самое время образование и наука, юриспруденция в том числе, выступали одним из факторов скрепления государственного пространства Российской империи.

Новая власть, демонстративно порывавшая со сложившимися государственно-правовыми традициями, также постепенно выстраивала все необходимые элементы «своей» системы координат юридической науки и образования – политико-идеологические, нормативно-регулятивные, организационно-управленческие и иные. Сложность поиска эффективной модели подготовки юридических кадров в полной мере проявилась в Иркутском государственном университете: его юридический факультет, начавший работу осенью 1918 г., менялся, причем не только по названиям (общественно-правовое отделение гуманитарного факультета, факультет общественных наук, факультет права и местного хозяйства, факультет советского строительства). Корректировалось и отношение к университетской форме высшего образования³, специализированная подготовка проявилась в том числе в создании институтов советского права. «Наше право», «наш суд», «правовик-ленинец», «советский юрист» и прочие формулы концентрировали эволюционировавшую в советские десятилетия наиважнейшую компоненту исследуемой отрасли образования и науки – идеологическую. Яркими особенностями были связь подготовки кадров с практикой и идея заочного образования. Дискуссии о содержании, специализациях, технологической составляющей подготовки сыграли немалую роль, в частности, в формировании «модели советского юриста». Пока недостаточно осмысленными видятся каналы кросс-культурного взаимодействия применительно к юридическому образованию и науке. Но имеют значение обобщающие суждения историков об «уравновешенности» в советской науке после окончания Второй мировой войны двух сил: национального и интернационального. Как отмечается, востребованный и корпорацией, и властью научный капитал «старой» школы станет своего рода их «смычкой»; миг сближения будет недолгим, на стыке этих двух сил в конце 1940-х гг. зародится новый феномен – «социалистическая наука»⁴. Ее продвижение за рубежом советскими учеными и пе-

¹ Кодан С. В. Юридическая политика Российского государства в 1800–1850-е гг.: деятели, идеи, институты. Екатеринбург: УрАГС, 2005. С. 298.

² См. особо: Казанский П. Е. Вопрос о преподавании права в русской печати в 1901 г. Одесса: Экономическая тип., 1903. 304 с.

³ Как отмечается, в юбилейной статье ректор МГУ И. Д. Удальцов заявил, что университет как «форма, связанная с русским средневековьем», отжил свой век, отстал от жизни, стал тормозом развития науки, показав необходимость разделения университета на самостоятельные институты: «Пора старику-университету на 175-летнем юбилее своей жизни – на покой». См.: История юридического факультета Московского университета (1755–2010). 2-е изд. / отв. ред. В. А. Томсинов. М.: Изд. Дом «Городец», 2011. С. 481.

⁴ Грудзинская В. С., Фролова Т. А. «Научная работа жива научным общением ученых» или зачем советские ученые ездили за границу в 1920–1930-е гг. (проблемы и перспективы изучения) // Вестник Омского университета. Сер. Исторические науки. 2023. Т. 10. № 1. С. 85.

дагогами, в том числе Свердловского юридического института, заслуживает самого пристального внимания.

Подчеркнем, что для понимания связи времен в подготовке юридических кадров и правоведения особенное значение имеют так называемые переходные периоды, проблематика которых, хотя и обозначалась¹, вряд ли исчерпана. Уверенности в этом добавляет продвижение в познании истории Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева, отметившего 105-летие, а также обращение к сложным вопросам транзитов, культурных трансферов, преемственности и ее обеспечения. Небезынтересная полемика вокруг «транзитологии», ее возможностей в исторических исследованиях², а также суждения о трансферизации знаний, выступающей одним из глубочайших механизмов формирования культуры и отдельных направлений в ее составе³, дают основания вновь помыслить и соответствующим образом интерпретировать феномен конкретного юридического вуза. Открытый в 1918 г. Временным Сибирским правительством Иркутский государственный университет в составе двух факультетов в полной мере наследовал традициям и опыту имперского периода в сфере юридического образования и науки. Но и в ходе советизации вуза, осуществлявшейся с 1920 г., не могли быть перекрыты все каналы транзита / трансфера: связь времен обеспечивали правоведы.

Актуальная схолярная проблематика и задачи выявления механизмов формирования и развития научных школ в юриспруденции формируют перспективное исследовательское поле, включая его историко-правовой сегмент. Так или иначе в числе профессоров и преподавателей факультета для подготовки юристов в Иркутске оказались ранее связанные с Императорским Казанским университетом ученые, носители соответствующей научной и правовой культуры: М. М. Агарков (1890–1947), И. А. Антропов (1888–1938), В. П. Доманжо (1881–1922), Г. Ю. Маннс (1884–1938), С. П. Покровский (1880–1939), Б. Б. Черепяхин (1894–1969). Часто цитируемую теперь работу о ценности частного права профессор Агарков посвятил памяти А. А. Симолина⁴, фиксируя, что статья писалась в условиях иркутского книжного голода⁵. Действительно, в сложнейших условиях ученые-юристы формировали университетскую и факультетскую интеллектуально-эмоциональную среду, неизбежно транслируя, передавая свой опыт.

Последующая трансформация – выделение из Иркутского университета факультета советского строительства и права, с реорганизацией в самостоятельный институт советского права и передачей в ведение Наркомюста РСФСР (1931 г.), а также его перевод на Урал (1934 г.) – обуславливала «маршрут Иркутск – Свердловск», пусть и в разных изводах, в интеллектуальных биографиях ряда значимых вузовских акторов: И. Д. Мартысевича (1905–1990), Ю. М. Позана (1899–1938), К. С. Юдельсона (1904–1991) и др. Обращение к жизненному пути, научному наследию и педагогическому опыту профессоров И. А. Антропова и Б. Б. Черепяхина проблему «транзита Казань – Иркутск – Свердловск» расцветивает особым образом. Борис Борисович Черепяхин, указывавший в сборнике к 10-летию Иркутского университета на «преемственную связь» в развитии факультета⁶, будучи впоследствии одним из руководителей Сверд-

¹ Сорокин В. В. Концепция эволюционного развития правовой системы в переходный период: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2003. 55 с.; Рыбаков В. А. Преемственность в отечественном праве в переходный период: общетеоретические вопросы: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Омск, 2009. 37 с. и др.

² См., например: Байбакова Л. В., Некрасова Т. А., Рогулев Ю. Н. Границы и перспективы применения транзитологии в исторических исследованиях // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 2015. С. 93–118.

³ Отмечается также, что в генезисе культуры действуют скрытые механизмы трансферизации знания, которые в эпистемологических описаниях часто лишь упоминаются, но не раскрываются. См.: Лингвистика и семиотика культурных трансферов: методы, принципы, технологии: кол. моногр. / отв. ред. В. В. Фещенко. М.: Культурная революция, 2016. С. 54.

⁴ Симолин Александр Александрович (1879–1920) – известный представитель казанской юридической школы, преемник Г. Ф. Шершеневича, с 1912 по 1918 г. заведующий кафедрой гражданского права и судопроизводства Казанского университета, забытый в советское время. См.: Арсланов К. М. Указ. соч. С. 312.

⁵ Агарков М. М. Ценность частного права: памяти проф. А. А. Симолина // Сборник трудов профессоров и преподавателей Иркутского государственного университета. Иркутск: Иркутское отделение гос. изд-ва, 1921. Вып. 1. С. 141.

⁶ Черепяхин Б. Б. Факультет права и местного хозяйства // Десять лет Иркутского государственного университета. 1918–1928. Иркутск: Издание Юбилейной комиссии, 1928. С. 55.

ловского юридического института, включал его, как и более ранние сборники, в библиографию по истории вуза¹. Убедительно о специфике этой истории размышляют специалисты в контексте бытования юридической литературы – важнейшего элемента в «системе координат» юридического образования и науки, используя при этом выставочную проекцию² и обозначая тем самым еще один канал транзита / трансфера.

Традиции отечественного юридического образования и науки формировались в разных исторических условиях на протяжении более чем трех столетий, став органической частью культуры. И уже более века творчески развивается конкретный юридический вуз, прошедший сложный путь от университетского факультета до юридического университета – одного из значимых центров науки, образования, культуры в России и за ее пределами. Его история, кроме прочего, свидетельствует о значимости сложных механизмов транзитов, трансферов, преемственности, обеспечивающих связь времен.

Список литературы

Агарков М. М. Ценность частного права: памяти проф. А. А. Симолина // Сборник трудов профессоров и преподавателей Иркутского государственного университета. Иркутск: Иркутское отделение гос. изд-ва, 1921. Вып. 1. С. 141–171.

Арсланов К. М. «Влияние момента безвозмездности в гражданском праве»: к 100-летию со дня защиты докторской диссертации А. А. Симолиным // Ученые записки Казанского университета. Сер. Гуманитарные науки. 2016. Т. 158. Кн. 2. С. 311–321.

Байбакова Л. В., Некрасова Т. А., Роголев Ю. Н. Границы и перспективы применения транзитологии в исторических исследованиях // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 2015. С. 93–118.

Вопросы права и факта в судопроизводстве: сборник статей к 100-летию со дня рождения профессора К. И. Комиссарова / сост. и отв. ред. С. А. Халатов. М.: М-Логос, 2023. 344 с.

Грудзинская В. С., Фролова Т. А. «Научная работа жива научным общением ученых» или зачем советские ученые ездили за границу в 1920–1930-е гг. (проблемы и перспективы изучения) // Вестник Омского университета. Сер. Исторические науки. 2023. Т. 10. № 1. С. 81–88.

Дамешек Л. М., Кружалина А. А. «Где быть университету?» Борьба за первый в Сибири университет как фактор формирования сибирской идентичности // Вестник Омского университета. Сер. Исторические науки. 2021. Т. 8. № 2. С. 47–53.

Захаров В. В. Как готовить юриста: изучая русские рецепты. Очерки истории юридического образования в России второй половины XIX – начала XX века. Курск: Курский гос. ун-т, 2006. 297 с.

Зипунникова Н. Н. История политических и правовых учений в учебной литературе: к 130-летию со дня рождения С. Ф. Кечежяна и 65-летию с момента выхода в свет издания «История политических учений» (М., 1955) // Историография истории политических и правовых учений. Теоретические, методологические и исследовательские проблемы: Материалы круглого стола / под общ. ред. С. В. Кодана. Екатеринбург: УрГЮУ, 2020. С. 31–35.

Зипунникова Н. Н., Калинина А. В. Историография истории юридических вузов: что видно в зеркале? (На примере Уральского государственного юридического университета) // Российский юридический журнал. 2020. № 4. С. 169–182.

История юридического факультета Московского университета (1755–2010). 2-е изд. / отв. ред. В. А. Томсинов. М.: Изд. Дом «Городец», 2011. 640 с.

К юбилею научной школы заслуженного деятеля науки Российской Федерации доктора юридических наук, профессора Ивана Яковлевича Козаченко // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2014. № 1. С. 5–11.

Казанский П. Е. Вопрос о преподавании права в русской печати в 1901 г. Одесса: Экономическая тип., 1903. 304 с.

Казарин В. Н., Лякутина Ю. П. Юридическое образование в Восточной Сибири (1918–1991 гг.). Иркутск: Изд-во ИГУ, 2012. 483 с.

¹ Справка по истории образования института. 19 февраля 1946 г. // Архив УрГЮУ имени В. Ф. Яковлева. Ф. 2143-р. Л. 35–36.

² «Сибирское наследие» в собрании Научной библиотеки Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева: каталог выставки / отв. ред. О. А. Овчинникова, сост. и авт. вступ. ст. О. В. Морева. Екатеринбург, 2022. 76 с.; Овчинникова О. А., Морева О. В. Книжки из библиотеки Владимира Дмитриевича Набокова в собрании Научной библиотеки Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2023. № 2. С. 86–90.

Калинина А. В., Гордик С. А., Еловигов Н. А., Катаргин М. В. Феномен юбилея в познании истории юридического вуза: исследовательские возможности и перспективы // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2018. № 1. С. 134–163.

Кодан С. В. Историография юридической науки в современных образовательных и исследовательских практиках // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2020. № 3. С. 12–18.

Кодан С. В. Юридическая политика Российского государства в 1800–1850-е гг.: деятели, идеи, институты. Екатеринбург: УрАГС, 2005. 324 с.

Кожевина М. А., Ящук Т. Ф. Историография истории права и государства России: дореволюционный и советский периоды // Вестник Омского университета. Сер. Право. 2020. Т. 17. № 4. С. 5–15.

Кожевина М. А., Ящук Т. Ф. Эволюция науки истории права и государства России (XVIII–XX вв.). М.: Норма, 2023. 576 с.

Козьмина Е. Ю. Юбилейный сборник научных трудов: характеристика издания // Русский язык: человек, культура, коммуникация – IV: сб. материалов Междунар. науч. конф. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2014. С. 198–208.

Лингвистика и семиотика культурных трансферов: методы, принципы, технологии: кол. моногр. / отв. ред. В. В. Фещенко. М.: Культурная революция, 2016. 500 с.

Мельник М. В. Юбилей университета: к 105-летию Финансового университета // Учет. Анализ. Аудит. 2023. Т. 10. № 3. С. 94–98.

Овчинникова О. А., Морева О. В. Книги из библиотеки Владимира Дмитриевича Набокова в собрании Научной библиотеки Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2023. № 2. С. 85–98.

Ремнев А. Университетский вопрос в Сибири XIX столетия // *Ab Imperio*. 2012. № 1. С. 121–150.

Репина Л. П. Юбилейные истории университетов как жанр современной историографии // Диалог со временем. 2017. Вып. 60. С. 142–152.

Рогов В. А., Рогов В. В. Древнерусская правовая терминология в отношении к теории права (очерки IX – середины XVII в.). М.: МГИУ, 2006. 269 с.

Рыбаков В. А. Преемственность в отечественном праве в переходный период: общетеоретические вопросы: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Омск, 2009. 37 с.

«Сибирское наследие» в собрании Научной библиотеки Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева: каталог выставки / отв. ред. О. А. Овчинникова, сост. и авт. вступ. ст. О. В. Морева. Екатеринбург, 2022. 76 с.

Сорокин В. В. Концепция эволюционного развития правовой системы в переходный период: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2003. 55 с.

Фельдштейн Г. С. Главные течения в истории науки уголовного права в России / под ред. и с предисл. В. А. Томсинова. М.: Зерцало, 2003. 542 с.

Черепакхин Б. Б. Факультет права и местного хозяйства // Десять лет Иркутского государственного университета. 1918–1928. Иркутск: Издание Юбилейной комиссии, 1928. С. 55–66.

References

(2014) K yubileyu nauchnoi shkoly zaslužennogo deyatelya nauki Rossiiskoi Federatsii doktora yuridicheskikh nauk, professora Ivana Yakovlevicha Kozachenko [On the anniversary of the scientific school of the Honored Scientist of the Russian Federation, doctor of legal sciences, professor Ivan Yakovlevich Kozachenko]. In *Kriminologicheskii zhurnal Baikal'skogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava*, no. 1, pp. 5–11.

Agarkov M. M. (1921) Tsennost' chastnogo prava: pamyati prof. A. A. Simolina [The value of private law: in memory of prof. A. A. Simolin]. In *Sbornik trudov professorov i prepodavatelei Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta*. Irkutsk, Irkutskoe otdelenie gosudarstvennogo izdatel'stva, is. 1, pp. 141–171.

Arslanov K. M. (2016) «Vliyanie momenta bezvozmezhnosti v grazhdanskom prave»: k 100-letiyu so dnya zashchity doktorskoj dissertatsii A. A. Simolinym [«The influence of the moment of gratuitousness in civil law»: on the 100th anniversary of the defense of the doctoral thesis by A. A. Simolin]. In *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Ser. Gumanitarnye nauki*, vol. 158, book 2, pp. 311–321.

Baibakova L. V., Nekrasova T. A., Rogulev Yu. N. (2015) Granitsy i perspektivy primeneniya tranzitologii v istoricheskikh issledovaniyakh [The boundaries and prospects of the application of transitology in historical research]. In *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 8. Istorija*, pp. 93–118.

Cherepakhin B. B. (1928) Fakul'tet prava i mestnogo khozyaistva [Faculty of law and local economy]. In *Desyat' let Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. 1918–1928*. Irkutsk, Izdanie Yubileinoi komissii, pp. 55–66.

Dameshek L. M., Kruzhalina A. A. (2021) «Gde byt' universitetu?» Bor'ba za pervyi v Sibiri universitet kak faktor formirovaniya sibirskoi identichnosti [«Where should the university be?» The struggle for the first University in Siberia as a factor in the formation of Siberian identity]. In *Vestnik Omskogo universiteta. Ser. Istoricheskie nauki*, vol. 8, no. 2, pp. 47–53.

Fel'dshtein G. S. (2003) *Glavnye techeniya v istorii nauki ugolovnogo prava v Rossii* [The main trends in the history of the science of criminal law in Russia]. Moscow, Zertsalo, 542 p.

Feshchenko V. V. (Ed.) (2016) *Lingvistika i semiotika kul'turnykh transferov: metody, printsipy, tekhnologii* [Linguistics and semiotics of cultural transfers: methods, principles, technologies]. Moscow, Kul'turnaya revolyutsiya, 500 p.

Grudzinskaya V. S., Frolova T. A. (2023) «Nauchnaya rabota zhiva nauchnym obshcheniem uchenykh» ili zachem sovetskie uchenye ezdili za granitsu v 1920–1930-e gg. (problemy i perspektivy izucheniya) [«Scientific work is alive with scientific communication of scientists» or why Soviet scientists traveled abroad in the 1920^s and 1930^s (problems and prospects of study)]. In *Vestnik Omskogo universiteta. Ser. Istoricheskie nauki*, vol. 10, no. 1, pp. 81–88.

Kalinina A. V., Gordik S. A., Elovikov N. A., Katargin M. V. (2018) Fenomen yubileya v poznanii istorii yuridicheskogo vuza: issledovatel'skie vozmozhnosti i perspektivy [The phenomenon of the jubilee in the knowledge of the history of the law school: research opportunities and prospects]. In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu»*, no. 1, pp. 134–163.

Kazanskii P. E. (1903) *Vopros o prepodavanii prava v russkoi pechati v 1901 g.* [The question of teaching law in the Russian press in 1901]. Odessa, Ekonomicheskaya tipografiya, 304 p.

Kazarin V. N., Lyakutina Yu. P. (2012) *Yuridicheskoe obrazovanie v Vostochnoi Sibiri (1918–1991 gg.)* [Legal education in Eastern Siberia (1918–1991)]. Irkutsk, Izdatel'stvo IGU, 483 p.

Khalatov S. A. (Ed.) (2023) *Voprosy prava i fakta v sudoproizvodstve: sbornik statei k 100-letiyu so dnya rozhdeniya professora K. I. Komissarova*. Moscow, M-Logos, 344 p.

Kodan S. V. (2005) *Yuridicheskaya politika Rossiiskogo gosudarstva v 1800–1850-e gg.: deyateli, idey, instituty* [The legal policy of the Russian state in the 1800^s–1850^s: figures, ideas, institutions]. Yekaterinburg, UrAGS, 324 p.

Kodan S. V. (2020) Istoriografiya yuridicheskoi nauki v sovremennykh obrazovatel'nykh i issledovatel'skii praktikakh [Historiography of legal science in modern educational and research practices]. In *Vestnik Nizhegorodskoi akademii MVD Rossii*, no. 3, pp. 12–18.

Koz'mina E. Yu. (2014) Yubileinyi sbornik nauchnykh trudov: kharakteristika izdaniya [Jubilee collection of scientific papers: characteristics of the publication]. In Rodina I. V., Lanskiikh A. V., Larionova A. Yu. (Eds.) *Russkii yazyk: chelovek, kul'tura, kommunikatsiya – IV: Sbornik materialov Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (Ekaterinburg, 15 aprelya – 15 maya 2014 g.)*. Yekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo federal'nogo universiteta, pp. 198–208.

Kozhevina M. A., Yashchuk T. F. (2020) Istoriografiya istorii prava i gosudarstva Rossii: dorevolyutsionnyi i sovetskii periody [Historiography of the history of law and the State of Russia: pre-revolutionary and Soviet periods]. In *Vestnik Omskogo universiteta. Ser. Pravo*, vol. 17, no. 4, pp. 5–15.

Kozhevina M. A., Yashchuk T. F. (2023) *Evolyutsiya nauki istorii prava i gosudarstva Rossii (XVIII–XX vv.)* [The evolution of the science of the history of law and the state of Russia (XVIII–XX centuries)]. Moscow, Norma, 576 p.

Mel'nik M. V. (2023) Yubilei universiteta: k 105-letiyu Finansovogo universiteta [Anniversary of the University: on the 105th anniversary of the Financial University]. In *Uchet. Analiz. Audit*, vol. 10, no. 3, pp. 94–98.

Ovchinnikova O. A., Moreva O. V. (Ed.) (2022) «Sibirskoe nasledie» v sobranii Nauchnoi biblioteki Ural'skogo gosudarstvennogo yuridicheskogo universiteta imeni V. F. Yakovleva: katalog vystavki [«Siberian heritage» in the collection of the Scientific Library of the Ural State Law University named after V. F. Yakovlev: exhibition catalog]. Yekaterinburg, 76 p.

Ovchinnikova O. A., Moreva O. V. (2023) Knigi iz biblioteki Vladimira Dmitrievicha Nabokova v sobranii Nauchnoi biblioteki Ural'skogo gosudarstvennogo yuridicheskogo universiteta imeni V. F. Yakovleva [Books from the library of Vladimir Dmitrievich Nabokov in the collection of the Scientific Library of the Ural State Law University named after V. F. Yakovlev]. In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu»*, no. 2, pp. 85–98.

Remnev A. (2012) Universitetskii vopros v Sibiri XIX stoletiya [The University question in Siberia of the XIX century]. In *Ab Imperio*, no. 1, pp. 121–150.

Repina L. P. (2017) Yubileinye istorii universitetov kak zhanr sovremennoi istoriografii [Jubilee stories of universities as a genre of modern historiography]. In *Dialog so vremenem*, is. 60, pp. 142–152.

Rogov V. A., Rogov V. V. (2006) *Drevnerusskaya pravovaya terminologiya v otnoshenii k teorii prava (ocherki IX – serediny XVII v.)* [Ancient Russian legal terminology in relation to the theory of law (Essays of the IX – mid-XVII century)]. Moscow, MGU, 269 p.

Rybakov V. A. (2009) *Preemstvennost' v otechestvennom prave v perekhodnyi period: obshcheteoreticheskie voprosy: autoref. dis. ... d-ra yurid. nauk* [Continuity in domestic law in the transitional period: general theoretical issues: theoretical research: an abstract of a doctor of legal sciences thesis]. Omsk, 37 p.

Sorokin V. V. (2003) *Kontseptsiya evolyutsionnogo razvitiya pravovoi sistemy v perekhodnyi period: autoref. dis. ... d-ra yurid. nauk* [The concept of the evolutionary development of the legal

system in the transition period: theoretical research: an abstract of a doctor of legal sciences thesis]. Yekaterinburg, 55 p.

Tomsinov V. A. (Ed.) (2011) *Istoriya yuridicheskogo fakul'teta Moskovskogo universiteta (1755–2010)* [History of the Faculty of Law of Moscow University (1755–2010)]. 2nd ed. Moscow, Izdatel'skii Dom «Gorodets», 640 p.

Zakharov V. V. (2006) *Kak gotovit' yurista: izuchaya russkie retsepty. Ocherki istorii yuridicheskogo obrazovaniya v Rossii vtoroi poloviny XIX – nachala XX veka* [How to prepare a lawyer: studying Russian recipes. Essays on the history of legal education in Russia in the second half of the XIX – early XX century]. Kursk, Kurskii gosudarstvennyi universitet, 297 p.

Zipunnikova N. N. (2020) *Istoriya politicheskikh i pravovykh uchenii v uchebnoi literature: k 130-letiyu so dnya rozhdeniya S. F. Kechek'yana i 65-letiyu s momenta vykhoda v svet izdaniya «Istoriya politicheskikh uchenii» (M., 1955)* [The history of political and legal doctrines in educational literature: on the 130th anniversary of the birth of S. F. Kechekyan and the 65th anniversary of the publication of the publication «History of Political Doctrines» (Moscow, 1955)]. In Kodan S. V. (Ed.) *Istoriografiya istorii politicheskikh i pravovykh uchenii. Teoreticheskie, metodologicheskie i issledovatel'skie problemy: Materialy kruglogo stola*. Yekaterinburg, UrGYuU, pp. 31–35.

Zipunnikova N. N., Kalinina A. V. (2020) *Istoriografiya istorii yuridicheskikh vuzov: chto vidno v zerkale? (Na primere Ural'skogo gosudarstvennogo yuridicheskogo universiteta)* [Historiography of the history of law schools: what is seen in the mirror? (Using the example of the Ural State Law University)]. In *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal*, no. 4, pp. 169–182.

УЧЕНЫЕ-ЮРИСТЫ В ПАНОРАМЕ ЭПОХИ: ТРАНЗИТ КАЗАНЬ – ИРКУТСК – СВЕРДЛОВСК. ПЕРВАЯ ТРЕТЬ XX в.

Казарин Виктор Николаевич

Заведующий кафедрой отечественной истории Байкальского государственного университета (Иркутск), доктор исторических наук, профессор, ORCID: 0000-0002-1590-3005, e-mail kazarinvik@yandex.ru.

Рассмотрены основные научные направления и правовые школы, сложившиеся в Императорском Казанском университете, особенно на рубеже XIX–XX вв. Показаны наиболее выдающиеся ученые-юристы университета, оказавшие влияние на развитие различных наук публичного и частного права. Отмечено, что революционные события 1917 г. и начавшейся Гражданской войны вызвали неприятие значительной частью университетской профессуры власти большевиков. Следствием радикальных перемен в социальной жизни и в университетской среде стал отъезд многих ученых из Казани. Автором исследовано, почему центром их нового сосредоточения стал учрежденный в 1918 г. Иркутский университет. Проанализированы биографии ученых и педагогов-юристов, их связи с Казанью и Иркутском. Обращено внимание на преемственность старейшей казанской и молодой иркутской правовых школ. Указано, что рубежные события начала 1930-х гг. затронули юридическое образование в стране. На конкретных примерах исследовано, каким образом происходил транзит Института советского права из Иркутска в Свердловск, как это сказалось на судьбах профессоров и преподавателей-юристов. Сделан вывод о том, что, несмотря на различные социальные трансформации, удалось сохранить лучшие традиции юридического образования, адаптировав их к принципиально новым условиям.

Ключевые слова: юридическое образование и наука, Казанский университет, Иркутский университет, Свердловский юридический институт, научные традиции

Для цитирования: Казарин В. Н. Ученые-юристы в панораме эпохи: транзит Казань – Иркутск – Свердловск. Первая треть XX в. // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2023. № 6. С. 14–24. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2023_6_14.

SCIENTISTS-LAWYERS IN THE ERA PANORAMA: TRANSIT KAZAN – IRKUTSK – SVERDLOVSK. THE FIRST THIRD OF THE XX CENTURY

Kazarin Victor

Head of the department, Baikal state university (Irkutsk), doctor of historical sciences, ORCID: 0000-0002-1590-3005, e-mail of kazarinvik@yandex.ru.

The main scientific directions and legal schools which developed at the Imperial Kazan University, especially at a boundary of the XIX–XX centuries are considered. The most outstanding scientists-lawyers of the University who influenced development of various sciences of public and private law are shown. It is noted that revolutionary events of 1917 and the begun Civil war caused rejection by a considerable part of university professorate of the power of Bolsheviks. Departure of many scientists from Kazan became a consequence of sweeping changes in social life and in the university environment. The author investigated why the center of their new concentration became founded in 1918 Irkutsk University. Intellectual biographies of scientists and teachers-lawyers, their communications with Kazan and Irkutsk are analyzed. The attention to continuity of the oldest Kazan and young Irkutsk legal schools is paid. It is specified that main events of the beginning of the 1930s mentioned legal education in

the country. On concrete examples it is investigated how there was a transit of Institute of the Soviet right from Irkutsk to Sverdlovsk as it affected the future of professors and teachers-lawyers. The conclusion is drawn that, despite various social transformations it was succeeded to keep the best traditions of legal education, having adapted them to essentially new conditions.

Key words: legal education and science, Kazan University, Irkutsk University, Sverdlovsk Legal Institute, scientific traditions

*For citation: Kazarin V. (2023) Scientists-lawyers in the era panorama: transit Kazan – Irkutsk – Sverdlovsk. The first third of the XX century. In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnal»*, no. 6, pp. 14–24. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2023_6_14.*

В начале XIX в. вслед за Дерптским (позднее – Юрьевский и Тартуский, 1803) был учрежден Казанский (1804) университет, ставший одним из ведущих научно-образовательных центров Российской империи, оказавший наибольшее влияние на становление и развитие образования и науки в восточных регионах государства. В Казанском университете в разное время до переломного для России 1917 г. работали известные ученые, труды которых внесли серьезный вклад в отечественную и мировую науку: Н. И. Лобачевский, А. М. Бутлеров, Н. Н. Зинин, В. М. Бехтерев, Г. И. Солнцев, Д. И. Мейер, Г. Ф. Шершеневич, А. А. Пионтковский и др.

Первым русским ученым-правоведом в Казанском университете, который получил докторскую степень, был Гавриил Ильич Солнцев. Он читал лекции по правовым дисциплинам, занимался изучением вопросов римского, гражданского и уголовного права, признан первым ученым-криминалистом в истории университета. Был деканом нравственно-политического отделения (1818 г., так тогда именовалось юридическое направление подготовки), проректором и ректором (1819).

С конца 1830-х гг. на юридическом факультете стали проводиться чтения по истории русского права, которые читали А. Г. Станиславский и Д. И. Мейер. А уже к середине 1840-х гг. впервые в истории факультета были замещены все кафедры и проводились занятия по всем учебным дисциплинам, предусмотренным университетским Уставом 1835 г. С середины 1850-х гг. деканом факультета стал Дмитрий Иванович Мейер, с приходом которого оживилась научная жизнь. Им же были заложены традиции разработки проблем науки гражданского права. Д. И. Мейер опубликовал работу «О значении практики в системе юридического образования»; он же организовал при факультете юридическую клинику, в которую могли обращаться жители за консультациями по гражданско-правовым вопросам¹. При этом консультации проводились в присутствии и с участием студентов.

Ученик Д. И. Мейера Н. П. Иванов внес заметный вклад в разработку проблем науки международного частного права. В развитие проблем публичного права неоценим вклад ученого Николая Константиновича Нелидова, который совместно с известным ученым-юристом А. Д. Градовским выступал за создание новых подходов к науке о государстве. Н. К. Нелидов, отвергая юридический позитивизм, стоял у истоков социологической юриспруденции, выводя право из социальных и экономических явлений и процессов, а не из самого права.

В Казанском университете начинал свою научно-педагогическую деятельность видный ученый Габриэль Феликсович Шершеневич. Именно там были написаны и изданы его труды «Определение понятия о праве» (1896), «О чувстве законности» (1897). П. В. Крашенинников назвал Г. Ф. Шершеневича одним из 12 апостолов права, предвосхитившим современные достижения в области теории, философии, социологии права, теории конституционализма, науки гражданского права, одним из самых цитируемых в наше время правоведов².

С января 1899 г. и до своей смерти (январь 1916 г.) в Казанском университете в качестве ординарного профессора кафедры уголовного права и судопроизводства, де-

¹ Емельянова И. А. Юридический факультет Казанского университета в 40–50-е гг. XIX в. // Правоведение. 1980. № 5. С. 86–89.

² Перевалов В. Д. Рец. на кн.: Крашенинников П. В. 12 апостолов права. М.: Статут, 2015. 223 с. // Российский юридический журнал. 2015. № 5. С. 196.

кана юридического факультета трудился Андрей Антонович Пионтковский. Один из знаковых представителей социологического направления в науке уголовного права, он высказал прогрессивные для своего времени идеи об условном осуждении и условном освобождении, отстаивая гуманистические идеи в области борьбы с преступностью¹. Кроме указанных выше, в начале переломных событий первой трети XX в. Императорский Казанский университет был представлен такими яркими для юридического образования и науки именами, как Григорий Федорович Дормидонтов, экстраординарный профессор по кафедре римского права, Николай Павлович Загоскин, доктор государственного права, профессор истории русского права, заслуженный профессор Казанского университета, Виктор Викторович Ивановский, доктор полицейского права, профессор государственного права, Евгений Алексеевич Нефедьев, доктор гражданского права, ординарный профессор гражданского судопроизводства, Семен Викентьевич Пахман, доктор гражданского права, профессор гражданского права, сенатор, почетный член нескольких университетов².

В последней четверти XIX в. юридическое образование в России становилось наиболее востребованным. Так, по данным известного исследователя, профессора Е. А. Скрипилева, в 1880 г. свыше 20 % всех студентов российских университетов обучались на юридических факультетах, а в 1894 г. этот процент возрос до 36,9. Из общего количества всех слушателей Казанского университета в 1907/1908 гг. (3500 человек) на юридический факультет поступило 1380 человек, включая вольнослушателей³.

Революционные события 1917 г. затронули и российское высшее образование. В марте 1917 г. в Казанском университете был избран специальный комитет для «скорейшего успокоения студентов, урегулирования учебных занятий, изыскания и принятия мер к недопущению в университет посторонних лиц и вообще к устранению возможных эксцессов». Октябрьскую большевистскую революцию большинство казанской профессуры, будучи либеральным по своим убеждениям, не приняло. Царило полное неверие в прочность положения большевиков, поэтому никаких контактов с новой властью у университета не было. Наступила «полная автономия» университета. Однако обратной ее стороной стала неопределенность и финансовое прозябание. Поэтому, когда в июле 1918 г. Народный комиссариат просвещения советской России созвал совещание в Москве по вопросам, связанным с реформой высшей школы, от преподавательского состава университета были избраны представители. Начался медленный процесс сближения Казанского университета с советской властью. Но в августе 1918 г. в Казани установилась власть Комитета членов Учредительного собрания (КОМУЧ, г. Самара). Совет университета приветствовал эту власть. КОМУЧ принял решение, обязывающее руководствоваться всеми законоположениями и постановлениями, изданными до 24 октября 1917 г. И вновь пришлось испытать очередную трансформацию, но недолго: 9 сентября 1918 г. Красная армия вступила в Казань; советская власть была восстановлена. А в университете произошли следующие изменения: был открыт лесной факультет, но закрыт юридический. Вместо последнего был создан факультет общественных наук (ФОН)⁴. Все эти события в совокупности, особенно последнее, и явились причиной массового отъезда казанской юридической профессуры на восток, в Иркутск.

Итак, ответим на вопрос: почему Иркутск? Вопрос об открытии университета в Сибири неоднократно обсуждался еще в первой половине XIX в. В 1888 г. был открыт университет в Томске. Но иркутская администрация и общественность ставили вопрос об открытии второго университета именно в административном центре Восточной Сибири, прилагая к этому немало усилий. Не ставя задачей подробное рассмотрение

¹ Бажанов А. Т., Малков В. П. Факультет, на котором учился В. И. Ленин (к 175-летию Казанского университета) // Правоведение. 1980. № 2. С. 16–17.

² Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Казанского университета: за сто лет (1804–1904): в 2 ч. / под рук. засл. орд. проф. Н. П. Загоскина. Ч. 2. Факультеты юридический и медицинский, преподаватели искусств и добавления справочного характера. Казань: Типо-лит. Имп. ун-та, 1904. С. 21, 26–29, 32–34, 55–56, 64–69.

³ Скрипилев Е. А. О юридическом образовании в дореволюционной России (XVIII – начало XX в.) // Государство и право. 2000. № 9. С. 84.

⁴ Корбут М. К. Казанский государственный университет имени В. И. Ульянова-Ленина за сто двадцать лет. 1804/5 – 1929/30. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1930. Т. 2. С. 193, 301–303, 308.

этого вопроса, отметим, что в 1912 г. в Иркутске были: Институт имени Николая I (Девичий институт), учительский институт, учительская семинария и 12 училищ. Накануне Первой мировой войны находилось около 30 ученых, сотрудничавших со ВСОРГО, имевшим музей и научную библиотеку. Кроме того, была городская библиотека (около 40 тыс. томов), Потанинская библиотека, несколько десятков различных учебных заведений, издавались газеты. В годы войны «университетский вопрос» вновь приобрел особую остроту в связи с информацией о намерении Министерства просвещения Российской империи открыть новые университеты в восточной части государства: либо в Иркутске, либо во Владивостоке. В связи с этим Иркутская городская дума в июле 1916 г. создала специальную комиссию во главе с городским головой И. М. Бобровским. В результате была составлена обстоятельная записка о необходимости и возможности открытия университета именно в Иркутске; было собрано около 50 тыс. руб. на постройку здания для будущего учебного заведения. Эти действия достигли своей цели: 24 февраля 1917 г., буквально за несколько дней до падения монархии и ее институтов, Совет министров остановил свой выбор на Иркутске¹. Но «февральский вихрь» отбросил решение этого вопроса на неопределенное время.

В условиях постоянно меняющейся обстановки Временное правительство планировало открыть университет в Иркутске с 15 октября 1917 г. в составе юридического факультета с тем, чтобы впоследствии был открыт физико-математический факультет. Но Временное правительство пробыло у власти в России короткое время, не успев и не сумев решить многое из намеченного, в том числе научно-образовательные вопросы. В июне 1918 г. ситуация в Сибири резко изменилась. Власть перешла к Сибирскому Временному правительству с центром в Омске. В середине августа 1918 г. министр народного просвещения, профессор В. В. Сапожников подписал устав Иркутского университета, который фактически стал осуществлять научно-образовательную деятельность с 27 октября 1918 г. в составе двух факультетов: юридического и историко-филологического. Университет стал функционировать на принципах Устава 1884 г. и последующих узаконений до 1917 г., а не советского законодательства.

Кто же они, основатели юридического образования в Восточной Сибири, чья судьба ранее так или иначе была связана с Казанским университетом?

Михаил Михайлович Агарков в 1912 г. окончил с дипломом первой степени Казанский университет, был оставлен для приготовления к профессорскому званию по кафедре гражданского права и судопроизводства, проходил научную стажировку в Сорбонне (Франция, Париж). Приват-доцент, с июня 1918 г. стал исполнять должность [и. д.] доцента Казанского университета. С октября 1918 г. и. д. декана юридического факультета Иркутского университета, экстраординарный профессор по кафедре гражданского и торгового права ИГУ. С февраля 1920 г. также профессор кафедры общей теории права и истории философии права ИГУ. Читал лекции по общей теории права, гражданскому праву, банковскому праву, торговому праву. В иркутский период опубликовал статью «Ценность частного права», посвященную памяти профессора Казанского университета А. А. Симолина, умершего в Иркутске. Принимал активное участие в общественно-просветительной деятельности в Иркутском университете. В 1921 г. переехал в Саратов².

Иван Александрович Антропов также в 1912 г. окончил Казанский университет, стажировался в Берлинском и Лейпцигском университетах, с 1916 г. доцент по кафедре гражданского права и судопроизводства Казанского университета, затем – профессор Пермского университета и Омского сельскохозяйственного института; при этом одновременно – управляющий делами Директории и председатель Юридического совета Российского правительства (адмирала А. В. Колчака) в Омске. В Иркутском университете с февраля 1920 г. до 1930 г.: профессор кафедр гражданского права и теории права. Преподавал теорию права и государства, государственный строй СССР, право производства, обмена и распределения. После реорганизации университета – заведующий кафедрой хозяйственного права Сибирского института советского права

¹ Казарин В. Н. О забытом споре городов, или почему и как Иркутск стал вторым университетским городом Сибири // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2012. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2012. С. 58–61.

² Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. Р-71. Оп. 1. Д. 3, 12; Д. 34. Л. 14; Д. 37. Л. 5–6.

(Иркутск), затем переехал в Свердловск. Один из основателей Свердловского правового (юридического) института. В 1938 г. арестован органами НКВД СССР, расстрелян. Реабилитирован в феврале 1958 г. Военной коллегией Верховного Суда СССР¹.

Василий Павлович Доманжо в 1904 г. окончил Казанский университет. В 1909–1917 гг. приват-доцент кафедры римского права Казанского университета, в 1917–1918 гг. профессор Пермского университета. С октября 1918 г. профессор, первый декан юридического факультета Иркутского университета. После реорганизации факультета – с 1920 г. профессор гуманитарного факультета ИГУ, позднее – председатель президиума Факультета общественных наук (ФОН) ИГУ. В 1920 г. некоторое время исполнял обязанности ректора Иркутского университета. Преподавал курсы римского и гражданского права. После тяжелой болезни умер в сентябре 1922 г. в Иркутске².

Герберт Юлианович Маннс окончил в 1912 г. Казанский университет. После окончания университета был оставлен для приготовления к профессорскому званию под руководством ординарного профессора А. А. Пионтковского. В 1913–1914 гг. проходил научную стажировку в Берлинском университете, прерванную Первой мировой войной. С 1916 г. приват-доцент, и. о. доцента Казанского университета. В 1918 г. в условиях Гражданской войны в Поволжье переехал в Уфу, где короткое время состоял членом Юридического совещания при Всероссийском Временном правительстве. Осенью 1918 г. прибыл в Иркутск. Утвержден в должности и. д. экстраординарного профессора по кафедре уголовного права и судопроизводства Иркутского университета. Принимал самое активное участие в формировании юридического образования в Восточной Сибири: был председателем правовой предметной комиссии, проректором, председателем правового отделения факультета общественных наук (ФОН) и его деканом, а также деканом факультета права и местного хозяйства ИГУ. Несмотря на огромную занятость, опубликовал несколько десятков трудов, среди них такие как «Криминалистика как прикладная дисциплина и предмет преподавания», «Меры социальной защиты в Уголовном кодексе РСФСР и в итальянском проекте Уголовного уложения 1921 г.», «Алкогольная преступность и борьба с самогонварением в Иркутской губернии» и др. В июле 1928 г. переехал в Саратов, где работал директором Фундаментальной библиотеки Саратовского государственного университета, заведующим кафедрой уголовного права Саратовского юридического института. В ноябре 1937 г. арестован, а в мае 1938 г. признан виновным в совершении преступлений, приговорен к высшей мере наказания – расстрелу с конфискацией всего лично принадлежащего ему имущества. Приговор приведен в исполнение. В ноябре 1957 г. определением Военной коллегии Верховного Суда СССР приговор в отношении Г. Ю. Маннса был отменен по вновь открывшимся обстоятельствам, свидетельствующим о необоснованности осуждения³.

Осенью 1918 г. в Иркутский университет прибыл также ординарный профессор Казанского университета Сергей Петрович Покровский. Он не являлся выпускником Казанского университета, но служил в нем с мая 1915 г. экстраординарным, а затем ординарным профессором. С. П. Покровский окончил Демидовский юридический лицей (ныне – Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова). Звание приват-доцента получил в Харьковском университете, прошел научную стажировку в Парижском и Тулузском университетах, магистерскую диссертацию защитил в Московском университете (1914). В Иркутском университете С. П. Покровский с 18 октября 1918 г. ординарный профессор по кафедре истории римского права, а с 29 октября – и. д. ординарного профессора по кафедре истории русского права. Читал лекции по истории русского права, философии права, государственному праву, социологии. В Иркутске же им была издана «История русского права: краткий обзор лекций по истории русского права» (1919). В 1920 г. покинул Иркутск, переехал в Ташкент, где стал профессором учрежденного Туркестанского (Среднеазиатского) университета⁴.

¹ Доктора юридических наук, профессора – преподаватели и выпускники Иркутского государственного университета: биобиблиогр. словарь / сост. и отв. ред. проф. В. Н. Казарин; авт. вступ. ст. О. П. Личичан. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2018. С. 31–32.

² Казарин В. Н., Лякутина Ю. П. Юридическое образование в Восточной Сибири (1918–1991 гг.): моногр. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2012. С. 124–125.

³ Доктора юридических наук, профессора – преподаватели и выпускники Иркутского государственного университета: биобиблиогр. словарь. С. 114–117.

⁴ Архив Иркутского государственного университета. Оп. 3. Д. 123.

Позднее остальных в Иркутск прибыл выпускник юридического факультета Казанского университета Борис Борисович Черепяхин. Получив диплом первой степени в 1917 г., был оставлен на кафедре гражданского права и судопроизводства для приготовления к профессорскому званию. В 1918–1919 гг. принимал участие в Гражданской войне. В архиве Иркутского университета нами был найден документ, указывавший, что Б. Черепяхин являлся «бывшим младшим офицером колчаковской армии». С 1920 г. началась научно-педагогическая деятельность: сначала в Пермском государственном университете, затем в Саратовском. В Иркутском университете Б. Б. Черепяхин работал в 1924–1931 гг. профессором факультета права и местного хозяйства, а затем факультета советского строительства. Преподавал курс хозяйственного права. В Иркутске им были опубликованы такие работы, как «К вопросу о частном и публичном праве» (1926), «Ответственность грузополучателя по требованиям из договора железнодорожной перевозки» (1927), «К вопросу о договорном принуждении в советском транспортном праве» (1929)¹.

Как видим, это выпускники и преподаватели Казанского университета, составившие основу кадрового потенциала Иркутского университета, заложившие основы правовых исследований в Восточной Сибири.

Дополним этот список другими именами, чья судьба также была связана с Казанью, а затем с Иркутском: юристы Александр Александрович Симолин, Владимир Сергеевич Манассеин, Всеволод Петрович Денике, экономист Петр Павлович Маслов, историк Владимир Иванович Огородников, филологи Афанасий Матвеевич Селищев, Леонид Ипполитович Пономарев, медики Николай Дмитриевич Бушмакин, Николай Александрович Синакевич, Михаил Сергеевич Малиновский, Алексей Дмитриевич Сперанский, Александр Александрович Мелких, Николай Николаевич Топорков.

Как же судьба ученых-юристов в вихре революции и Гражданской войны оказалась связанной с Иркутском? А. А. Симолин, 1879 года рождения, выпускник юридического факультета Казанского университета, доктор права, профессор, председатель Казанской городской думы, затем декан экономического факультета Сибирского института сельского хозяйства и промышленности (Омск), 14 декабря 1919 г. вместе со студентами этого института прибыл в Иркутск. К сожалению, уже 23 декабря он скончался. В последний путь его провожали коллеги по Казанскому университету М. М. Агарков, В. П. Доманжо, Г. Ю. Маннс².

Н. Д. Бушмакин стал вторым ректором Иркутского университета и первым ректором советского периода. В. И. Огородников – первым деканом историко-филологического факультета ИГУ, а указанные выше медики – основателями высшего медицинского образования в Восточной Сибири.

По данным С. Е. Лившица, инициатива создания первого в Казани марксистского кружка принадлежала студенту П. Маслову³, впоследствии известному представителю социал-демократического движения меньшевистского направления, теоретику по аграрному вопросу, оппоненту В. И. Ленина.

Петр Павлович Маслов 30 мая 1919 г. был избран и. д. экстраординарного профессора Иркутского университета по кафедре политической экономии⁴. П. П. Маслов известен как крупный ученый-экономист, автор исследований, посвященных проблемам политической экономии, социологии, истории аграрного вопроса в России, истории народного хозяйства и кооперации.

В 1916 г. юридический факультет Казанского университета окончил В. П. Денике, отмеченный в студенческие годы одним из революционных агитаторов от левых партий. Всеволод Петрович Денике в мае 1919 г. приступил к работе в качестве младшего ассистента кафедры уголовного права Иркутского университета. При этом Денике в январе 1920 г. стал заместителем председателя Чрезвычайной следственной комиссии, созданной Политцентром, который в Иркутске на короткое время взял власть в свои руки еще до ареста А. В. Колчака. В этой должности Денике пробыл недолго,

¹ Доктора юридических наук, профессора – преподаватели и выпускники Иркутского государственного университета: биобиблиогр. словарь. С. 233–235.

² Иркутская летопись 1661–1940 гг. / сост., предисл. и прим. Ю. П. Колмаков. Иркутск: Оттиск, 2003. С. 386–387.

³ Корбут М. К. Указ. соч. С. 181.

⁴ Архив Иркутского государственного университета. Оп. 71. Д. 388. Л. 1, 2, 6.

поскольку 21 января 1920 г. власть в городе перешла к Военно-революционному комитету, а комиссия была реорганизована в Чрезвычайную следственную комиссию. Весной 1920 г. Денике стал заведующим карательным подотделом отдела юстиции, с возложением обязанностей заведующего судебно-следственного отдела, оставаясь преподавателем университета на совмещенной основе.

Выпускником юридического факультета Казанского университета был и Владимир Сергеевич Манасеин, окончивший его уже в звании штабс-капитана императорской армии и имевший военное образование (окончил Николаевское военно-инженерное училище в Санкт-Петербурге). В Иркутске Манасеин оказался в связи с эвакуацией подразделения колчаковской армии в звании подполковника в 1919 г. После падения режима Колчака Манасеин был проверен органами ЧК и политуправления и принят в управление Пятой Красной армии, вступившей в Иркутск. Но в июле 1920 г. Манасеин демобилизовался и стал профессорским стипендиатом по кафедре истории русского права Иркутского университета. Архивные документы свидетельствуют о том, что в 1922–1925 гг. Манасеин был преподавателем кафедры истории права университета, в 1925–1930 гг. – директором фундаментальной библиотеки ИГУ, а с весны 1930 г. до августа 1937 г. – директором Восточно-Сибирского горного института (в настоящее время – Иркутский национальный исследовательский технический университет). В 1937 г. арестован, обвинен в участии в контрреволюционной организации и шпионаже в пользу японской разведки. Приговорен к высшей мере наказания – расстрелу, который не был приведен в исполнение, поскольку Манасеин за день до исполнения приговора умер в тюремной больнице. В мае 1958 г. реабилитирован посмертно определением Военного трибунала Забайкальского военного округа за отсутствием состава преступления¹.

Таким образом, один из старейших и авторитетных университетов России – Казанский – стал в силу конкретных социально-политических причин революционного времени и лихолетья Гражданской войны, основным «отцом-основателем» Иркутского университета, а казанская юридическая школа оказала решающее влияние на формирование и становление правовых исследований в Иркутске.

Юридическое образование в Иркутском университете последовательно прошло пять этапов развития: классический (юридический факультет), переходный (из юридического в общегуманитарный факультет), общественно-научный (факультет общественных наук с правовыми специализациями), факультет права и местного хозяйства, факультет советского строительства (по сути, ликвидационный)². В ноябре 1930 г. на всесоюзном уровне законодательную поддержку получила идея разделения юридического образования на две системы: для работников советского аппарата и для судебно-прокурорских органов. Подготовку юристов должны осуществлять не университеты, а ведомственные вузы. Это влекло пересмотр образовательных программ, обновление кадрового состава правовых институтов.

Постановлением ВЦИК РСФСР от 26 апреля 1931 г. был создан Сибирский институт советского права в Иркутске как самостоятельное высшее учебное заведение. На основании приказа Народного комиссариата юстиции (НКЮ) РСФСР от 10 июля 1934 г. и постановления Совнаркома РСФСР от 1 августа 1934 г. институт вместе с преподавателями был переведен в Свердловск. Постановлением ЦИК и СНК СССР от 5 марта 1935 г. Сибирский институт был переименован в Свердловский правовой институт, который согласно постановлению НКЮ РСФСР от 3 июля 1936 г. получил название «Свердловский юридический институт»³.

По данным на 1 января 1933 г. в Сибирском (Иркутском) институте числилось 192 человека. Научных работников было 18, из них штатных и совместителей поровну. Институт состоял из пяти кафедр: политэкономии, учения о государстве и праве, уголовной политики, хозяйственного права, теории судебного права. На 1933/35 учебный год приказом по институту от 5 июля было утверждено шесть кафедр: экономических

¹ Казарин В. Н., Лякутина Ю. П. Указ. соч. С. 159–160, 165–166.

² Казарин В. Н. Пять моделей юридического образования во втором сибирском университете в условиях трансформации общества и государства (1918–1931 гг.) // Российский юридический журнал. 2019. № 1. С. 137–151.

³ Перевалов В. Д. История и современность кафедры теории государства и права Уральского государственного юридического университета // Российский юридический журнал. 2018. № 5. С. 156.

наук (заведующий – профессор З. Б. Гаухштейн), диалектического материализма и ленинизма (вакантна), учения о праве и государстве (и. о. профессора Е. Г. Тараненко), уголовно-правовой политики (и. о. профессора Ю. М. Позан), теории судебного процесса (и. о. профессора И. А. Карстин), хозяйственного права (и. о. профессора И. А. Антропов)¹. По данным известного исследователя юридического образования Н. Н. Зипунниковой, из Иркутска в Свердловск приехало 15 преподавателей во главе с первым директором Ю. М. Позаном. В их числе были И. А. Антропов, В. Н. Дурденевский, И. Д. Мартысевич, Б. Б. Черепяхин. Для обеспечения учебного процесса требовалось вдвое больше. Коротко отметим, как сложилась их судьба.

Об И. А. Антропове речь шла выше. Трагически сложилась и судьба Юрия Михайловича Позана. В 1917 г. он поступил на медицинский факультет Томского университета, но в 1919 г. был призван в армию «белых» фельдшером 45-го полка, базировавшегося в Томске. Вскоре дезертировал из белой армии, проживал по фиктивным документам. После восстановления советской власти вновь учился на медицинском факультете, но затем перевелся на правовое отделение, которое окончил в 1922 г. С этого же года стал работать в Иркутском университете заведующим секретариатом по студенческим делам. А с 1923 г. с перерывами преподавал уголовное и судебное право в ИГУ. В 1925–1928 гг. член Иркутского губернского суда, заместитель председателя суда. С 1928 по 1931 г. на постоянной работе в ИГУ. С 1931 г. первый директор Сибирского института советского права. В 1934 г. в связи с переездом института в Свердловск стал первым директором этого института. В 1936 г. коллектив Свердловского юридического института был награжден Почетной грамотой Наркомата юстиции СССР, а нарком юстиции Н. В. Крыленко лично поблагодарил директора Ю. М. Позана. А весной 1938 г. была арестована группа преподавателей Свердловского института, предъявлено обвинение и Ю. М. Позану в создании в институте контрреволюционной троцкистской организации. В августе 1938 г. состоялось закрытое заседание Верховного Суда Союза ССР. Ю. М. Позану был вынесен приговор: расстрел с конфискацией всего лично принадлежащего имущества, приведенный в исполнение. В феврале 1958 г. Военная коллегия Верховного Суда отменила этот приговор по вновь открывшимся основаниям и прекратила уголовное дело за отсутствием состава преступления².

Всеволод Николаевич Дурденевский – выпускник юридического факультета Московского университета, впоследствии крупный ученый в области государственного и международного публичного права. В Иркутском университете во второй половине 1920-х гг. читал курсы международного публичного, государственного и административного права, опубликовал несколько работ, среди них наиболее известна «Автономные республики в составе Союза ССР» (1929). В СЮИ читал лекции по дисциплинам публичного права; некоторое время – по истории государства и права Нового времени. С 1948 г. преподавал в Московском институте международных отношений. В качестве эксперта делегации СССР принимал участие в Потсдамской конференции, Парижской мирной конференции, Белградской конференции о режиме судоходства по Дунаю. Участник подготовки мирных договоров СССР с Италией, Финляндией, Венгрией, Болгарией и Румынией в 1947 г. Чрезвычайный и Полномочный посланник 2-го класса, заслуженный деятель науки РСФСР. Умер в 1963 г.³

Иосиф Дементьевич (в некоторых источниках – Демьянович) Мартысевич – один из первых выпускников Иркутского университета: поступил на факультет права и местного хозяйства, а окончил в 1930 г. факультет советского строительства. До этого работал в Амурской губернской прокуратуре заведующим секретной частью, помощником Амурского губернского прокурора. После окончания Иркутского университета стал одним из первых аспирантов при кафедре, а затем в Сибирском институте советского права, одновременно преподавал на рабфаке ИГУ. В СЮИ работал на кафедре

¹ Зипунникова Н. Н. «Правильный путь в искании новых методов преподавания» и «фактический состав стабилен, летунов нет»: Сибирский (Иркутский) институт советского права в 1933 г. // Российский юридический журнал. 2015. № 4. С. 174, 199–200.

² Смыкалин А. С. Приговор обжалованию не подлежит... К 100-летию со дня рождения первого ректора Свердловского юридического института проф. Юрия Михайловича Позана // Государство и право. 1999. № 6. С. 120–122.

³ Дубинин Ю. В. Профессор В. Н. Дурденевский – выдающийся ученый и дипломат (1889–1983) // Вестник МГИМО-Университета. 2012. № 4. С. 282–283.

вместе с авторитетным ученым в области истории государства и права Серафимом Владимировичем Юшковым и непродолжительное время с профессором Степаном Федоровичем Кечекияном. После отъезда обоих из Свердловска фактически он один читал лекции и проводил занятия по курсу «История государства и права СССР». Занимался и административно-организаторской работой: был помощником, заместителем, и. о. заведующего учебной частью института, заместителем, а в ряде случаев временно исполнял обязанности директора СЮИ. В феврале 1939 г. Совет Московского юридического института присудил ему ученую степень кандидата юридических наук за защиту диссертации «О феодальной поземельной собственности в Московском государстве XVI–XVII вв.». С марта 1940 г. был отчислен из числа сотрудников института в связи с призывом в Красную армию¹. В дальнейшем И. Д. Мартысевич занимался научно-педагогической деятельностью на юридическом факультете Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, заведовал кафедрой истории государства и права (1969–1979). Умер в Москве в 1990 г.

Пожалуй, по времени больше остальных преподавателей, прибывших из Иркутска, в СЮИ проработал Б. Б. Черепяхин: до 1952 г., в том числе с марта 1939 г. заместителем директора института по научной работе. С 1952 по 1957 г. возглавлял кафедру гражданского права Ленинградского государственного университета им. А. А. Жданова, а в 1954–1957 гг. был деканом юридического факультета. Умер в 1969 г.²

Интересна биография Карла Сергеевича Юдельсона, крупнейшего ученого-процессуалиста, чья творческая жизнь также была связана с Иркутском и Свердловском. Уроженец Иркутска, он в трудном 1920 г. начал свою трудовую жизнь в возрасте 16 лет конторщиком Восточно-Сибирского округа шоссейных дорог в Иркутске. В следующем году поступил в Иркутский университет на правовое отделение факультета общественных наук, а окончил он уже факультет права и местного хозяйства по сокращенной программе в 1924 г. Стал работать юрисконсультантом в Восточно-Сибирском отделе Транспечати и одновременно членом коллегии защитников. Во второй половине 1920-х гг. начал публиковаться в различных юридических журналах. В 1927 г., по данным М. М. Зубовича, К. С. Юдельсон переехал в Свердловск, где работал юрисконсультантом, а затем – начальником договорного отдела Главметаллосбыта, консультантом и арбитром Госарбитража и арбитража Наркомчермета. С сентября 1937 г. началась научно-педагогическая деятельность К. С. Юдельсона в Свердловском юридическом институте, в том числе в качестве и. о. заведующего кафедрой судебного права (1944–1949), профессора кафедры гражданского права и процесса (1949–1952), и. о. и заведующего кафедрой гражданского процесса СЮИ (1952–1954). Именно в Свердловском юридическом институте выпускник Иркутского университета К. С. Юдельсон защитил кандидатскую диссертацию (1942) и спустя относительно небольшой период, в 1947 г., докторскую диссертацию. С 1965 по 1976 г. ученый-педагог заведовал кафедрой гражданского процесса в Саратовском юридическом институте, а в 1977 г. вновь вернулся в Свердловский юридический институт профессором кафедры гражданского процесса. Умер в 1991 г.³ Можно утверждать, что К. С. Юдельсон является основоположником школы науки гражданского процесса двух ведущих правовых школ: уральской и саратовской.

Таким образом, основные факты интеллектуальных биографий ученых-юристов наглядно показывают нам, что лучшие традиции юридического образования и науки старейшего университета России – Казанского – в очень сложное переломное время были восприняты и продолжены во вновь открытом втором сибирском университете – Иркутском. Пережив период различных трансформаций, юридическое образование в Иркутском университете, как и в других вузах страны, вновь подверглось радикальной ломке рубежа 1920–1930-х гг. Перемещение центра тогдашнего юридического образования из Восточной Сибири на Урал в определенной степени было оправданно. Положительно то, что при реализации этого решения не были потеряны

¹ Зипунникова Н. Н. Кафедре истории государства и права СЮИ–УрГЮА–УрГЮУ – 80: эпоха становления. Часть 2. Преподаватели // Российский юридический журнал. 2016. № 6. С. 188, 209, 210.

² Зипунникова Н. Н. Б. Б. Ч. как связь времен (К 120-летию со дня рождения Б. Б. Черепяхина) // Российский юридический журнал. 2015. № 1. С. 232–240.

³ Зубович М. М. Развитие теории доказательств иркутской цивилистической процессуальной школой: научно-исторический очерк. Иркутск: Изд-во Иркутского гос. ун-та, 2008. С. 15–17.

профессиональные кадры, некоторые из них начали формироваться еще в казанский период. Начальный свердловский период юридического образования при всех трудностях материального, финансового порядка, влияния политических, идеологических и репрессивных факторов 1930-х гг. показал при этом устойчивость, позитивную адаптацию к изменившимся условиям и, что стоит отметить особо, не растерял все лучшее, что дали предшествующие казанский и иркутский периоды юридического образования и научных исследований.

Список литературы

- Архив Иркутского государственного университета. Оп. 3. Д. 123; Оп. 71. Д. 338. Л. 1, 2, 6.
- Бажанов А. Т., Малков В. П. Факультет, на котором учился В. И. Ленин (к 175-летию Казанского университета) // Правоведение. 1980. № 2. С. 13–21.
- Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Казанского университета: за сто лет (1804–1904): в 2 ч. / под рук. засл. орд. проф. Н. П. Загоскина. Ч. 2. Факультеты юридический и медицинский, преподаватели искусств и добавления справочного характера. Казань: Типо-лит. Имп. ун-та, 1904. 453 с.
- Государственный архив Иркутской области. Ф. Р-71. Оп. 1. Д. 3, 12; Д. 34. Л. 14; Д. 37. Л. 5–6.
- Доктора юридических наук, профессора – преподаватели и выпускники Иркутского государственного университета: биобиблиогр. словарь / сост. и отв. ред. проф. В. Н. Казарин; авт. вступ. ст. О. П. Личичан. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2018. 252 с.
- Дубинин Ю. В. Профессор В. Н. Дурденевский – выдающийся ученый и дипломат (1889–1983) // Вестник МГИМО-Университета. 2012. № 4. С. 282–283.
- Емельянова И. А. Юридический факультет Казанского университета в 40–50-е гг. XIX в. // Правоведение. 1980. № 5. С. 83–89.
- Зипунникова Н. Н. «Правильный путь в искании новых методов преподавания» и «фактический состав стабилен, летунов нет»: Сибирский (Иркутский) институт советского права в 1933 г. // Российский юридический журнал. 2015. № 4. С. 174–209.
- Зипунникова Н. Н. Б. Б. Ч. Как связь времен (К 120-летию со дня рождения Б. Б. Черепихина) // Российский юридический журнал. 2015. № 1. С. 232–240.
- Зипунникова Н. Н. Кафедра истории государства и права СЮИ–УрГЮА–УрГЮУ – 80: эпоха становления. Часть 2. Преподаватели // Российский юридический журнал. 2016. № 6. С. 196–213.
- Зубович М. М. Развитие теории доказательств иркутской цивилистической процессуальной школой: научно-исторический очерк. Иркутск: Изд-во Иркутского гос. ун-та, 2008. 119 с.
- Иркутская летопись 1661–1940 гг. / сост., предисл. и прим. Ю. П. Колмаков. Иркутск: Оттиск, 2003. 848 с.
- Казарин В. Н. О забытом споре городов, или почему и как Иркутск стал вторым университетским городом Сибири // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2012. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2012. С. 48–64.
- Казарин В. Н. Пять моделей юридического образования во втором сибирском университете в условиях трансформации общества и государства (1918–1931 гг.) // Российский юридический журнал. 2019. № 1. С. 137–151.
- Казарин В. Н., Лякутина Ю. П. Юридическое образование в Восточной Сибири (1918–1991 гг.): моногр. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2012. 483 с.
- Корбут М. К. Казанский государственный университет имени В. И. Ульянова-Ленина за сто двадцать лет. 1804/5 – 1929/30. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1930. Т. 2. 382 с.
- Перевалов В. Д. История и современность кафедры теории государства и права Уральского государственного юридического университета // Российский юридический журнал. 2018. № 5. С. 153–163.
- Перевалов В. Д. Рец. на кн.: Крашенинников П. В. 12 апостолов права. М.: Статут, 2015. 223 с. // Российский юридический журнал. 2015. № 5. С. 195–198.
- Скрипилев Е. А. О юридическом образовании в дореволюционной России (XVIII – начало XX в.) // Государство и право. 2000. № 9. С. 81–89.
- Смыкалин А. С. Приговор обжалованию не подлежит... К 100-летию со дня рождения первого ректора Свердловского юридического института проф. Юрия Михайловича Позана // Государство и право. 1999. № 6. С. 120–122.

References

- Archive of the Irkutsk State University. Inventory 3. File 123; Inventory 71. File 338. Lists 1, 2, 6.
- Bazhanov A. T., Malkov V. P. (1980) Fakul'tet, na kotorom uchilsya V. I. Lenin (k 175-letiyu Kazanskogo universiteta) [Faculty at which V. I. Lenin studied (to the 175th anniversary of the Kazan University)]. In *Pravovedenie*, no. 2, pp. 13–21.

Dubin Yu. V. (2012) Professor V. N. Durdeneskii – vydayushchiysya uchenyi i diplomat (1889–1983) [Professor V. N. Durdenesky is the outstanding scientist and the diplomat (1889–1983)]. In *Vestnik MGIMO-Universiteta*, no. 4, pp. 282–283.

Emel'yanova I. A. (1980) Yuridicheskii fakul'tet Kazanskogo universiteta v 40–50-e gg. XIX v. [Law department of the Kazan University in the 40^s–50^s of the XX century]. In *Pravovedenie*, no. 5, pp. 83–89.

Kazarin V. N. (2012) O zabytom spore gorodov, ili pochemu i kak Irkutsk stal vtorym universitetskim gorodom Sibiri [About the forgotten dispute of the cities, or why and how Irkutsk became the second university city of Siberia]. In *Irkutskii istoriko-ekonomicheskii ezhegodnik: 2012*. Irkutsk, Izdatel'stvo BGUEP, pp. 48–64.

Kazarin V. N. (2019) Pyat' modelei yuridicheskogo obrazovaniya vo vtorom sibirskom universitete v usloviyakh transformatsii obshchestva i gosudarstva (1918–1931 gg.) [Five models of juridical education at the second university in Siberia in the period of society and state transformations (1918–1931)]. In *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal*, no. 1, pp. 137–151.

Kazarin V. N. (Ed.) (2018) *Doktora yuridicheskikh nauk, professora – prepodavateli i vypuskniki Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta: biobibliogr. slovar'* [Doctors of jurisprudence, professors are teachers and graduates of the Irkutsk State University: biobibliographical dictionary]. Irkutsk, Izdatel'stvo Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta, 252 p.

Kazarin V. N., Lyakutina Yu. P. (2012) *Yuridicheskoe obrazovanie v Vostochnoi Sibiri (1918–1991 gg.)* [Legal education in Eastern Siberia (1918–1991)]. Irkutsk, Izdatel'stvo Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta, 483 p.

Kolmakov Yu. P. (Ed.) (2003) *Irkutskaya letopis' 1661–1940 gg.* [Irkutsk chronicle of 1661–1940]. Irkutsk, Ottisk, 848 p.

Korbut M. K. (1930) *Kazanskii gosudarstvennyi universitet imeni V. I. Ul'yanova-Lenina za sto dvadtsat' let. 1804/5 – 1929/30* [The Kazan State University of V. I. Ulyanov-Lenin in hundred twenty years. 1804/5 – 1929/30]. Kazan, Izdatel'stvo Kazanskogo universiteta, vol. 2, 382 p.

Perevalov V. D. (2015) Rets. na kn.: Krasheninnikov P. V. 12 apostolov prava [Review of the book: Krasheninnikov P. A. The Twelve Apostles of law. Moscow: Statut, 2015. 223 p.]. In *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal*, no. 5, pp. 195–198.

Perevalov V. D. (2018) Istoriya i sovremennost' kafedry teorii gosudarstva i prava Ural'skogo gosudarstvennogo yuridicheskogo universiteta [History and the present of department of the theory of the state and the right of the Ural State Legal University]. In *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal*, no. 5, pp. 153–163.

Skipilev E. A. (2000) O yuridicheskome obrazovanii v dorevolutsionnoi Rossii (XVIII – nachalo XX v.) [About legal education in pre-revolutionary Russia (XVIII – the beginning of the XX century)]. In *Gosudarstvo i pravo*, no. 9, pp. 81–89.

Smykalin A. S. (1999) Prigovor obzhalovaniyu ne podlezhit... K 100-letiyu so dnya rozhdeniya pervogo rektora Sverdlovskogo yuridicheskogo instituta prof. Yuriya Mikhailovicha Pozana [The sentence is not subject to the appeal... To the 100th anniversary since the birth of the first rector of the Sverdlovsk legal institute prof. Yury Mikhaylovicha Pozana]. In *Gosudarstvo i pravo*, no. 6, pp. 120–122.

State Archive of the Irkutsk Region. Collection R-71. Inventory 1. Files 3, 12; File 34. List 14; File 37. Lists 5–6.

Zagoskin N. P. (Ed.) (1904) *Biograficheskii slovar' professorov i prepodavatelei Imperatorskogo Kazanskogo universiteta: za sto let (1804–1904): in 2 Parts. Part 2: Fakul'tety yuridicheskii i meditsinskii, prepodavateli iskusstv i dobavleniya spravochnogo kharaktera* [The biographic dictionary by professors and teachers of the Imperial Kazan University (1804–1904): in 2 Parts. Part 2. Faculties legal and medical, teachers of arts and addition of help character]. Kazan, Tipo-litografiya Imperatorskogo universiteta, 453 p.

Zipunnikova N. N. (2015) «Pravil'nyi put' v iskanii novykh metodov prepodavaniya» i «fakticheskii sostav stabilen, letunov net»: Sibirskii (Irkutskii) institut sovetskogo prava v 1933 g. [«The right way of searching for new methods of teaching» and «the staffing structure is virtually stable, there are no rolling stones anymore»: Siberian (Irkutsk) Institute of Soviet Law in 1933]. In *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal*, no. 4, pp. 174–209.

Zipunnikova N. N. (2015) B. B. Ch. kak svyaz' vremen (K 120-letiyu so dnya rozhdeniya B. B. Cherepakhina) [B. B. Ch. as link of times (To the 120th anniversary since the birth of B. B. Cherepakhin)]. In *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal*, no. 1, pp. 232–240.

Zipunnikova N. N. (2016) Kafedre istorii gosudarstva i prava SYul–UrGYuA–UrGYuU – 80: epokha stanovleniya. Chast' 2. Prepodavateli [On the 80th anniversary of the state and law history chair of the SLI – USLA – USLU: the pioneering days. Part. 2. Teachers]. In *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal*, no. 6, pp. 196–213.

Zubovich M. M. (2008) *Razvitie teorii dokazatel'stv irkutskoi tsivilisticheskoi protsessual'noi shkoly: nauchno-istoricheskii ocherk* [Development of the theory of proofs by the Irkutsk civil procedural school: scientific and historical essay]. Irkutsk: Izdatel'stvo Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta, 119 p.

**ПРЕРЫВИСТЫЕ ЛИНИИ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ:
ОТ А. А. ПИОНТКОВСКОГО-СТАРШЕГО К М. И. КОВАЛЕВУ****Путинцев Андрей Владимирович**

Старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права Казанского (Приволжского) федерального университета (Казань), кандидат юридических наук, ORCID: 0000-0001-7406-2851, e-mail: chiefdom@yandex.ru.

В статье рассматриваются предпосылки становления уральской школы криминологии, которое связано с деятельностью профессора М. И. Ковалева. Описывается контекст возникновения и развития криминологического знания в России в связи с дореволюционной социологической школой уголовного права, марксистски ориентированной юриспруденцией 1920-х гг., изучением судебной статистики. Констатируется замедление развития криминологии с середины 1930-х по конец 1950-х гг., после чего интерес к криминологическим проблемам вновь возрастает. Анализируются исторические связи уральской школы криминологии со школой Московского юридического института, а также менее очевидные линии преемственности со школой Императорского Казанского университета в лице А. А. Пионтковского-старшего через его сына А. А. Пионтковского-младшего и двух его учеников – Г. Ю. Маннса и Г. Г. Магульяно, работавших в Иркутском государственном университете, из которого позднее был выделен Свердловский юридический институт.

Ключевые слова: преемственность, Иркутский государственный университет, преступность несовершеннолетних, Свердловский юридический институт

Для цитирования: Путинцев А. В. Прерывистые линии криминологической традиции: от А. А. Пионтковского-старшего к М. И. Ковалеву // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2023. № 6. С. 25–33. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2023_6_25.

**BROKEN LINES OF CRIMINOLOGICAL TRADITION:
FROM A. A. PIONTKOVSKY SR. TO M. I. KOVALEV****Putintsev Andrey**

Senior lecturer, Kazan (Volga Region) Federal University (Kazan), candidate of legal sciences, ORCID: 0000-0001-7406-2851, e-mail: chiefdom@yandex.ru.

The article discusses the prerequisites for the formation of the Ural school of criminology, associated with the scientific work of professor M. I. Kovalev. The context of the formation and development of criminological knowledge in Russia is described in connection with the pre-revolutionary sociological school of criminal law, Marxist-oriented jurisprudence of the 1920s and judicial statistics. A slowdown in the development of criminology is noted from the mid-1930s to the end of the 1950s, after which interest in criminological problem's researches increases. Retrospective connections of the Ural school of criminology with the school of the Moscow Law Institute are analyzed, as well as less obvious bonds with the school of the Imperial Kazan University represented by A. A. Piontkovsky Sr. through his son A. A. Piontkovsky Jr. and two of his followers – G. Yu. Manns and G. G. Maguliano, who worked at Irkutsk State University, from which the Sverdlovsk Law Institute was later separated.

Key words: continuity in legal science, Irkutsk State University, juvenile delinquency, Sverdlovsk Law Institute

*For citation: Putintsev A. (2023) Broken lines of criminological tradition: from A. A. Piontkovsky Sr. to M. I. Kovalev. In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu»*, no. 6, pp. 25–33. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2023_6_25.*

Порой проследить пути формирования исследовательской традиции довольно сложно. Помимо социального и научного контекста существуют горизонтальные и вертикальные связи ученых с предшественниками, учителями и современниками. Иногда такие связи недостаточно очевидны, но именно через них можно увидеть, как новое научное направление укореняется в уже сложившейся традиции, рассмотреть сквозные сюжеты и способы их осмысления в творчестве разных авторов. Настоящая статья представляет собой попытку дать очерк таких сюжетов и связей, повлиявших на процесс возникновения уральской школы криминологии.

Кульминацией этого процесса можно считать появление книги «Основы криминологии»¹. Ее автор – доктор юридических наук, заведующий кафедрой уголовного права Свердловского юридического института Митрофан Иванович Ковалев. Появлению этой книги предшествовала публикация нескольких научных статей М. И. Ковалева², также под его научным руководством были защищены диссертационные исследования Н. И. Ветрова³ и Т. М. Дроздова⁴. Однако что вызвало возникновение интереса к криминологической проблематике у видного специалиста в области материального уголовного права? Ответ на этот вопрос представляет большой интерес для историка уголовно-правовой науки и предполагает один очевидный ответ и два дополнительных, последним как раз и будет в основном посвящена настоящая статья.

Исторический контекст развития отечественной криминологии

Криминология в ее современном виде, как самостоятельная научная дисциплина, до 1960-х гг. в Советском Союзе не существовала, несмотря на то что сам М. И. Ковалев полагал, что ее развитие насчитывает уже более 100 лет⁵. Криминологами (а иногда и криминалистами) называли всех специалистов, изучающих уголовно-правовые вопросы. Достаточно посмотреть вывод статьи М. И. Ковалева, в которой автор провозглашает криминологию самостоятельной и своеобразной наукой, отличной от материального уголовного права, в его время эта мысль выглядела далеко не очевидной⁶. Зато в отечественной науке уголовного права (как и в ряде других европейских стран) с дореволюционных времен существовало социологическое направление, изучавшее прежде всего не преступление, а преступность как живое и измеримое социальное явление. Непосредственно после революции это направление продолжило существование на методологической основе марксизма, породив в 1920-е гг. обширную литературу, в которой обсуждались особенности влияния среды (городской, сельской) на преступность и методы перевоспитания преступников. Особо пристально изучались вопросы борьбы с преступностью несовершеннолетних, о них писали С. В. Познышев⁷, М. А. Рубашева⁸, П. И. Люблинский⁹, Б. С. Утевский¹⁰. Однако мысль о том, что преступность – это пережиток буржуазного общества, создавала в своей крайней форме препятствия для изучения объективных причин преступности в советском обществе сталинского периода. В этих условиях было возможно развитие

¹ Ковалев М. И. Основы криминологии. М.: Юрид. лит., 1970. 160 с.

² Ковалев М. И. Советская криминология и ее место в системе юридических наук // Правоведение. 1965. № 1. С. 135–143; *Его же*. Изучение преступности несовершеннолетних и ее предупреждение // Советская юстиция. 1966. № 3. С. 15–16; *Его же*. Причины преступности в капиталистическом обществе с позиций буржуазной и советской криминологии: учеб. пособие. Свердловск: СЮИ, 1967. 60 с.; *Его же*. Значение некоторых обстоятельств, способствующих совершению преступлений // Советское государство и право. 1967. № 2. С. 92–95; *Его же*. Исследование образовательного уровня преступников // Советское государство и право. 1968. № 2. С. 90–92; *Его же*. Советская криминология – правоведение или социология? // Правоведение. 1970. № 6. С. 79–86.

³ Ветров Н. И. Формы участия общественности в предупреждении преступлений среди молодежи (на материалах деятельности комсомольских организаций): дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1969. 325 с.

⁴ Дроздов Т. М. Причины и условия, способствующие правонарушениям подростков, работающих на промышленных предприятиях, и меры по их устранению: дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1971. 206 с.

⁵ Ковалев М. И. Советская криминология – правоведение или социология? С. 79.

⁶ Там же. С. 86.

⁷ Познышев С. В. Детская беспризорность и меры борьбы с ней. М.: Новая Москва, 1926. 136 с.

⁸ Рубашева А. М. Дети-убийцы. Харьков: Изд-во НКЮ УССР, 1926. 178 с.

⁹ Люблинский П. И. Борьба с преступностью в детском и юношеском возрасте. Социально-правовые очерки. М.: Юрид. изд-во Наркомюста, 1923. 301 с.

¹⁰ Утевский Б. С. В борьбе с детской преступностью. Очерки жизни и быта московского трудового дома для несовершеннолетних правонарушителей / предисл. Е. Г. Ширвиндт. М.: Изд-во НКВД РСФСР, 1927. 120 с.

криминологии лишь как сугубо прикладной дисциплины, опирающейся на судебную статистику и не пытающейся искать корни преступности в советском обществе, однако в конце 1950-х – середине 1960-х криминология возвращается в «большую науку», во многом благодаря усилиям А. А. Герцензона¹, крупного ученого, который вместе с М. Н. Гернетом – основателем марксистски ориентированного направления в науке уголовного права – работал в том числе в Московском юридическом институте (далее – МЮИ), который окончил М. И. Ковалев. После выхода работ А. А. Герцензона вновь намечается интенсификация исследований в области криминологии. Очевидно, что непосредственное влияние на М. И. Ковалева оказали труды более старших и опытных коллег по МЮИ, однако довольно неожиданный² интерес специалиста в материальном праве к криминологии может быть объяснен и другими гипотезами.

Сюжетная линия № 1. Пионтковские. Казань – МЮИ – Свердловск

В 1903 г. ординарный профессор Императорского Казанского университета Андрей Антонович Пионтковский публикует статью, в которой устанавливает связи между алкоголизмом и преступностью³. Для этого он использует сравнительный метод, анализируя статистическую информацию по многим европейским странам и США, приводит наблюдение, что количество преступлений возрастает в Российской империи в те дни, когда возрастает употребление алкоголя⁴. А. А. Пионтковский полагает также, что несовершеннолетними преступниками преимущественно становятся дети алкоголиков⁵. Далее автор делает попытку проанализировать влияние алкоголя на конкретные формы преступности, устанавливая, что алкоголь в большей степени влияет на преступления против общественного порядка и нравственности и на агрессивные преступления против личности. Вместе с тем «привычные пьяницы» под влиянием алкоголя чаще совершают имущественные преступления.

А. А. Пионтковский получил классическое юридическое образование и стажировался в зарубежных университетах, поэтому неудивительна его приверженность социологическому направлению в уголовном праве, хотя дальнейшие его исследования будут посвящены преимущественно вопросам уголовно-пенитенциарной политики, нежели этиологии преступности.

Важно, что перед революцией Казанский университет окончили три специалиста в области уголовного права, учителем которых можно считать А. А. Пионтковского-старшего. Прежде всего, это его сын, Андрей Андреевич Пионтковский, крупный ученый в области материального уголовного права. Длительное время (с 1931 по 1954 г.) А. А. Пионтковский-младший работал в МЮИ, куда в 1947 г. поступил и М. И. Ковалев. Интересно, что А. А. Пионтковский-младший практически не оставил работ в рамках социологического направления в праве, если не считать таковыми его ранние попытки разработать марксистское направление в области науки уголовного права⁶. Учитывая, что изначально научным руководителем М. И. Ковалева должен был стать как раз А. А. Пионтковский, по всей видимости, вопросы социологии уголовного права обсуждались на кафедре, и прямая связь младшего и старшего Пионтковских могла сыграть свою роль в научных интересах аспиранта МЮИ.

Сюжетная линия № 2. Казань – Иркутск – Свердловск

Два оставшихся персонажа этой истории известны значительно меньше: Герберт Юлианович Маннс и Галия Григорьевна Магульяно не успели оставить значительного по объему научного наследия. Оба также окончили Императорский Казанский

¹ Герцензон А. А. Советская юридическая наука и задача предотвращения преступлений // Советское государство и право. 1962. № 1. С. 50–60; Герцензон А. Предмет, метод и система советской криминологии. Первая глава из коллективной монографии. М.: Изд-во ИГиП АН СССР, 1962. 91 с.; Герцензон А. А. Введение в советскую криминологию. М.: Юрид. лит., 1965. 227 с.

² Особенно учитывая тот факт, что научный руководитель М. И. Ковалева Н. Д. Дурманов тоже был специалистом в материальном уголовном праве.

³ Пионтковский А. А. Роль алкоголизма в этиологии преступлений // Журнал Министерства юстиции. 1903. № 4. С. 1–25.

⁴ Там же. С. 11.

⁵ Там же. С. 15–16.

⁶ Пионтковский А. А. Марксизм и уголовное право: сб. ст. 2-е изд., доп. М.: Юрид. изд-во НКЮ РСФСР, 1929. 161 с.

университет до войны и учились у А. А. Пионтковского-старшего. Г. Ю. Маннс успел пройти стажировку за границей, в Берлине, испытал, таким образом, двойственное влияние социологической школы уголовного права, как через своего непосредственного учителя, так и напрямую из европейского научного дискурса. Проработав долгое время в Иркутском государственном университете (далее – ИГУ), Г. Ю. Маннс перебрался в Саратов, где заведовал библиотекой и был репрессирован в 1930-е¹. Примечательно, что много после, в 1954 г., в Саратове ненадолго окажется М. И. Ковалев. Смог ли основатель уральской школы криминологии ознакомиться с сочинениями Г. Ю. Маннса, упоминалось ли вообще как-то имя репрессированного профессора – неизвестно. Так или иначе, в библиотеке ИГУ книги Г. Ю. Маннса сохранились, что позволяет предположить и сохранность его книг в Саратове. О судьбе Г. Г. Магульяно известно значительно меньше. Их перу принадлежат взаимодополняющие исследования общей криминологической ситуации в Иркутске и Иркутской губернии². Также в тандеме эти исследователи освещали проблему преступности несовершеннолетних³. Кроме того, Г. Ю. Маннс в интересующей нас области оставил работы о деревенских убийствах⁴ и об алкогольной преступности⁵.

Учитывая, что позднее именно ИГУ станет базой для Свердловского юридического института и его библиотеки⁶, интересно проследить влияние этих авторов на возродившуюся советскую криминологию⁷ и отметить параллели между иркутскими криминологами и М. И. Ковалевым.

Прежде всего, это интерес к детской преступности. Г. Ю. Маннс формулирует предположение, что коренное преобразование общественных отношений, начавшееся в 1917 г., может привести к искоренению беспризорности и детской преступности⁸, однако его прогнозы не сбылись, поскольку и М. И. Ковалев задается этим вопросом. Г. Ю. Маннс отмечает, что процент сирот и полусирот среди несовершеннолетних правонарушителей, дела которых рассмотрены Иркутской комиссией по делам несовершеннолетних, стабильно выше 50, и напротив, в Иркутской трудовой колонии очень малое количество детей имеют или обоих родителей, или только отца⁹. М. И. Ковалев вслед за Г. Ю. Маннсом и его современниками подтверждает, что отсутствие именно отцовского воспитания повышает риски делинквентного поведения несовершеннолетних¹⁰.

Объясняя высокую долю работающей молодежи и учащихся техникумов в общем числе несовершеннолетних преступников, М. И. Ковалев предлагает комплекс факторов, в который входят избыток свободного времени, доступ к деньгам, оторван-

¹ См. о его творческом и жизненном пути: *Иванов А. Н., Михальчук А. Е.* Профессор Герберт Юлианович Маннс (к 125-летию со дня рождения) // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2009. № 5. С. 204–210.

² *Маннс Г. Ю.* Движение преступности в Иркутске в 1920 году. Иркутск: Иркут. отд., 1921. 49 с.; *Магульяно Г. Г.* Преступность гор. Иркутска в 1921 г. // Красные зори. 1923. № 4.

³ *Маннс Г. Ю.* Борьба с беспризорностью и преступностью несовершеннолетних и ее очередные задачи в Сибирском крае // Сборник трудов Иркутского государственного университета. Факультет права и местного хозяйства. Т. XIII. 1927. С. 419–450; *Магульяно Г. Г.* К вопросу о детской преступности и мерах борьбы с нею за годы революции // Сборник трудов профессоров и преподавателей Государственного Иркутского университета. Факультет общественных наук. 1926. Вып. VI. С. 167–221.

⁴ *Маннс Г. Ю.* Деревенские убийства и убийцы // Проблемы преступности: сб. М.; Л.: Госиздат, 1927. Вып. 2. С. 25–40.

⁵ *Маннс Г. Ю.* Алкогольная преступность и борьба с самогонварением в Иркутской губернии // Сборник трудов Государственного Иркутского университета. Факультет права и местного хозяйства. 1926. Вып. X. С. 252–257.

⁶ См. подробнее об этом: *Зипунникова Н. Н.* Перевод Сибирского института советского права из Иркутска в Свердловск // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2017. № 5. С. 151–176.

⁷ См. анализ работ Г. Ю. Маннса: *Казарин В. Н.* Послереволюционная Сибирь: уголовно-правовой и криминологический анализ современника профессора Г. Ю. Маннса // Силовые структуры: история и современность: сб. ст. Иркутск: Изд-во Восточно-Сибирского ин-та МВД РФ, 2002. С. 48–55; *Его же.* Проблемы детской преступности в Сибири в трудах профессора Г. Ю. Маннса // Несовершеннолетний как субъект права: материалы Всерос. науч.-практ. конф. Иркутск: Изд-во Иркутского гос. ун-та, 2015. С. 88–92.

⁸ *Маннс Г. Ю.* Борьба с беспризорностью и преступностью несовершеннолетних и ее очередные задачи в Сибирском крае. С. 432–433.

⁹ Там же. С. 434.

¹⁰ *Ковалев М. И.* Изучение преступности несовершеннолетних и ее предупреждение. С. 16.

ность от семьи и отсутствие контроля¹. Аналогичный комплекс причин, правда, для объяснения преступности среди детей-спекулянтов периода НЭПа, можно найти у Г. Ю. Маннса² и Г. Г. Магульяно³.

В той же посвященной преступности несовершеннолетних статье М. И. Ковалев отмечает сравнительно высокий уровень привлекаемости к уголовной ответственности тех несовершеннолетних, чьи дела ранее разбирались комиссией по делам несовершеннолетних, а также среди выпускников воспитательных колоний и сетует на некорректно поставленное дело надзора за такими людьми. У Г. Г. Магульяно эти вопросы также находились в центре внимания: она рассматривала должностные инструкции воспитателей-обследователей, работавших при Иркутской комиссии по делам несовершеннолетних, ставила вопрос о повышении уровня кадров, надзирающих за молодежью, выступала сторонницей учреждения патроната над выпускниками и Иркутской трудовой колонии⁴.

Интересно, что М. И. Ковалев в другой статье обнаруживает, что 90 % несовершеннолетних правонарушителей увлекались кино⁵, однако не делает из этого значимых выводов, тогда как Г. Ю. Маннс последовательно проводит мысль о негативном влиянии определенных киножанров на преступность несовершеннолетних вообще и на совершение отдельных преступлений в частности. Ученый рекомендует ограничивать доступ подростков на определенные сеансы⁶, а также более грамотно с криминологической точки зрения подбирать киноленты для демонстрации в деревнях⁷. Возможно, дело в том, что современный М. И. Ковалеву кинематограф считался более соответствующим социалистическим идеалам и презюмировалось, что вышедшая в прокат лента не может повлиять на кого-либо негативно.

Все три сравниваемых автора подчеркивали важность мер, направленных на вовлечение потенциальных правонарушителей в спортивную деятельность и повышение их культурного уровня. М. И. Ковалев вслед за Г. Ю. Маннсом и Г. Г. Магульяно отмечает обратную связь высокого уровня образования, культуры, посещения театра, занятий спортом и риска девиантного поведения⁸.

Отдельно стоит рассмотреть отражение влияния алкогольного фактора в творчестве Г. Ю. Маннса, Г. Г. Магульяно и М. И. Ковалева.

В своей обзорной брошюре Г. Ю. Маннс наследует А. А. Пионтковскому-старшему, отмечая, что снижение числа преступлений против личности может быть связано с «сухим законом», действовавшим в отчетный период в Иркутске⁹. В отдельной работе по противодействию алкогольной преступности Г. Ю. Маннс подчеркивает существование прямых и опосредованных механизмов влияния алкоголизма на уровень и своеобразие преступности, в том числе среди несовершеннолетних¹⁰.

М. И. Ковалев также отмечает, что большинство несовершеннолетних (он экстраполирует этот вывод также на работающих лиц) совершили имущественные преступления в нетрезвом состоянии и по ряду иных, не собственно корыстных причин. Желание обладать объектом хищения выступало лишь своеобразным спусковым крючком, что характерно и для работающих преступников. В сочетании с отмеченным М. И. Ковалевым нормальным уровнем обеспеченности семей несовершеннолетних преступников делается вывод о том, что основным мотивом преступности является желание приобрести необязательные вещи, в том числе спиртное¹¹. Впрочем, нужно

¹ Ковалев М. И. Изучение преступности несовершеннолетних и ее предупреждение. С. 15–16.

² Маннс Г. Ю. Борьба с беспризорностью и преступностью несовершеннолетних и ее очередные задачи в Сибирском крае. С. 437, 439.

³ Магульяно Г. Г. К вопросу о детской преступности и мерах борьбы с нею за годы революции. С. 189–190.

⁴ Там же. С. 200–206, 211–214, 221.

⁵ Ковалев М. И. Значение некоторых обстоятельств, способствующих совершению преступлений. С. 95.

⁶ Маннс Г. Ю. Борьба с беспризорностью и преступностью несовершеннолетних и ее очередные задачи в Сибирском крае. С. 438, 441.

⁷ Маннс Г. Ю. Деревенские убийства и убийцы. С. 39.

⁸ Ковалев М. И. Значение некоторых обстоятельств, способствующих совершению преступлений. С. 94–95.

⁹ Маннс Г. Ю. Движение преступности в Иркутске в 1920 году. С. 43–44.

¹⁰ Маннс Г. Ю. Алкогольная преступность и борьба с самогонварением в Иркутской губернии. С. 253–254.

¹¹ Ковалев М. И. Изучение преступности несовершеннолетних и ее предупреждение. С. 16; *Его же*. Значение некоторых обстоятельств, способствующих совершению преступлений. С. 93.

отметить и различия двух авторов. Вывод М. И. Ковалева, принижающий роль корыстного мотива при совершении даже имущественных преступлений, конечно, связан с представлением о невозможности существования таких мотивов в обществе победившего социализма, тогда как для Г. Ю. Маннса, описывавшего послевоенный социум периода НЭПа, желание преступников приобрести дефицитные товары или предметы роскоши незаконным путем не кажется чем-то невозможным.

Интересны и параллели при осмыслении методологических проблем криминологии. М. И. Ковалев пишет, что не всегда материал, которым располагает криминолог, является доброкачественным, и указывает на проблемы статистики¹. В своих работах Г. Ю. Маннс и Г. Г. Магульяно также постоянно обращают внимание на проблему отсутствия точных статистических данных, регулярно делая соответствующие оговорки.

М. И. Ковалев отмечает сложности с вычленением отдельных факторов, влияющих на преступность, поскольку последние действуют в комплексе². Г. Г. Магульяно тоже ставит проблему множества факторов, влияющих на преступность взрослых, и, отмечая сложность их изучения и вычленения, выдвигает гипотезу, что влияние этих факторов легче уловить именно в детской психике в силу ее некоторой примитивности³.

Сам М. И. Ковалев, отмечая расцвет криминологии в 1920–1930-е гг., критикует своих предшественников за увлечение физиологическими концепциями⁴. У Г. Ю. Маннса можно найти указание на физиологические механизмы влияния алкоголя на потомство алкоголиков⁵.

Занятно, что М. И. Ковалев пишет о необходимости использования диаграмм при оформлении результатов исследований криминолога в интересах наглядности⁶. В работе, посвященной самогоноварению, Г. Ю. Маннс как раз использует диаграммы, нетипичные для публикаций его времени⁷.

Из изложенного видно, что М. И. Ковалев живо откликнулся на тренд возрождения криминологии. Ни в коей мере не умаляя его собственных заслуг, стоит отметить сразу несколько каналов его связи с богатым историческим контекстом. Прежде всего, это связь со школой МЮИ, представленной М. Н. Гернетом и А. А. Герцензоном. Однако дополнительным источником, питающим мысль основателя уральской школы криминологии, могло стать наследие его предшественников: и А. А. Пионтовского-младшего, безусловно, хорошо знавшего творчество своего отца, и его учеников (в первую очередь Г. Ю. Маннса), с творчеством которых он мог быть знаком как через работу в Саратове, так и через труды профессоров ИГУ – предтечи СЮИ. Разумеется, о степени влияния казанской, московской, дореволюционной Санкт-Петербургской (в лице М. Н. Гернета), Иркутской школ уголовного права на М. И. Ковалева можно спорить, однако несомненно, что реальная возможность черпать методологические идеи (поддерживая их или заочно дискутируя), взятые из множества источников, плодотворно сказалась на разработке криминологических проблем. Обнаружение этого факта позволяет укоренить уральскую школу криминологии в отечественной научной традиции, подчеркивая, конечно, ее своеобразие.

Довольно очевидно пристальное внимание к алкоголизму как фактору преступности в творчестве всех упомянутых в настоящей статье ученых, а также очевидный акцент на преступности несовершеннолетних. Однако это можно объяснить непреходящей актуальностью этих проблем во всех социальных контекстах.

Гораздо более любопытным выглядит совпадение в комплексе факторов, объяснявших преступность несовершеннолетних спекулянтов в период НЭПа и учащихся техникумов в 1960-е. Интересно и внимание к повышению общекультурного уровня и воспитанию как факторам противодействия преступности у всех рассмотренных авторов, разработка методологических проблем, что проявляется во множестве сквоз-

¹ Ковалев М. И. Советская криминология и ее место в системе юридических наук. С. 141–142.

² Там же. С. 137–138.

³ Магульяно Г. Г. К вопросу о детской преступности и мерах борьбы с нею за годы революции. С. 171.

⁴ Ковалев М. И. Советская криминология и ее место в системе юридических наук. С. 139.

⁵ Маннс Г. Ю. Алкогольная преступность и борьба с самогоноварением в Иркутской губернии. С. 253–254.

⁶ Ковалев М. И. Советская криминология и ее место в системе юридических наук. С. 142.

⁷ Маннс Г. Ю. Алкогольная преступность и борьба с самогоноварением в Иркутской губернии. С. 256, иллюстрации.

ных сюжетов. Учет указанных обстоятельств может быть полезен при дальнейших исследованиях научных связей в советской юриспруденции.

Список литературы

Ветров Н. И. Формы участия общественности в предупреждении преступлений среди молодежи (на материалах деятельности комсомольских организаций): дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1969. 325 с.

Герцензон А. А. Введение в советскую криминологию. М.: Юрид. лит., 1965. 227 с.

Герцензон А. А. Советская юридическая наука и задача предотвращения преступлений // Советское государство и право. 1962. № 1. С. 50–60.

Герцензон А. Предмет, метод и система советской криминологии. Первая глава из коллективной монографии. М.: Изд-во ИГиП АН СССР, 1962. 91 с.

Дроздов Т. М. Причины и условия, способствующие правонарушениям подростков, работающих на промышленных предприятиях, и меры по их устранению: дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1971. 206 с.

Зипунникова Н. Н. Перевод Сибирского института советского права из Иркутска в Свердловск // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2017. № 5. С. 151–176.

Иванов А. Н., Михальчук А. Е. Профессор Герберт Юлианович Маннс (к 125-летию со дня рождения) // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2009. № 5. С. 204–210.

Казарин В. Н. Послереволюционная Сибирь: уголовно-правовой и криминологический анализ современника профессора Г. Ю. Маннса // Силовые структуры: история и современность: сб. ст. Иркутск: Изд-во Восточно-Сибирского института МВД РФ, 2002. С. 48–55.

Казарин В. Н. Проблемы детской преступности в Сибири в трудах профессора Г. Ю. Маннса // Несовершеннолетний как субъект права: материалы Всерос. науч.-практ. конф. Иркутск: Изд-во Иркутского гос. ун-та, 2015. С. 88–92.

Ковалев М. И. Значение некоторых обстоятельств, способствующих совершению преступлений // Советское государство и право. 1967. № 2. С. 92–95.

Ковалев М. И. Изучение преступности несовершеннолетних и ее предупреждение // Советская юстиция. 1966. № 3. С. 15–16.

Ковалев М. И. Исследование образовательного уровня преступников // Советское государство и право. 1968. № 2. С. 90–92.

Ковалев М. И. Основы криминологии. М.: Юрид. лит., 1970. 160 с.

Ковалев М. И. Причины преступности в капиталистическом обществе с позиций буржуазной и советской криминологии: учеб. пособие. Свердловск: СЮИ, 1967. 60 с.

Ковалев М. И. Советская криминология – правоведение или социология? // Правоведение. 1970. № 6. С. 79–86.

Ковалев М. И. Советская криминология и ее место в системе юридических наук // Правоведение. 1965. № 1. С. 135–143.

Люблинский П. И. Борьба с преступностью в детском и юношеском возрасте. Социально-правовые очерки. М.: Юрид. изд-во Наркомюста, 1923. 301 с.

Магульяно Г. Г. К вопросу о детской преступности и мерах борьбы с нею за годы революции // Сборник трудов профессоров и преподавателей Государственного Иркутского университета. Факультет общественных наук. 1926. Вып. VI. С. 167–221.

Магульяно Г. Г. Преступность гор. Иркутска в 1921 г. // Красные зори. 1923. № 4.

Маннс Г. Ю. Алкогольная преступность и борьба с самогонварением в Иркутской губернии // Сборник трудов Государственного Иркутского университета. Факультет права и местного хозяйства. 1926. Вып. X. С. 252–257.

Маннс Г. Ю. Борьба с беспризорностью и преступностью несовершеннолетних и ее очередные задачи в Сибирском крае // Сборник трудов Иркутского государственного университета. Факультет права и местного хозяйства. Т. XIII. 1927. С. 419–450.

Маннс Г. Ю. Движение преступности в Иркутске в 1920 году. Иркутск: Иркут. отд., 1921. 49 с.

Маннс Г. Ю. Деревенские убийства и убийцы // Проблемы преступности: сб. М.; Л., 1927. Вып. 2. С. 25–40.

Пионтковский А. А. Марксизм и уголовное право: сб. ст. 2-е изд., доп. М.: Юрид. изд-во НКЮ РСФСР, 1929. 161 с.

Пионтковский А. А. Роль алкоголизма в этиологии преступлений // Журнал Министерства юстиции. 1903. № 4. С. 1–25.

Познышев С. В. Детская беспризорность и меры борьбы с ней. М.: Новая Москва, 1926. 136 с.

Рубашева А. М. Дети-убийцы. Харьков: Изд-во НКЮ УССР, 1926. 178 с.

Утевский Б. С. В борьбе с детской преступностью. Очерки жизни и быта московского трудового дома для несовершеннолетних правонарушителей М.: Изд-во НКВД РСФСР, 1927. 120 с.

References

- Drozdov T. M. (1971) *Prichiny i usloviya, sposobstvuyushchie pravonarusheniyam podrostkov, rabotayushchikh na promyshlennykh predpriyatiyakh, i mery po ikh ustraneniyu: dis. ... kand. yurid. nauk* [Causes and conditions contributing to delinquency among teenagers working in industrial enterprises and measures to eliminate them: a candidate of legal sciences thesis]. Sverdlovsk, 206 p.
- Gertsenzon A. (1962) *Predmet, metod i sistema sovetskoi kriminologii. Pervaya glava iz kollektivnoi monografii* [Subject, method and system of Soviet criminology. The first chapter from a collective monograph]. Moscow, Izdatel'stvo Instituta gosudarstva i prava Akademii nauk SSSR, 91 p.
- Gertsenzon A. A. (1962) Sovetskaya yuridicheskaya nauka i zadacha predotvrashcheniya prestuplenii [Soviet legal science and the task of crime prevention]. In *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*, no. 1, pp. 50–60.
- Gertsenzon A. A. (1965) *Vvedenie v sovetskuyu kriminologiyu* [Introduction to Soviet criminology]. Moscow, Yuridicheskaya literatura, 227 p.
- Ivanov A. N., Mikhail'chuk A. E. (2009) Professor Gerbert Yulianovich Manns (k 125-letiyu so dnya rozhdeniya) [Professor Herbert Julianovich Manns (on the 125th anniversary of his birth)]. In *Vestnik Saratovskoi gosudarstvennoi yuridicheskoi akademii*, no. 5, pp. 204–210.
- Kazarin V. N. (2002) Poslerevolutsionnaya Sibir': ugovovno-pravovoi i kriminologicheskii analiz sovremennika professora G. Yu. Mannsa [Post-revolutionary Siberia: criminal law and criminological analysis of a contemporary of professor G. Yu. Manns]. In *Silovye struktury: istoriya i sovremennost': sbornik statei*. Irkutsk, Izdatel'stvo Vostochno-Sibirskogo instituta MVD RF, pp. 48–55.
- Kazarin V. N. (2015) Problemy detskoj prestupnosti v Sibiri v trudakh professora G. Yu. Mannsa [Problems of child crime in Siberia in the works of professor G. Yu. Manns]. In *Nesovershennoletnii kak sub'ekt prava: materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Irkutsk, Izdatel'stvo Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta, pp. 88–92.
- Kovalev M. I. (1965) Sovetskaya kriminologiya i ee mesto v sisteme yuridicheskikh nauk [Soviet criminology and its place in the system of legal sciences]. In *Pravovedenie*, no. 1, pp. 135–143.
- Kovalev M. I. (1966) Izuchenie prestupnosti nesovershennoletnikh i ee preduprezhdenie [Study of juvenile delinquency and its prevention]. In *Sovetskaya yustitsiya*, no. 3, pp. 15–16.
- Kovalev M. I. (1967) *Prichiny prestupnosti v kapitalisticheskom obshchestve s pozitsii burzhuaznoi i sovetskoi kriminologii* [Causes of crime in capitalist society from the perspective of bourgeois and Soviet criminology]. Sverdlovsk, Sverdlovskii yuridicheskii institut, 60 p.
- Kovalev M. I. (1967) Znachenie nekotorykh obstoyatel'stv, sposobstvuyushchikh soversheniyu prestuplenii [The significance of some circumstances contributing to the commission of crimes]. In *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*, no. 2, pp. 92–95.
- Kovalev M. I. (1968) Issledovanie obrazovatel'nogo urovnya prestupnikov [Study of educational level of criminals]. In *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*, no. 2, pp. 90–92.
- Kovalev M. I. (1970) *Osnovy kriminologii* [Fundamentals of criminology]. Moscow, Yuridicheskaya literatura, 160 p.
- Kovalev M. I. (1970) Sovetskaya kriminologiya – pravovedenie ili sotsiologiya? [Is Soviet criminology jurisprudence or sociology?]. In *Pravovedenie*, no. 6, pp. 79–86.
- Lyublinskii P. I. (1923) *Bor'ba s prestupnost'yu v detskom i yunosheskom vozraste. Sotsial'no-pravovye ocherki* [Fighting crime in childhood and adolescence. Social and legal essays]. Moscow, Yuridicheskoe izdatel'stvo Narkomyusta, 301 p.
- Magul'yano G. G. (1923) *Prestupnost' gor. Irkutsk v 1921 g.* [Crime in the city of Irkutsk in 1921]. In *Krasnye zori*, no. 4.
- Magul'yano G.G. (1926) K voprosu o detskoj prestupnosti i merakh bor'by s neyu za gody revolyutsii [On the issue of child crime and measures to counteract it during the years of the revolution]. In *Sbornik trudov professorov i prepodavatelei Gosudarstvennogo Irkutskogo universiteta. Fakul'tet obshchestvennykh nauk*, is. VI, pp. 167–221.
- Manns G. Yu. (1921) *Dvizhenie prestupnosti v Irkutске v 1920 godu* [Crime movement in Irkutsk in 1920]. Irkutsk, Irkutskoe otdelenie, 49 p.
- Manns G. Yu. (1926) Alkogol'naya prestupnost' i bor'ba s samogonovareniiem v Irkutskoi gubernii [Alcohol crime and the fight against moonshine in the Irkutsk province]. In *Sbornik trudov Gosudarstvennogo Irkutskogo universiteta. Fakul'tet prava i mestnogo khozyaistva*, is. X, pp. 252–257.
- Manns G. Yu. (1927) Bor'ba s besprizornost'yu i prestupnost'yu nesovershennoletnikh i ee ocherednye zadachi v Sibirskom krae [The fight against homelessness and juvenile delinquency and its immediate tasks in the Siberian Region]. In *Sbornik trudov Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Fakul'tet prava i mestnogo khozyaistva*, is. XIII, pp. 419–450.
- Manns G. Yu. (1927) Derevenskie ubiistva i ubiitsy [Village murders and murderers]. In *Problemy prestupnosti. Sbornik*, Moscow, Leningrad, is. 2, pp. 25–40.
- Piontkovskii A. A. (1903) Rol' alkogolizma v etiologii prestuplenii [The role of alcoholism in the etiology of crimes]. In *Zhurnal Ministerstva yustitsii*, no. 4, pp. 1–25.

Piontkovskii A. A. (1929) *Marksizm i ugovnoe pravo: sbornik statei* [Marxism and criminal law: digest of articles]. 2nd ed., Moscow, Yuridicheskoe izdatel'stvo NKYu RSFSR, 161 p.

Poznyshev S. V. (1926) *Detskaya besprizornost' i mery bor'by s nei* [Child homelessness and measures to counteract it]. Moscow, Novaya Moskva, 136 p.

Rubasheva A. M. (1926) *Deti-ubiitsy* [Children-murderers]. Khar'kov, Izdatel'stvo NKYu USSR, 178 p.

Utevsii B. S. (1927) *V bor'be s detskoj prestupnost'yu. Ocherki zhizni i byta moskovskogo trudovogo doma dlya nesovershennoletnikh pravonarushitelei* [In the fight against child crime. Essays on the life and everyday life of a Moscow workhouse for juvenile offenders]. Moscow, Izdatel'stvo NKVD RSFSR, 120 p.

Vetrov N. I. (1969) *Formy uchastiya obshchestvennosti v preduprezhdenii prestuplenii sredi molodezhi (na materialakh deyatel'nosti komsomol'skikh organizatsii): dis... kand. yurid. nauk* [Forms of public participation in the prevention of crimes among young people (based on the activities of Komsomol organizations): a candidate of legal sciences thesis]. Sverdlovsk, 325 p.

Zipunnikova N. N. (2017) *Perevod Sibirskogo instituta sovetskogo prava iz Irkutsk v Sverdlovsk* [Transfer of the Siberian Institute of Soviet Law from Irkutsk to Sverdlovsk]. In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu»*, no. 5, pp. 151–176.

ПРАКТИЧЕСКАЯ ОРИЕНТАЦИЯ СТУДЕНТОВ-ЮРИСТОВ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ (от СЮИ к УРГЮУ им. В. Ф. ЯКОВЛЕВА)

Шамсумова Эмма Файсаловна

Доцент кафедры истории государства и права Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева (Екатеринбург), кандидат юридических наук, доцент, ORCID: 0000-0002-9418-380X, e-mail: emmanuel@mail.ru.

Автор рассматривает основные понятия практико-ориентированной образовательной деятельности, сформулированные учеными-педагогами, затем раскрывает понимание самой практики как некоторой апробации, опыта, полученного в результате изучения, исследования, деятельности. Предпринимается попытка анализа категориального аппарата: «практико-ориентированное образование», «практико-ориентированная образовательная среда», «практико-ориентированный подход», «практико-ориентированное обучение», «практико-ориентированная подготовка», «практико-ориентированные технологии», – связанного с практической ориентацией с точки зрения энциклопедического критерия с преломлением относительно юридического вуза, в частности Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева. Делается вывод о характеристиках категориального аппарата: широта (понятия трактуются в узком и широком смысле), вариативность (относительно подходов, где в основу положена отрасль или область знаний), функциональность (связь с реализацией компетенций), динамичность (способность наполняться и совершенствоваться), всеобщность (охватывает все этапы образовательного процесса). Автор подчеркивает важность практической ориентации образования, которое не просто тренд, а требование времени, ведь государство заинтересовано в квалифицированных специалистах, поскольку не может останавливаться в своем развитии, не может не совершенствоваться, а выпускники, чтобы быть жизне- и конкурентоспособными, должны обладать профессиональными качествами мышления, самоорганизации и саморазвития.

Ключевые слова: практика студентов, практико-ориентированное образование, практико-ориентированная образовательная среда, практико-ориентированный подход, практико-ориентированное обучение, практико-ориентированная подготовка, практико-ориентированные технологии

Для цитирования: Шамсумова Э. Ф. Практическая ориентация студентов-юристов: теоретические вопросы (от СЮИ к УрГЮУ им. В. Ф. Яковлева) // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2023. № 6. С. 34–40. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2023_6_34.

THEORETICAL UNDERSTANDING OF PRACTICE-ORIENTED EDUCATION (using the example of Ural State Law University named after V. F. Yakovlev)

Shamsumova Emma

Associate professor, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (Yekaterinburg), candidate of legal sciences, associate professor, ORCID: 0000-0002-9418-380X, e-mail: emmanuel@mail.ru.

The author examines the basic concepts of practice-oriented educational activity, formulated by scientists-teachers, then reveals the understanding of the practice itself, as some kind of testing, experience gained as a result of study, research and activity. The author attempts to analyze the categorical apparatus: «practice-

oriented education», «practice-oriented educational environment», «practice-oriented approach», «practice-oriented training», «practice-oriented preparation», «practice-oriented technologies», associated with practical orientation from the point of view of the encyclopedic criterion with refraction in relation to the law school, in particular the Ural State Law University named after V. F. Yakovlev. A conclusion is drawn to the characteristics of the categorical apparatus: breadth (there are concepts in the narrow and broad senses), variability (relative to approaches based on an industry or area of knowledge), functionality (related to the implementation of competencies), dynamism (capable of being filled and improved), universality (covers all stages of the educational process). The author emphasizes the importance of the practical orientation of education, which is not just a trend, but a requirement of the time, where the state is interested in qualified specialists, since it cannot stop in its development, it cannot but improve, and graduates, in order to be viable and competitive, must have professional qualities thinking, self-organization and self-development.

Key words: student practice, practice-oriented education, practice-oriented educational environment, practice-oriented approach, practice-oriented training, practice-oriented preparation, practice-oriented technologies

*For citation: Shamsumova E. (2023) Theoretical understanding of practice-oriented education (using the example of Ural State Law University named after V. F. Yakovlev). In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu»*, no. 6, pp. 34–40. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2023_6_34.*

Тематика практико-ориентированного образования отнюдь не нова, в том числе в рамках подготовки юристов, поскольку абсолютным большинством специалистов¹ признается высокая эффективность такого учебного процесса, где основным условием становится сочетание и взаимопроникновение учебной (основанной на изучении теоретического материала) и профессиональной (связанной с получением конкретных навыков) деятельности студентов, соответственно, знания, умения и навыки, полученные студентами, выпускниками, формируются определенными во ФГОС компетенциями. Глава государства в своем Послании² отметил необходимость синтеза всего лучшего, что было в советском и российском образовании, дабы соответствовать нынешним реалиям с точки зрения потребностей практики.

Основным началом теоретического познания выступает понятийный аппарат, который позволяет выделять сущностные элементы исследуемого явления. Относительно заявленной проблематики в научной литературе наиболее часто встречаются понятия: «практико-ориентированное образование», «практико-ориентированная образовательная среда», «практико-ориентированный подход», «практико-ориентированное обучение», «практико-ориентированная подготовка», «практико-ориентированные технологии». Однако есть ли основания для их абсолютного обобщения? Бесспорно одно, эти лексические обороты объединяет смыслообразующее слово «практика».

Итак, в самом широком смысле «практика» (от гр. *praktikos* – деятельный, активный) – материальная, целеполагающая деятельность людей. Структура практики включает потребность, цель, мотив, целесообразную деятельность, предмет, средства, результат. Основа и движущая сила познания, практика дает науке фактический материал, подлежащий теоретическому осмыслению³. Практика – это процесс активного воздействия людей на природу и общественную жизнь, прежде всего их материально-производственная деятельность. Думается, именно с этим связана широта применения этой категории. Представляется весьма сложным охватить все направ-

¹ За последние почти два десятилетия по тематике практико-ориентированного и компетентностного подходов опубликовано 2535 научных материалов. По данным электронной научной библиотеки: Elibrary.ru: офиц. сайт. URL: https://elibrary.ru/query_results.asp (дата обращения: 08.01.2024).

² Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 21 февраля 2023 г. // Российская газета. 2023. 22 февр.

³ Популярный энциклопедический словарь / ред. Р. А. Матвеева, В. М. Макаревич, Л. Г. Король и др. М.: Рос. энциклопедия, 1999. С. 1054.

ления и сферы, где бы она ни применялась: она бывает жизненной, частной, испытательской, речевой или, например, политической.

Практика занимает ключевое место и в образовательном процессе, а для развития советского юридического образования и вовсе стала мощнейшим толчком. В. И. Ленин отмечал: «Точка зрения жизни, практики должна быть первой и основной точкой зрения теории познания»¹. В двадцатые годы прошлого столетия стало очевидным: практике «нужна» теория, наука. Яркие иллюстрации этому мы находим уже в первых номерах «Еженедельника советской юстиции». Так, следователь села (города) Богородского (Павловского уезда, Нижегородской губернии) тов. Абросимов пишет обращение в редакцию о том, что в их уезде как судьи, так и следователи, будучи из рабочей среды, либо с домашним образованием, либо вовсе малограмотны, и просит указать, где можно пройти курсы по подготовке работников юстиции². Судьи, следователи как практические работники, осознавая недостаток теоретических знаний, требовали его восполнения курсами или хотя бы книгами. В. Л. Санчов писал: «Книг! Книг! Книг! Этот зов становится стихийным и несется отовсюду: от Архангельска до Одессы, от Минска до Иркутска, по всей обширной территории советской федерации... Почти вся юридическая литература превратилась в библиографическую редкость, а новых книг по уголовному и гражданскому праву и процессу и других подобных изданий еще нет»³.

Именно с 1920-х гг. наблюдается потребность в профессиональной ориентации юридических кадров, причем она сопровождалась и нормативным регулированием, и научным поиском путей выхода из ситуации некомпетентности подготавливаемых специалистов⁴. В учебных планах молодых советских юридических институтов появляется практика, которая постепенно укореняется и становится неотъемлемой частью обучения в вузе. Например, в Свердловском юридическом (до 1936 г. – правовом) институте по учебной и производственной практике за 1930–1940 гг. было принято всего 15 приказов⁵, за 1960–1970 гг. – уже 31⁶, а за 1980–1990 гг. – 92 приказа⁷ по студентам 2-го, 3-го, 4-го курсов. Такая динамика курса на практическую ориентацию связана не только с расширением студенческого состава, но и с его «омоложением». Если на начальном этапе это только 3-й, 4-й курсы, уже с 1960-х гг. практику проходят и студенты 2-го курса. Еще одним неординарным шагом стало то, что в 1977 г. в Свердловском юридическом институте на базе следственно-криминалистического факультета в целях подготовки студентов к будущей профессии был создан оперотряд «Юрист», который как в советское время, так и сейчас занимается поддержанием общественного порядка при проведении массовых мероприятий в Университете (конференции, спортивные соревнования и т. п.) и городе Екатеринбурге (Парад Победы, Бессмертный полк, Кросс наций и т. д.), а также осуществляет предотвращение правонарушений и пресечение противоправных действий.

Таким образом, практика выступает некоторой апробацией, опытом, полученным в результате изучения, исследования, деятельности. Именно широта категории «практика» порождает многообразие формулировок, связанных с практической ориентацией: образование, образовательная среда, подход, обучение, подготовка, технологии.

¹ Энциклопедический словарь: в 3 т. Т. 2. М.: Большая сов. энциклопедия, 1954. С. 719.

² Вести с мест // Еженедельник советской юстиции. 1922. № 7. 12 февр. С. 13.

³ Санчов В. Л. Очередная задача Наркомюста // Еженедельник советской юстиции. 1922. № 11. 16 марта. С. 7.

⁴ Подробнее см.: Шамсумова Э. Ф. Идея практико-ориентированной подготовки советских юристов и ее отражение в законодательстве 1917 – 1940-х годов // История государства и права. 2022. № 10. С. 58–64; Ее же. Практико-ориентированный подход в подготовке советских юридических кадров сквозь призму законодательства (1960–1990) // Там же. № 12. С. 76–80; Ее же. Практико-ориентированный подход в подготовке советских студентов-юристов // Там же. 2023. № 12. С. 24–27.

⁵ Приказы директора института по основной деятельности по личному составу // Архив Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева. Ф. 2143-р. Ед. хр. 17, 19, 22, 31, 33, 35.

⁶ Приказы директора (с 1961 – ректора) института по личному составу студентов по очной форме обучения // Архив Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева. Ф. 2143-р. Ед. хр. 82, 84, 94, 98, 102, 103, 106, 109–111.

⁷ Приказы ректора института по личному составу студентов по очной / дневной форме обучения // Архив Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева. Ф. 2143-р. Приказы ректора института по личному составу студентов по очной / дневной форме обучения с 1980 по 1990 гг.

Ориентируясь главным образом на педагогические науки в исследуемом вопросе, можно отметить:

практико-ориентированное профессиональное образование – это тип профессионального образования, целью реализации программ которого является подготовка обучающихся к конкретной профессиональной деятельности, в процессе которого практические формы обучения первичны, а программы разрабатываются и реализуются при непосредственном участии представителей социальных партнеров – работодателей¹;

практико-ориентированная образовательная среда – это специально организованное самодвижущееся образовательное пространство, представленное единством целевого, содержательного, процессуального, оценочно-корректировочного компонентов и реализующее социально-коммуникативную, информационно-транслирующую, производственно-деятельностную и профессионально-ориентированную функции, обеспечивающие развитие у специалиста практико-ориентированных профессиональных компетенций (Л. Е. Солянкина²);

практико-ориентированный подход исследователи рассматривают как метод преподавания и обучения в сочетании с практической деятельностью с целью ориентации учебного процесса на конечный продукт профессиональной подготовки – формирование и развитие компетенций³;

при практико-ориентированном обучении, когда практическая составляющая профессионального образования зачастую реализуется непосредственно на рабочих местах, специально создаваемых в образовательном учреждении, на выделенных площадках по профессиональной ориентации либо непосредственно на промышленных предприятиях, формирование компетенции действия существенно изменяется в сравнении с традиционным подходом⁴;

практико-ориентированная подготовка – это обязательное обретение обучающимися личного опыта в условиях реально действующего субъекта рынка за счет выполнения ими практических заданий с участием профессионалов в этой деятельности⁵;

практико-ориентированные технологии предоставляют свободу в выборе образовательного маршрута, являются гибкими в перестройке структур и содержания профессионального образования в быстро изменяющейся конъюнктуре⁶.

Категориальный аппарат практической ориентации носит многоплановый и многогранный характер и, как видится, преломляем по своей природе к различным научным знаниям благодаря специфике (специальности) подготовки квалифицированных кадров, поэтому для юридического образования необходим свой.

Безусловно, актуальность вопроса не вызывает сомнения и привлекла пристальное внимание таких известных ученых-юристов, как М. В. Баранова («Юртехнетика как базовое основание практико-ориентированности подготовки специалистов для юридической науки, образования, практики»), Н. И. Биюшкина («Практико-ориентированный подход в педагогическом инструментарии кафедры судебной и прокурорской деятельности»), Т. Е. Грязнова («Вопросы практико-ориентированности в доктринальной юриспруденции Российской империи конца XIX – начала XX веков»), С. В. Кодан («Подготовка аспирантов к практикам научно-исследовательской деятельности: понимание, направления, результативность»), А. П. Кузнецов («Практико-ориентиро-

¹ Актуальные вопросы развития среднего профессионального образования: практ. пособие / под общ. ред. А. Н. Лейбовича. М.: Федеральный ин-т развития образования, 2016. С. 10.

² Солянкина Л. Е. Практико-ориентированная образовательная среда как детерминант развития профессиональной компетентности будущего специалиста // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 11. С. 85.

³ Вяткина И. В. Практико-ориентированное обучение как средство профессионализации подготовки будущих специалистов в университете // Новый взгляд на систему образования: сб. тр. II Междунар. науч.-практ. конф. (Прокопьевск, 10 апреля 2019 г.). Кемерово: КузГТУ им. Т. Ф. Горбачева. С. 007.3.

⁴ Климов К. А. Практико-ориентированное обучение в системе высшего образования: моногр. Тамбов: Изд-во Першина Р. В., 2016. С. 93.

⁵ Львов Л. В., Дегтеренко Л. Н. Практико-ориентированная подготовка // Современная высшая школа: инновационный аспект. 2020. Т. 12. № 4. С. 93. DOI: 10.7442/2071-9620-2020-12-4-92-99.

⁶ Ваганова О. И., Булаева М. Н., Шагалова О. Г. Методы и технологии образования в условиях практико-ориентированного обучения // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2019. Т. 8. № 1. С. 291. DOI: 10.26140/anip-2019-0801-0071.

ванность в преподавании курса „Уголовная политика России“ в юридических вузах»), Т. Г. Погодина («Практико-ориентированный подход при изучении науки „Судебная психиатрия“ в юридическом вузе»), А. М. Хужин, М. В. Карпычев («Практико-ориентированный подход в подготовке специалистов для правовых подразделений органов внутренних дел (опыт Нижегородской академии МВД России)»), В. М. Шафиров («Фундаментальные и прикладные аспекты юридического образования: проблемы соотношения и гармонизации») и др.

Рассмотрим исследуемые категории на примере Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева.

Образование – целенаправленный процесс обучения и воспитания в интересах личности, общества и государства, ведет к овладению ценностями культуры и нравственно-эмоционального отношения к миру, опытом профессиональной и творческой деятельности, сохраняющими и развивающими духовные и материальные достижения человечества¹. Практико-ориентированным оно становится тогда, когда на уровне государства формируется нормативно-правовая база, исполнительные и иные органы власти, субъекты социального партнерства осуществляют поддержку, личность стремится максимально осознанно, понимая специфику будущей профессии, избрать специальность, а учебные заведения обеспечивают реализацию образовательных программ, где приоритет отдается практическим формам обучения. Так, в УрГЮУ им. В. Ф. Яковлева в соответствии с ФГОС осуществлен переход к практико-ориентированному образованию, сочетающему теоретические и практические основы. Университет активно взаимодействует с органами власти в интересах студентов. Например, в рамках соглашения с Министерством культуры Свердловской области более 50 визитов нанесли студенты 1-го курса в краеведческий музей и иные учреждения культуры. Все институты Университета активно взаимодействуют с работодателями.

Если образовательная среда – часть социокультурного пространства, зона взаимодействия образовательных систем, их элементов, образовательного материала и субъектов образовательных процессов², то практико-ориентированной она становится тогда, когда во всей указанной совокупности приоритет имеют практико-ориентированные формы, включая не только клиники, но и учебные платформы (Moodle) вуза. Практико-ориентированная образовательная среда УрГЮУ им. В. Ф. Яковлева включает в себя аудитории для практических занятий, залы судебных заседаний, криминалистическую лабораторию и полигон, юридические клиники, Музей СЮИ – УрГЮА – УрГЮУ, электронную образовательную среду, ФОК, где получают практические навыки бойцы спецдевиэионов «Юрист» и «Скорпион».

Если подход – это совокупность приемов отношения к кому-чему-нибудь, рассмотрения чего-нибудь или воздействия на кого-что-нибудь³, то практико-ориентированным он становится тогда, когда возникает множество мнений о совокупности приемов относительно практической подготовки студентов. Так, в технических вузах одна совокупность приемов, в медицинских – другая, в юридических – третья. В Университете в процессе реализации практико-ориентированного подхода широко используются общие (в рамках реализации дисциплин: экономика, политология, философия и др.), специально-юридические (при реализации юридических дисциплин), научно-исследовательские (при работе над ВКР, диссертациями) приемы.

Обучение – это основной путь получения образования, процесс овладения знаниями, умениями и навыками под руководством педагогов, мастеров, наставников и т. д. В ходе обучения усваивается социальный опыт, формируется эмоционально-ценностное отношение к действительности⁴. Практико-ориентированным оно становится, когда используются методики, «заточенные» на специфику получаемой профессии. В УрГЮУ им. В. Ф. Яковлева учебный процесс построен таким образом, что студент сначала получает теоретические, историко-правовые знания, навыки анализа нормативных правовых актов по отраслям права, навыки составления правоприменительных и иных документов, учится принимать компетентные решения в юридической деятельности.

¹ Популярный энциклопедический словарь. С. 917.

² Педагогический терминологический словарь // Академик: сайт. URL: https://pedagogical_dictionary.academic.ru/2178/ (дата обращения: 08.01.2024).

³ Значение слова: сайт. URL: <https://znachenie-slova.ru/> (дата обращения: 08.01.2024).

⁴ Там же.

Если подготовкой называют создание кем-либо условий для успешного выполнения чего-либо¹, то выполнение конкретных действий по освоению практического навыка будет говорить о практико-ориентированном характере. Здесь намеренно категория показана в ее узком понимании, поскольку в широком она сливается с обучением, а ее значение в узком, как важная часть учебного процесса, – умалется. В Университете студенты активно занимаются подготовкой к практическим занятиям, проектной деятельности и т. д.

Технология (от гр. *techne* – искусство, мастерство, умение, *logos* – слово, речь) – это способ преобразования вещества, энергии, информации в процессе изготовления продукции, обработки и переработки материалов, сборки готовых изделий, контроля качества, управления. Технология воплощает в себе методы, приемы, режим работы, последовательность операций и процедур, она тесно связана с применяемыми средствами, оборудованием, инструментами, используемыми материалами². Практико-ориентированные технологии предполагают комплексный механизм погружения в практическую деятельность. В УрГЮУ им. В. Ф. Яковлева в зависимости от специфики дисциплины (потому что по истории государства и права России, например, они будут одни, по криминалистике – другие, а по процессуальному праву – третьи) можно выделить наиболее часто встречающиеся информационно-коммуникационные технологии (работа в малых группах студентов самостоятельно на учебном портале, тестирование с использованием различных платформ), проектные технологии (деловые игры, модельные процессы, проектная деятельность), технологии проблемного обучения (практические задания, ситуационные задачи и т. п.), технология мотивации (мастер-классы с практикующими юристами), кейс-технологии (работа с кейсами предусматривается для студентов старших курсов), технология соответствия (студенты проходят практику (независимо от вида) в соответствии с положением, с составлением соответствующей документации, то же самое касается и руководителей практик).

Резюмируя все изложенное, можно сказать, что теоретическое осмысление категориального аппарата практической ориентации указывает на его широту (есть понятия в узком и широком смысле), вариативность (относительно подходов, где в основу положена отрасль или область знаний), функциональность (связан с реализацией компетенций), динамичность (способен наполняться и совершенствоваться), всеобщность (охватывает все этапы образовательного процесса). Следовательно, практико-ориентированное образование не просто тренд, а требование времени, ведь государство заинтересовано в квалифицированных специалистах, поскольку не может останавливаться в развитии, не может не совершенствоваться, а выпускники, чтобы быть жизне- и конкурентоспособными, должны обладать профессиональными качествами мышления, самоорганизации и саморазвития.

Список литературы

Актуальные вопросы развития среднего профессионального образования: практ. пособие / под общ. ред. А. Н. Лейбовича. М.: Федеральный ин-т развития образования, 2016. 256 с.

Архив Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева. Ф. 2143-р. Ед. хр. 17, 19, 22, 31, 33, 35, 82, 84, 94, 98, 102, 103, 106, 109–111.

Ваганова О. И., Булаева М. Н., Шагалова О. Г. Методы и технологии образования в условиях практико-ориентированного обучения // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2019. Т. 8. № 1. С. 291. DOI: 10.26140/anip-2019-0801-0071.

Вести с мест // Еженедельник советской юстиции. 1922. № 7. 12 февр. С. 12–13.

Вяткина И. В. Практико-ориентированное обучение как средство профессионализации подготовки будущих специалистов в университете // Новый взгляд на систему образования: сб. тр. II Междунар. науч.-практ. конф. (Прокопьевск, 10 апреля 2019 г.). Кемерово: КузГТУ им. Т. Ф. Горбачева. С. 007.1–007.5.

Климов К. А. Практико-ориентированное обучение в системе высшего образования: моногр. Тамбов: Изд-во Першина Р. В., 2016. 144 с.

Львов Л. В., Дегтеренко Л. Н. Практико-ориентированная подготовка // Современная высшая школа: инновационный аспект. 2020. Т. 12. № 4. С. 93. DOI: 10.7442/2071-9620-2020-12-4-92-99.

Популярный энциклопедический словарь / ред. Р. А. Матвеева, В. М. Макаревич, Л. Г. Король и др. М.: Рос. энциклопедия, 1999. 1583 с.

¹ Толковый словарь Дмитриева // Академик: сайт. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/dmitriev/3703/> (дата обращения: 08.01.2024).

² Значение слова: сайт. URL: <https://znachenie-slova.ru/> (дата обращения: 08.01.2024).

Санчов В. Л. Очередная задача Наркомюста // Еженедельник советской юстиции. 1922. № 11. 16 марта. С. 7.

Солянкина Л. Е. Практико-ориентированная образовательная среда как детерминант развития профессиональной компетентности будущего специалиста // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 11. С. 85.

Шамсумова Э. Ф. Идея практико-ориентированной подготовки советских юристов и ее отражение в законодательстве 1917 – 1940-х годов // История государства и права. 2022. № 10. С. 58–64.

Шамсумова Э. Ф. Практико-ориентированный подход в подготовке советских юридических кадров сквозь призму законодательства (1960–1990) // История государства и права. 2022. № 12. С. 76–80.

Шамсумова Э. Ф. Практико-ориентированный подход в подготовке советских студентов-юристов // История государства и права. 2023. № 12. С. 24–27.

Энциклопедический словарь: в 3 т. Т. 2. М.: Большая сов. энциклопедия, 1954. 720 с.

References

(1922) Vesti s mest [News from the field]. In *Ezhenedel'nik sovetskoi yustitsii*, no. 7, 12 February, pp. 12–13.

(1954) *Entsiklopedicheskii slovar': in 3 vols.* [The Encyclopedic Dictionary: in 3 vols.] Moscow, Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya, vol. 2, 720 p.

Archive of Ural State Law University named after V. F. Yakovlev. Collection 2143-r. Files 17, 19, 22, 31, 33, 35, 82, 84, 94, 98, 102, 103, 106, 109–111.

Klimov K. A. (2016) *Praktiko-orientirovannoe obuchenie v sisteme vysshego obrazovaniya* [Practice-oriented training in the higher education system]. Tambov, Izdatel'stvo Pershina R. V., 144 p.

L'vov L. V., Degterenko L. N. (2020) *Praktiko-orientirovannaya podgotovka* [Practice-oriented training]. In *Sovremennaya vysshaya shkola: innovatsionnyi aspekt*, vol. 12, no. 4, p. 92–99, DOI: 10.7442/2071-9620-2020-12-4-92-99.

Leibovich A. N. (Ed.) (2016) *Aktual'nye voprosy razvitiya srednego professional'nogo obrazovaniya: prakticheskoe posobie* [Current issues in the development of secondary vocational education: a practical guide]. Moscow: Federal'nyi institut razvitiya obrazovaniya, 256 p.

Matveeva R. A., Makarevich V. M., Korol' L. G. et al. (Eds.) (1999) *Populyarnyi entsiklopedicheskii slovar'* [A popular encyclopedic dictionary]. Moscow, Rossiiskaya entsiklopediya, 1583 p.

Sanchov V. L. (1922) *Ocherednaya zadacha Narkomyusta* [The next task of the People's Commissariat of Justice]. In *Ezhenedel'nik sovetskoi yustitsii*, no. 11, 16 March, p. 7.

Shamsumova E. F. (2022) *Ideya praktiko-orientirovannoi podgotovki sovetskikh yuristov i ee otrazhenie v zakonodatel'stve 1917 – 1940-kh godov* [The idea of practice-oriented training of Soviet lawyers and its reflection in the laws of 1917 to the 1940s]. In *Istoriya gosudarstva i prava*, no. 10, pp. 58–64, DOI: 10.18572/1812-3805-2022-10-58-64.

Shamsumova E. F. (2022) *Praktiko-orientirovannyi podkhod v podgotovke sovetskikh yuridicheskikh kadrov skvoz' prizmu zakonodatel'stva (1960–1990)* [The practice-oriented approach to training of Soviet legal personnel from the legal standpoint (1960 to 1990)]. In *Istoriya gosudarstva i prava*, no. 12, pp. 76–80, DOI: 10.18572/1812-3805-2022-12-76-80.

Shamsumova E. F. (2023) *Praktiko-orientirovannyi podkhod v podgotovke sovetskikh studentov-yuristov* [Practice-oriented approach to the preparation of Soviet law students]. In *Istoriya gosudarstva i prava*, no. 12, p. 24–27.

Solyankina L. E. (2010) *Praktiko-orientirovannaya obrazovatel'naya sreda kak determinant razvitiya professional'noi kompetentnosti budushchego spetsialista* [Practically focused educational environment as determinant of development of professional competence of future expert]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 11, pp. 79–85.

Vaganova O. I., Bulaeva M. N., Shagalova O. G. (2019) *Metody i tekhnologii obrazovaniya v usloviyakh praktiko-orientirovannogo obucheniya* [Methods and technologies of education in conditions of practice-oriented learning]. In *Azimut nauchnykh issledovaniy: pedagogika i psikhologiya*, vol. 8, no. 1, p. 291, DOI: 10.26140/anip-2019-0801-0071.

Vyatkina I. V. (2019) *Praktiko-orientirovannoe obuchenie kak sredstvo professionalizatsii podgotovki budushchikh spetsialistov v universitete* [Practice-oriented training as a means of professionalizing the training of future specialists at the university]. In Pudov E. Yu. (Ed.) *Novyi vzglyad na sistemu obrazovaniya: sbornik trudov II Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Prokop'evsk, 10 aprelya 2019 g.)*. Kemerovo, KuzGTU im. T. F. Gorbacheva, pp. 007.1–007.5.

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЙ СПОР И ТЕНДЕНЦИИ ЕГО ТРАНСФОРМАЦИИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Лифанов Дмитрий Максимович

Аспирант кафедры административного права Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева (Екатеринбург), ORCID: 0000-0001-7911-0250, e-mail: d.m.lifanov@usla.ru.

Современные тенденции в регулировании общественных отношений свидетельствуют о возрастающем значении информационных систем и цифровых технологий в разрешении споров, возникающих между различными субъектами права. Настоящая статья посвящена исследованию категории «административно-правовой спор», выражающей публично-правовой характер административной юстиции. Автор рассматривает соотношение таких понятий, как «спор», «разногласие» и «правовой (юридический) конфликт». Высказано мнение о необходимости совершенствования нормативно-правовой базы в сфере разрешения споров с участием юридических лиц публичного права. Раскрываются существенные признаки административного спора, исследуются его виды. На основе анализа концептуальных подходов к исследованию данной категории предложено авторское понятие «административно-правовой спор».

Ключевые слова: административно-правовой спор, досудебный порядок, обжалование, публичные правоотношения, субъективное публичное право, цифровизация, информационные технологии

Для цитирования: Лифанов Д. М. Административно-правовой спор и тенденции его трансформации в современных условиях // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2023. № 6. С. 41–57. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2023_6_41.

ADMINISTRATIVE-LEGAL DISPUTE AND TRENDS OF ITS TRANSFORMATION IN MODERN CONDITIONS

Lifanov Dmitriy

Post-graduate student, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (Yekaterinburg), ORCID: 0000-0001-7911-0250, e-mail: d.m.lifanov@usla.ru.

Modern trends in the regulation of public relations indicate the increasing importance of information systems and digital technologies in resolving disputes arising between various subjects of law. This article is devoted to the study of the category of «administrative-legal dispute», which expresses the public-legal nature of administrative justice. The author raises the problems of the correlation of such concepts as «dispute», «disagreement» and «legal (juridical) conflict». The opinion is expressed on the need to improve the regulatory framework in the field of dispute resolution with the participation of legal entities of public law. The essential features of an administrative dispute are revealed and its types are considered. Based on the analysis of conceptual approaches to the study of this category, the author's concept of «administrative and legal dispute» is proposed.

Key words: administrative and legal dispute, pre-trial procedure, appeal, public legal relations, subjective public law, digitalization, information technology

*For citation: Lifanov D. (2023) Administrative-legal dispute and trends of its transformation in modern conditions. In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu»*, no. 6, pp. 41–57. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2023_6_41.*

Введение

При взаимодействии граждан и организаций с органами публичной власти нередко возникают противоречия по поводу различных прав и обязанностей. Указанные противоречия облекаются форму правового спора, который носит публичный характер. Разрешение публично-правовых споров является одним из важнейших направлений деятельности публичной администрации, обеспечивающим законность и защиту субъективных публичных прав частных лиц. Проблематика административно-правового спора вовлечена в орбиту административного оспаривания и имеет сложную правовую природу, комплексное содержание и требует структурного анализа его элементов, в том числе объекта, предмета, субъектного состава и др.

Существенный вклад в формирование теоретических аспектов данного направления внесли работы Н. Г. Салищевой¹, Е. Б. Лупарева², А. Б. Зеленцова³, А. И. Стахова⁴, Н. В. Сухаревой⁵ и др. На протяжении длительного периода времени административный спор рассматривался как отрицательное явление, о чем свидетельствуют подходы к трактовке понятия административной юстиции, сформировавшиеся во второй половине XX в.⁶ В современной юридической науке выработан иной взгляд на административно-правовой спор как форму правомерных действий, обеспечивающую защиту нарушенного субъективного права или законного интереса участников управленческих отношений в сфере публичного права⁷. Полагаем, что понимание административного правового спора в его интерпретации через способы урегулирования юридического конфликта соответствует действительности, позволяет провести разграничение между ними.

Соотношение категорий «спор», «разногласие» и «правовой (юридический) конфликт»

Одной из существенных методологических проблем, связанных с определением категорий «правовой спор» и «административно-правовой спор», является соотношение понятий спора, разногласия и правового (юридического) конфликта.

Исследуя общетеоретические вопросы построения юридической конструкции правового спора, А. Б. Зеленцов рассматривает его концепцию как целостное явление. Особенностью административно-правового спора является его содержание, основу которого составляют следующие элементы: предмет (объект), основание спора, цель, задачи и субъектный состав спора. Смысловая интерпретация концепции А. Б. Зеленцова заключается в том, что правовой спор рассматривается как юридическая форма конфликта, в основании которой лежит презумпция нарушения права. Иными словами, спор о праве возникает из-за столкновения интересов сторон вне

¹ См.: Салищева Н. Г. Избранное. М.: РАП, 2011. С. 444–469.

² См.: Лупарев Е. Б. Административно-правовые споры: дис. ... д-ра юрид. наук. Воронеж, 2003. 482 с.

³ См.: Зеленцов А. Б. Теоретические основы правового спора: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2005. 435 с.; Его же. Административно-правовой спор: вопросы теории: моногр. М.: Изд-во РУДН, 2005. 732 с.

⁴ Стахов А. И. Дела об административных правонарушениях как индифферентная категория юридических дел, разрешаемых в ходе административного процесса // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права (Сорокинские чтения): сб. ст. по материалам междунар. науч.-практ. конф., посвященной памяти д-ра юрид. наук, проф., заслуженного деятеля науки Российской Федерации, заслуженного юриста Российской Федерации Аврутина Юрия Ефремовича в связи с 75-летием со дня рождения, Санкт-Петербург, 25 марта 2022 года. СПб.: Санкт-Петербургский ун-т Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2022. С. 239–247; Его же. Юридические дела, разрешаемые судами в ходе административного процесса // Правовая политика и правовая жизнь. 2022. № 2. С. 95–102; Стахов А. И., Порываев С. А. Административные споры как неотъемлемый элемент современной правовой системы Российской Федерации // Правоприменение. 2022. № 4. С. 261–276; Стахов А. И. Понятие и общая характеристика системы судебного административного процесса в Российской Федерации // Российское правосудие. 2023. № 3. С. 59–71.

⁵ См.: Сухарева Н. В. Рассмотрение административно-правовых споров арбитражными судами: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999. 181 с.

⁶ Так, под административным спором понималась специфическая форма правонарушения либо помехи для беспрепятственного осуществления административными органами своих полномочий. См.: Петухов А. П. Административный процесс в юрисдикционной деятельности органов советского государственного управления: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Л., 1982. С. 8–9.

⁷ См.: Зеленцов А. Б. Административно-правовой спор: вопросы теории. С. 8.

зависимости от того, имело ли место действительное либо предполагаемое правонарушение или нет¹.

С точки зрения соотношения понятий «спор» и «разногласие» в отраслевых юридических науках сложилось несколько подходов. С одной стороны, разногласие является более широким понятием и охватывает не только правовой спор, но и противоречия, несогласованность во мнениях сторон спора². С другой стороны, категория спора соответствует понятию разногласия, а также включает в себя уклонение от выполнения обязанностей одной из сторон³. Вместе с тем понятие «разногласие», по справедливому замечанию А. Б. Зеленцова, может иметь специальное юридическое закрепление, определяющее содержание правового спора исключительно разноречием, опровержениями и возражениями сторон.

В научной литературе административно-правовой спор нередко рассматривают в качестве разновидности юридического конфликта, который возникает непосредственно между частным и властным субъектом⁴. Административно-правовой спор как конфликт, возникающий из административно-правовых отношений, – это, прежде всего, спор о *субъективном публичном праве*, т. е. о праве, которое считается принадлежащим определенному лицу в правоотношениях с участием частных лиц и административных органов, действующих как публичная власть, и (или) о законности использования этими органами публичных полномочий в отношениях с частными лицами (курсив мой. – Д. Л.)⁵.

Представляется, что методологический подход к определению спора о праве как юридической формы конфликта, является обоснованным, поскольку данная правовая конструкция может выступать в качестве предпосылки, необходимой для эффективного разрешения возникшего противоречия. Однако с точки зрения формальной логики возникновение правового спора не всегда может быть обусловлено наличием юридического конфликта. Как верно замечает Е. Б. Лупарев, не любой административный спор может развиваться на основе конфликта и не любой спор есть конфликт⁶.

Рассматривая структурную архитектуру спора, А. Б. Зеленцов приходит к закономерному выводу, что спор есть разногласия, возникающие в связи с предметом спора. Схожее определение административно-правового спора предложено В. Е. Сазоновым⁷, Н. Г. Кипер⁸ и другими исследователями. В современном российском законодательстве термин «разногласия» используется применительно к согласительным процедурам, проводимым Президентом РФ⁹, его полномочными представителями в федеральных округах¹⁰, органами публичной власти субъектов РФ¹¹. При этом послед-

¹ Представляется верной позиция автора относительно того, что теоретическая конструкция спора о праве имеет универсальный характер и поэтому применима для урегулирования юридических конфликтов в сферах частного и публичного права. См.: Зеленцов А. Б. Административно-правовой спор: вопросы теории. С. 28–29.

² См.: Морейн И. Б. К вопросу о понятии трудового спора // Правоведение. 1966. № 4. С. 89.

³ См.: Зайцев И. М. Сущность хозяйственных споров. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1974. С. 19, 21.

⁴ См.: Хаманева Н. Ю. Административно-правовой спор как разновидность юридического конфликта // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2009. № 3. С. 40.

⁵ Зеленцов А. Б., Ястребов О. А. Судебное административное право: учеб. М.: Статут, 2017. С. 22.

⁶ См.: Лупарев Е. Б. Указ. соч. С. 30.

⁷ По мнению В. Е. Сазонова, «административно-правовой спор представляет собой разногласия сторон об административных правах и обязанностях, которые находят свое выражение в правовых притязаниях (либо возражениях) в рамках правоотношения и на основе определенных правовых процедур». См.: Сазонов В. Е. Разрешение таможенных споров в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. С. 10.

⁸ Н. Г. Кипер определяет административно-правовой спор как «разногласия между субъектами административно-правовых отношений по существу различно понимаемых ими взаимных прав и обязанностей». См.: Кипер Н. Г. Административно-правовой спор (теоретические проблемы) // Юридический мир. 2007. № 12. С. 61.

⁹ В соответствии с ч. 1 ст. 85 Конституции РФ Президент вправе использовать согласительные процедуры в целях разрешения разногласий между федеральными органами государственной власти и органами государственной власти субъектов Российской Федерации, а также разногласия, возникающие между последними.

¹⁰ См. п. 6 Положения «О полномочном представителе Президента Российской Федерации в федеральном округе», утв. Указом Президента РФ от 13 мая 2000 г. № 849 (в ред. от 4 февраля 2021 г.) «О полномочном представителе Президента Российской Федерации в федеральном округе».

¹¹ См., например: ст. 62 Федерального закона от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации».

ние могут урегулировать спор как по вопросам осуществления своих полномочий, так и в связи с возникшими разногласиями с другим органом государственной власти субъекта РФ. Очевидно, что разногласия, возникающие по поводу передачи части полномочий вышестоящих органов государственной власти нижестоящим, вовлечены в орбиту административно-правового спора и поэтому не нуждаются в подобном разграничении. Основываясь на практике законотворческой деятельности¹ и позициях указанных авторов, понятие административно-правового спора, на наш взгляд, следует определять через термин разногласия.

Анализируя представленные в научной литературе дефиниции, В. В. Коробченко и В. А. Сафонов приходят к выводу о том, что административно-правовой спор может возникать в сфере государственного управления между субъектами административно-правовых отношений либо в связи с осуществлением субъектом государственного управления публичных функций². По мнению исследователей, представленные в литературе определения категории «административно-правовой спор» по существу практически идентичны.

Исследование теоретико-методологических подходов к определению данной категории позволяет сделать вывод, что административно-правовой спор может рассматриваться как: 1) публично-правовой спор³; 2) спор о праве административном⁴; 3) спор, связанный с законностью административного акта⁵; 4) юридическая коллизия между представителями государства и иными субъектами из-за противозаконного административного нормотворчества, повлекшего за собой нарушение публичных прав⁶.

В условиях современных информационных технологий и трансформации общественных отношений, как представляется, категория «административно-правовой спор» нуждается в дополнении и уточнении в том смысле, что применяемые для разрешения спора специфические средства и способы защиты оказывают влияние на содержание процессуальной формы защиты субъективных публичных прав. В частности, разрешение административных споров может осуществляться с использованием Единого портала государственных и муниципальных услуг⁷, официальных сайтов федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов РФ и иных государственных органов, в том числе Генеральной прокуратуры, Следственного комитета, Банка России и Счетной палаты РФ. Изучение элект-

¹ Так, постановлением Совета Федерации Федерального Собрания РФ от 27 сентября 2000 г. № 258-СФ «О согласительной комиссии по Федеральному закону „О процедурах преодоления разногласий и разрешения споров между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации“» была создана согласительная комиссия, главной целью которой являлось принятие соответствующего федерального закона. Однако инициатива принятия данного закона по определенным причинам не была реализована и соответствующее постановление было отменено.

² Коробченко В. В., Сафонов В. А. Правовая природа служебных споров в сфере гражданской службы // Lex Russica. 2016. № 10. С. 194.

³ В частности, И. В. Панова определяет административный спор как «публично-правовой спор граждан, объединений граждан с органами публичной власти, в том числе органами государственной власти и муниципальными органами». См.: Панова И. В. Развитие административного судопроизводства и административной юстиции в России // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2016. № 4. С. 55.

⁴ Ю. М. Козлов под административно-правовым спором понимает «спор о праве административном, возникающий между участниками управленческих отношений в связи со сложившимся у одной стороны этих отношений представлением о том, что ее права и законные интересы нарушаются либо ущемляются действиями второй стороны». См.: Алехин А. П., Кармолицкий А. А., Козлов Ю. М. Административное право Российской Федерации: учеб. 2-е изд., испр. и доп. М.: Зерцало, 1998. С. 309 (автор главы – Ю. М. Козлов).

⁵ В частности, предметом административного спора выступает административный акт, который «ущемляет какое-либо его право или непосредственный, основанный на законе личный интерес». См.: Попович С. Административное право. Общая часть / под ред., вступ. ст. Ц. А. Ямпольской; пер. с сербохорватского Ю. С. Гиренко. М.: Прогресс, 1968. С. 504.

⁶ См.: Старилов Ю. Н. Административная юстиция: Теория, история, перспективы. М.: Норма, 2001. С. 55. На наш взгляд, более универсальное определение административно-правового спора было предложено ученым в более ранних его трудах. См.: Старилов Ю. Н. Административная юстиция: Проблемы теории. Воронеж: Изд-во Воронежского гос. ун-та, 1998. С. 125.

⁷ С 1 января 2015 г. на базе Единого портала государственных и муниципальных услуг запущена федеральная информационная система досудебного (внесудебного) обжалования, позволяющая урегулировать споры, возникающие в связи с предоставлением государственных и муниципальных услуг (Досудебное обжалование // Единый портал государственных и муниципальных услуг. URL: <https://do.gosuslugi.ru/> (дата обращения: 20.05.2023).

ронных форм подачи жалоб и иных видов обращений, размещенных на указанных интернет-ресурсах, позволяет сделать вывод о том, что информационные системы и цифровые технологии широко применяются для разрешения споров, возникающих из административных и иных публичных правоотношений.

Учитывая особенности современной правовой системы Российской Федерации, можно сформулировать следующее определение административно-правового спора: это разногласия, возникающие между субъектами права по поводу различно понимаемых прав и обязанностей в сфере административных и иных публичных правоотношений, разрешение которых обеспечивается посредством различных процедурных, процессуальных и иных форм реализации механизма административно-правового регулирования. На наш взгляд, данное определение раскрывает сущность административно-правового спора и соответствует современным тенденциям в правовом регулировании общественных отношений.

Особенности правового регулирования внесудебной процедуры разрешения административных споров с участием юридических лиц публичного права

Одним из ключевых направлений в сфере защиты прав и свобод человека является «установление и обеспечение надлежащего функционирования правовых механизмов, гарантирующих их реализацию... в том числе и путем принятия административного регламента, который определяет последовательность действий органа исполнительной власти (административные процедуры)»¹. Применительно к юридическим лицам публичного права² (государственным корпорациям, саморегулируемым организациям с обязательным участием³ и др.) процедура разрешения споров регламентируется на уровне федеральных законов, подзаконных актов федеральных органов исполнительной власти и иных государственных органов. Рассмотрим административно-правовые основы разрешения споров с участием государственных корпораций, в частности, Госкорпорации «Росатом».

Представляется, что правовое закрепление основных элементов процессуальной формы обжалования исчерпывающим образом отражено в приказах Госкорпорации «Росатом» от 13 июля 2015 г. № 1/12-НПА⁴, от 18 августа 2016 г. № 1/21-НПА⁵, от 9 сентября 2022 г. № 1/31-НПА⁶, от 18 декабря 2017 г. № 1/55-НПА⁷, от 22 декабря 2017 г. № 1/60-НПА,

¹ См.: Апелляционное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда РФ от 21 февраля 2018 г. № 78-АПП7-26.

² Под организациями публичного права, как и В. Е. Чиркин, понимаем «признанное государством в этом качестве материальное и публично-правовое некоммерческое формирование, которое в различных организационно-правовых формах вправе ограничено участвовать в гражданско-правовых отношениях и которое участвует в публично-правовых отношениях в целях публичных интересов путем законного применения публичной власти, борьбы за нее, сотрудничества с ней, давления на нее, имеет имя, другие идентифицирующие признаки, обладает имуществом, правами и несет обязанности и юридическую ответственность за свои акты и действия». См.: Чиркин В. Е. О понятии и классификации юридических лиц публичного права // Журнал российского права. 2010. № 6. С. 97. Подробнее об этом см. также: Усков О. Ю. Юридические лица публичного права: понятие и виды // Журнал российского права. 2010. № 6. С. 101–111; Талапина Э. В. Публичное право и экономика: курс лекций. М.: Волтерс Клувер, 2011. 500 с.; Винницкий А. В. Публичная собственность. М.: Статут, 2013. 730 с.; Хабриева Т. Я. Современные подходы к классификации юридических лиц. К 90-летию юбилею В. Е. Чиркина // Журнал российского права. 2014. № 10. С. 5–16.

³ См.: распоряжение Правительства РФ от 30 декабря 2015 г. № 2776-р «О Концепции совершенствования механизмов саморегулирования».

⁴ Приказ Госкорпорации «Росатом» от 13 июля 2015 г. № 1/12-НПА (в ред. от 20 ноября 2017 г.) «Об утверждении Административного регламента по предоставлению государственной услуги „Выдача справок по архивным документам в установленной сфере деятельности для представления по месту требования“».

⁵ Приказ Госкорпорации «Росатом» от 18 августа 2016 г. № 1/21-НПА «Об утверждении Порядка отнесения Государственной корпорацией по атомной энергии „Росатом“ продукции, поставляемой по государственному оборонному заказу, к продукции с длительным технологическим циклом производства и выдачи документа, подтверждающего длительность производственного цикла изготовления продукции».

⁶ Приказ Госкорпорации «Росатом» от 9 сентября 2022 г. № 1/31-НПА «Об утверждении Административного регламента осуществления Государственной корпорацией по атомной энергии „Росатом“ государственного контроля за обеспечением безопасности транспортирования (перевозки) ядерных материалов, радиоактивных веществ и изделий из них, за исключением ядерных материалов, переданных в составе изделий Министерству обороны Российской Федерации».

⁷ Приказ Госкорпорации «Росатом» от 18 декабря 2017 г. № 1/55-НПА «Об утверждении Административного регламента по предоставлению Государственной корпорацией по атомной энергии „Росатом“ государ-

от 30 октября 2018 г. № 1/31-НПА¹, от 27 апреля 2022 г. № 1/11-НПА². Однако можно выделить два случая, при которых процедура обжалования решений Госкорпорации, действий (бездействия) ее должностных лиц не подкреплена необходимыми нормативными положениями³. Очевидно, что реализация указанных административных регламентов обеспечивается посредством специальных процедур обжалования, урегулированных нормативными правовыми актами различной отраслевой принадлежности. Так, согласно п. 74 приказа Госкорпорации «Росатом» от 13 июля 2015 г. № 1/12-НПА подача и рассмотрение жалоб на решения и действия должностных лиц Корпорации осуществляются в соответствии с Правилами подачи и рассмотрения жалоб, утв. постановлением Правительства РФ от 16 августа 2012 г. № 840⁴, которые применяются в рамках специальной процедуры обжалования, предусмотренной гл. 2.1 Федерального закона от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» (далее – Закон о госуслугах). При этом разрешение споров, возникающих при осуществлении государственного контроля (надзора), осуществляется посредством другой специальной процедуры обжалования, которая урегулирована гл. 9 Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации».

Отдельного внимания заслуживает опыт правового регулирования организации предоставления государственных и муниципальных услуг административными регламентами. Проведенный анализ правоприменительной практики свидетельствует о несоответствии принятых административных регламентов, устанавливающих порядок обжалования решений органов публичной власти, действий либо бездействия

ственной услуги по регистрации подведомственных опасных производственных объектов и ведению ведомственного (отраслевого) раздела государственного реестра опасных производственных объектов».

¹ Приказ Госкорпорации «Росатом» от 30 октября 2018 г. № 1/31-НПА «Об утверждении Административного регламента Государственной корпорации по атомной энергии „Росатом“ по предоставлению государственной услуги „Аккредитация органов по сертификации и испытательных лабораторий (центров), выполняющих работы по подтверждению соответствия продукции, для которой устанавливаются требования, связанные с обеспечением безопасности в области использования атомной энергии, обязательным требованиям“».

² Приказ Госкорпорации «Росатом» от 27 апреля 2022 г. № 1/11-НПА «Об утверждении Административного регламента осуществления Государственной корпорацией по атомной энергии „Росатом“ лицензионного контроля деятельности организаций по использованию ядерных материалов и радиоактивных веществ при проведении работ по использованию атомной энергии в оборонных целях, включая разработку, изготовление, испытание, транспортирование (перевозку), эксплуатацию, хранение, ликвидацию и утилизацию ядерного оружия и ядерных энергетических установок военного назначения, за исключением деятельности воинских частей и организаций Министерства обороны Российской Федерации в этой области».

³ Так, в приказе Госкорпорации «Росатом» от 23 сентября 2022 г. № 1/37-НПА «Об утверждении Административного регламента предоставления Государственной корпорацией по атомной энергии „Росатом“ государственной услуги по лицензированию деятельности организаций по использованию ядерных материалов и радиоактивных веществ при проведении работ по использованию атомной энергии в оборонных целях, включая разработку, изготовление, испытание, транспортирование (перевозку), эксплуатацию, хранение, ликвидацию и утилизацию ядерного оружия и ядерных энергетических установок военного назначения» предусмотрен отдельный раздел, посвященный досудебному (внесудебному) порядку обжалования. Однако он содержит только два пункта, указывающих на возможность подачи жалобы в письменной форме либо в виде электронного документа. В приказе Госкорпорации «Росатом» от 7 августа 2018 г. № 1/25-НПА «Об утверждении Административного регламента предоставления Государственной корпорацией по атомной энергии „Росатом“ государственной услуги по выдаче разрешений на строительство объектов использования атомной энергии в случаях строительства, реконструкции указанных объектов и выдаче разрешений на ввод в эксплуатацию указанных объектов» соответствующий раздел не предусматривает положений о порядке подачи, сроках рассмотрения жалобы, информирования заявителя о результатах ее рассмотрения и т. д.

⁴ См.: постановление Правительства РФ от 16 августа 2012 г. № 840 (в ред. от 13 июня 2018 г.) «О порядке подачи и рассмотрения жалоб на решения и действия (бездействие) федеральных органов исполнительной власти и их должностных лиц, федеральных государственных служащих, должностных лиц государственных внебюджетных фондов Российской Федерации, государственных корпораций, наделенных в соответствии с федеральными законами полномочиями по предоставлению государственных услуг в установленной сфере деятельности, и их должностных лиц, организаций, предусмотренных частью 1.1 статьи 16 Федерального закона „Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг“, и их работников, а также многофункциональных центров предоставления государственных и муниципальных услуг и их работников».

их должностных лиц Закону о госуслугах¹. Так, постановлением главы администрации одного из муниципальных образований Оренбургской области утвержден административный регламент отдела архитектуры и градостроительства по предоставлению муниципальной услуги «Подготовка градостроительных планов земельных участков», п. 5.1.6 которого содержал положение о рассмотрении жалобы в течение 30 дней с даты регистрации обращения заявителя. Данный правовой акт признан решением суда противоречащим требованиям закона и подлежащим приведению в соответствие с разграничением полномочий между органами государственной власти и органами местного самоуправления.

Соотношение административно-правового спора, административного иска, административной жалобы

С точки зрения разграничения понятий «административно-правовой спор», «административный иск» и «административная жалоба» как юридических конструкций² последние две из перечисленных категорий выступают в качестве правовых средств, обеспечивающих защиту субъективных публичных прав³, свобод и законных интересов. По данному поводу очень точным представляется замечание О. А. Кузнецовой о том, что «жалобу некорректно называть способом защиты, поскольку жалоба (так же, как и исковое заявление) является процессуальным средством реализации конкретного материально-правового способа защиты»⁴. Административный иск, как и жалоба, характеризуются общей целью: защита субъективных публичных прав граждан, охрана которых составляет одну из задач административной юстиции⁵. Однако процедурной особенностью подачи административной жалобы является обращение в вышестоящий в порядке подчиненности орган, организацию или к вышестоящему в порядке подчиненности лицу (за исключением предусмотренных законом случаев), одновременно с этим административный иск выражает требование о пересмотре дела в порядке судебного процесса⁶.

Административно-правовой спор, как и административный иск, имеют определенную структуру, включающую в себя предмет, основание и субъектный состав его участников⁷. Для разрешения административных дел об оспаривании решений, действий (бездействия) некоммерческих организаций, наделенных отдельными государственными или иными публичными полномочиями, допускается использование различных процессуальных форм, предусмотренных КАС РФ, АПК РФ⁸. При этом непра-

¹ См., например: решения Норильского городского суда Красноярского края от 24 октября 2012 г. по делу № 2-2521/2012; от 15 октября 2012 г. по делу № 2-2508/12; решение Оренбургского районного суда Оренбургской области от 17 декабря 2012 г. по делу № 2-2728/2012.

² Важно отметить наличие других юридических форм защиты прав граждан и организаций (притязание, представление, предложение и т. д.), их рассмотрение не входит в задачи настоящей статьи, в связи с чем в данном исследовании остановимся именно на соотношении административного иска и жалобы как правовых средств, обеспечивающих разрешение административно-правового спора. См.: *Загряцков М. Д.* Право жалобы // Вопросы правоповедения. 2012. № 1. С. 214.

³ См.: *Соловьев М. С.* Специальная административная жалоба в сфере публичных закупок: о формировании нового квазисудебного процесса // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2018. № 4. С. 117.

⁴ *Кузнецова О. А.* Административный порядок защиты гражданских прав // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2017. № 1. С. 54.

⁵ Как отмечает В. А. Рязановский, «административный иск... вырос из ведомственной жалобы и... по существу он представляет иск о защите субъективных публичных прав граждан (а не правопорядка как такового)». Большинство зарубежных ученых (О. Бэр, Г. Еллинек, И. Шульце и др.) рассматривают административный иск как иск, «имеющий целью установление и защиту субъективных прав граждан, в охране коих и заключается задача административной юстиции». См.: *Старилов Ю. Н.* Административная юстиция: конец XIX – начало XX века: Хрестоматия. Ч. 2. Воронеж: Изд-во Воронежского гос. ун-та, 2004. С. 129, 135.

⁶ См.: *Загряцков М. Д.* Указ. соч. С. 78.

⁷ Административное судопроизводство: учеб. / отв. ред. В. В. Ярков. 2-е изд., испр. и доп. М.: Статут, 2021. С. 206–207.

⁸ При этом оспаривание решений, действий (бездействия), явившихся результатом осуществления либо неосуществления полномочий указанных организаций реализуется в порядке, установленном КАС РФ (см. п. 2 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 сентября 2016 г. № 36 (в ред. от 17 декабря 2020 г.) «О некоторых вопросах применения судами Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации»).

вильный выбор процессуальной формы является существенным нарушением закона¹ и зачастую влечет за собой отмену ранее принятых судебных актов².

Для правовых споров, связанных с обжалованием решений органов управления саморегулируемых организаций с обязательным членством, характерна общая исковая форма защиты прав, а в отдельных случаях – обращение к публичному порядку. По мнению Ю. М. Мухонина, реализация саморегулируемой организацией публичной правосубъектности имеет административный характер, ее не следует рассматривать исключительно как отношения «власти-подчинения». С учетом этого автор выделяет два критерия идентификации отраслевой принадлежности спорного правоотношения: субъектный состав и характер спорного правоотношения³.

В свою очередь, рассматривая вопросы защиты гражданских прав в административном порядке, О. А. Кузнецова отмечает, что обладатель интеллектуальных прав и Роспатент находятся между собой в отношениях *власти и подчинения, субординации*, в рамках которых «допустима защита гражданских прав в административном порядке» (курсив мой. – Д. Л.)⁴. Представляется, что в понимании административных и иных публичных правоотношений ученый придерживается классических представлений и не является сторонником выделения «отношений, которые складываются в сфере публичного администрирования... возникают по инициативе и в интересах частных лиц (предоставление государственных и муниципальных услуг, мер поддержки, содействие в реализации прав граждан и организаций) либо по инициативе частных лиц и публичной администрации»⁵.

Следует согласиться с мнением В. Ф. Яковлева о том, что процедура административного порядка защиты гражданских прав устанавливается нормами административного права⁶. Тем самым внесудебный порядок отождествляется с административным и реализуется субъектами, наделенными публичными полномочиями⁷. К ним, например, можно отнести должностных лиц Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия, которые осуществляют защиту гражданских прав потребителей в административном порядке⁸. Таким образом споры, возникающие из правоотношений, которые имеют гражданско-правовую природу, нецелесообразно относить к административно-правовым спорам.

Признаки административного спора, разрешаемого в порядке внесудебного (административного) производства

Отличительными признаками административно-правового спора, позволяющими его идентифицировать, являются следующие. Прежде всего, административный спор возникает в сфере публичных отношений в процессе осуществления функций государственного управления. Орган публичной власти или его должностное лицо, осуществляющее управленческие функции, выступают в качестве одной из сторон административно-правового спора. Как верно отмечает Н. Ю. Хаманева, в силу особого положения участников спорного правоотношения обязательным участником административно-правового спора будут наделенные властными полномочиями орган исполнительной власти, орган местного самоуправления и их структурные подразделения, а также должностные лица⁹.

¹ *Виноградова Е. В., Михайлова Е. В.* Эволюция отечественной модели судебной власти: дифференциация или унификация судебного процесса // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2020. Т. 15. № 6. С. 77.

² См., например: постановления ФАС Западно-Сибирского округа от 9 июня 2014 г. по делу № А27-6991/2012; Арбитражного суда Дальневосточного округа от 30 ноября 2016 г. № Ф03-5143/2016 по делу № А51-116/2016; Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 11 июля 2018 г. по делу № А60-63449/2017.

³ *Мухонин Ю. М.* Проблема выбора процессуальной формы при обжаловании решений, действий (бездействия) саморегулируемых организаций // Законы России: опыт, анализ, практика. 2019. № 1. С. 60–64. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁴ *Кузнецова О. А.* Указ. соч. С. 44.

⁵ *Винницкий А. В.* Перспективы легитимации госкорпораций в качестве юридических лиц публичного права // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Сер. 14. Право. 2011. № 2. С. 24.

⁶ *Яковлев В. Ф.* Избранные труды. М.: Статут, 2012. Т. 2. Гражданское право. История и современность. Кн. 1. С. 748.

⁷ *Кузнецова О. А.* Указ. соч. С. 45, 48.

⁸ Там же. С. 50.

⁹ *Хаманева Н. Ю.* Указ. соч. С. 39–40.

Вместе с тем участником административно-правового спора может быть гражданин, права, свободы и законные интересы которого были нарушены вследствие неправомерных действий публичной администрации. Кроме того, участником спора может быть другое физическое лицо, юридическое лицо либо иной субъект, если он считает, что административный акт ущемляет какое-либо его право либо личный интерес¹. С учетом этого частное лицо выступает в роли инициатора административно-правового спора, наделенного правом предъявления определенных юридических требований к органу исполнительной власти. Тем самым достигается индивидуализация участников административного правового спора.

Присутствие в качестве одной из сторон спорного правоотношения органа исполнительной власти, т. е. наделенного властными полномочиями органа государственного управления или его должностного лица, свидетельствует об административном характере возникшего правового спора². Вместе с тем данный спор о праве может не носить сугубо административно-правового характера, в частности при совершении административных действий, влекущих за собой не только административные, но и иные, в том числе гражданско-правовые, последствия³. Полагаем, что в данном случае спор носит смешанный характер, сочетая в себе в себе признаки административно-правовых и гражданско-правовых отношений.

О наличии признаков гражданского правоотношения (в том числе равенства субъектов) следует говорить применительно к участникам административно-правового спора – сторонам административно-правовых отношений процессуально-управленческого характера. По мнению Ю. М. Козлова, указанные отношения могут быть горизонтальными, поскольку управляющее воздействие субъекта, наделенного властными полномочиями, отсутствует. В связи с этим ученый допускает возможность равенства участников административного спора⁴. П. И. Кононов подчеркивает, что фактическое равенство участников административного спора имеет место при условии его разрешения третьей стороной, однако с точки зрения властной природы административных правоотношений итоговое решение по результатам разрешения спора имеет обязательное значение для управляемого субъекта, поскольку возникает юридическая властность, предполагающая неравноправный характер административного правоотношения⁵. При этом юридическая властность проявляется в том, что уполномоченный орган принимает решение в одностороннем порядке, т. е. по своему усмотрению⁶. Следовательно, в основе горизонтальных правоотношений сторон административно-правового спора полномочным органом выносится итоговое решение делу, которое приобретает обязательный для другой стороны характер по типу отношений «власть-подчинение».

К признакам, характеризующим административно-правовой спор, следует отнести особый порядок его возникновения и разрешения, а также специфические средства и способы защиты, применяемые сторонами спора. Административно-правовой спор может быть инициирован по воле как управляющей, так и управляемой стороны. С одной стороны, уполномоченный орган публичной власти или его должностное лицо либо органы прокуратуры могут инициировать спор о праве. В последнем случае спор о праве возникает при опротестовании решений органов публичной администрации, действий (бездействия) их должностных лиц. С другой стороны, гражданин или иное лицо, считающее, что его права и законные интересы были нарушены вследствие издания административного акта, вправе обратиться с жалобой в соответствующее ведомство. Таким образом, инициатива возникает со стороны участника административно-правового спора, не имеющего государственно-властных полномочий.

Сущностным признаком административно-правового спора также является применение информационных технологий, опосредующих процессуальные и внепро-

¹ Попович С. Указ. соч. С. 504.

² См.: Хаманева Н. Ю. Указ. соч. С. 50.

³ Чечот Д. М. Неисковные производства. М.: Юрид. лит., 1973. С. 10.

⁴ Козлов Ю. М. Административные правоотношения. М.: Юрид. лит., 1976. С. 100–104.

⁵ Кононов П. И. Очерки общей теории современного административного права: моногр. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2021. С. 183.

⁶ См.: Козлов Ю. М. Указ. соч. С. 100–104.

цессуальные действия его участников. Как справедливо отмечают Е. Г. Стрельцова, А. В. Чайкина, сегодня «происходит трансформация традиционной модели разрешения споров, основанной на личном непосредственном взаимодействии суда и сторон». Информационные технологии, выступая в качестве «посредника», применяются в досудебном (внесудебном) урегулировании спора за счет «предоставления возможности проведения дистанционных переговоров и прогнозирования для сторон исхода дела», а также в судебной деятельности¹. Следовательно, можно констатировать необходимость законодательного урегулирования вопросов применения информационных технологий при разрешении административно-правовых споров, поскольку они не отражены в законодательстве об обращениях граждан. Напротив, соответствующие положения предусмотрены, например, для разрешения споров, связанных с нарушением авторских и смежных прав в информационно-телекоммуникационной сети Интернет².

Таким образом, можно выделить следующие отличительные признаки административно-правового спора. Административно-правовой спор возникает в сфере публичных отношений в процессе осуществления функций государственного управления. Одним из участников данного спора является орган публичной власти или его должностное лицо, организации, учреждения и лица, наделенные государственно-властными полномочиями. Особый порядок возникновения и разрешения спора, а также средства и способы защиты, применяемые участниками спорного правоотношения, в том числе информационные системы и цифровые технологии, определяют специфику административно-правового спора.

Виды споров, разрешаемых в порядке внесудебного (административного) производства

Многообразие видов административно-правовых споров позволяет классифицировать их по различным основаниям. Одним из первых, кто определил виды административно-правовых споров на современном этапе развития отечественной юриспруденции, является В. А. Юсупов, который дифференцировал их на четыре вида, включая споры, возникающие из решений по административным делам, в процессе деятельности, которая носит оперативный характер, по вопросам государственной службы, и споры, которые возникают в ходе заключения, изменения или исполнения административного договора³. Представляется, что предложенная автором классификация позволяет в целом охватить споры, разрешаемые во внесудебном порядке. Однако такой комплексный подход не учитывает те категории правовых споров, которые складываются в рамках административного судопроизводства. Отсюда вполне закономерен подход к классификации административно-правовых споров, основанный на следующих критериях: состав спорящих сторон, характер спорных правоотношений и связи между субъектами спора⁴. На наш взгляд, административные споры в зависимости от их процессуальной формы можно также подразделять на споры, для которых предусмотрен обязательный досудебный порядок, и споры, урегулирование которых возможно как в досудебном (административном), так и в судебном производстве.

Применение указанных критериев позволяет разграничивать и систематизировать административно-правовые споры по трем группам: 1) споры физических лиц и организаций с государственными органами, органами местного самоуправления и иными органами, которые наделены государственно-властными полномочиями⁵;

¹ Цифровые технологии в гражданском и административном судопроизводстве: практика, аналитика, перспективы / под ред. Е. Г. Стрельцовой. М.: Инфотропик Медиа, 2022. 336 с. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (авторы главы – Е. Г. Стрельцова, А. В. Чайкина).

² Федеральным законом от 24 ноября 2014 г. № 364-ФЗ в Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» введена ст. 15.7, регулирующая вопросы применения внесудебных мер по прекращению нарушения авторских и смежных прав в информационно-телекоммуникационной сети Интернет.

³ Юсупов В. А. Применительная деятельность органов государственного управления. М.: Юрид. лит., 1979. С. 88.

⁴ См.: Лупарев Е. Б. Указ. соч. С. 15.

⁵ Важно заметить, что субъектный состав участников данной группы споров не включает в себя учреждения судебной юстиции, что, безусловно, было обозначено автором в рамках административно-процессуальных споров.

2) внутрисистемные споры, возникающие в связи с участием в них органов, наделенных государственно-властными полномочиями; 3) административно-процессуальные споры, возникающие в связи с обжалованием актов судов и мировых судей о наложении взысканий административного характера и связанные с оспариванием процессуальных действий должностных лиц государственных органов. На наш взгляд, отнесение последних из числа указанных категорий споров к административно-правовым спорам, основываясь лишь на процессуальном подходе, неправильно¹. В связи с этим следует разграничивать административные споры, разрешаемые в ходе административного (внесудебного) производства и судебного порядка. Похожей точки зрения придерживаются А. И. Стахов и С. А. Порываев, акцентируя внимание на конституционном принципе разделения компетенции органов публичной власти по разрешению споров².

Рассматривая категорию административного спора через призму интегративной теории административного права и процесса³, ученые выделяют судебные и внесудебные административные споры, которые возникают в рамках административно-защитного (судо-)производства, урегулированного разнообразными федеральными законами, в том числе кодифицированными⁴. Несистематизированность норм, регулирующих административные правоотношения, которые возникают в связи с реализацией административно-правового института досудебного обжалования, подчеркивают необходимость формулировки нормативно установленных законоположений, разграничивающих категории административных споров.

В свою очередь, внесудебные административные споры могут быть классифицированы по различным основаниям, в том числе по характеру связи административного спора с деятельностью публичной администрации (административно-публичные, административно-организационные и иные внесудебные административные споры), процессуальному порядку применения механизма административно-правового принуждения (административно-деликтные и споры, вытекающие из иных административных и административно-процессуальных правоотношений)⁵. Полагаем, что последние должны соответствовать формулировке, используемой в процессуальном законодательстве, поскольку процессуальная форма защиты публичных прав является универсальной и применяется для дел, возникающих из административных и иных публичных правоотношений⁶.

Очевидно, что в субъектном составе участников административно-правового спора орган публичной власти или его должностное лицо занимает одно из центральных мест. Однако степень их участия в разрешении спора зависит от многих факторов, в том числе предмета спора, процессуальной формы его разрешения, компетенции уполномоченного субъекта и т. д. Так, по характеру компетенции публичной администрации А. И. Стахов и С. А. Порываев разграничивают административно-инстанционные и административно-арбитражные внесудебные споры. Представляется, что административно-арбитражные споры уместно именовать квазисудебными административными спорами, поскольку разрешение споров, возникающих в сфере защиты

¹ В отечественной юриспруденции понимание административно-правового спора детерминировано формальным (В. В. Скитович) и материальным (Д. М. Чечот) подходами, которые имеют свои теоретические основания и большое практическое значение. См.: Скитович В. В. Проблемы административной юстиции как формы реализации судебной власти: дис. ... д-ра юрид. наук. Гродно, 1999. С. 118–119; Чечот Д. М. Указ. соч. С. 22. По мнению А. Б. Зеленцова, при построении теоретической конструкции административно-правового спора должны использоваться содержательный либо материально-правовой критерии. См.: Зеленцов А. Б. Административно-правовой спор: вопросы теории. С. 102.

² См.: Стахов А. И., Порываев С. А. Указ. соч. С. 265.

³ На основе комплексного анализа административного законодательства, которым урегулирована деятельность органов публичной власти, А. И. Стахов выделяет совокупность взаимосвязанных видов административного процесса, включая административный санкционирующий, административный принудительный, административный спорный процессы (Стахов А. И. Интегративная теория административного процесса – единственно верная основа построения модели административного процесса // Сибирское юридическое обозрение. 2021. № 3. С. 319).

⁴ См.: Стахов А. И., Порываев С. А. Указ. соч. С. 265–266.

⁵ См.: Там же. С. 268–270.

⁶ Ломаченко Е. В. Особенности административной процессуальной формы защиты публичных прав // Образование и право. 2022. № 11. С. 103.

конкуренции, патентного регулирования и тарифного регулирования, осуществляется в квазисудебном порядке, приближенном к «орбите судебного административного права»¹.

Применительно к «субъектным» административным спорам в научной литературе выделяются споры с участием частных лиц и управленческие споры², в рамках которых особое внимание следует обратить на компетенционные споры, возникающие между различными звеньями органов публичной власти³. При этом в предложенной Е. Б. Лупаревым классификации автором рассматриваются не компетенционные, а внутрисистемные споры, где споры о компетенции выделены в отдельную группу внутрисистемных споров⁴. Представляется, что избранный А. Б. Зеленцовым подход к структурированию управленческих споров является более точным, поскольку предусматривает в качестве частных случаев компетенционных споров позитивные и негативные компетенционные споры, варьируемые в зависимости от наличия у административного органа властных полномочий разрешить конкретный вопрос.

Особое внимание в структуре классификации административно-правовых споров большинство современных исследований уделяют административно-процессуальным спорам, возникающим в рамках административного судопроизводства⁵. По нашему мнению, административно-процессуальные споры не следует рассматривать в качестве разновидности административно-правовых споров. Несмотря на то что имеется прямая взаимосвязь административно-процессуальных споров с административным судопроизводством, многими исследователями данная разновидность споров была отнесена к разряду административно-правовых. Полагаем, что указанную позицию можно признать обоснованной лишь отчасти, поскольку соответствующие споры могут рассматриваться не только административными органами в рамках юрисдикционного производства. Более того, основанием для возникновения административно-процессуального спора является реализация прав либо неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанностей, предусмотренных процессуальным законодательством. В связи с этим административно-процессуальные споры следует выделить в отдельную категорию правовых споров, наряду с административно-правовыми спорами.

Заключение

Административный спор как правовая категория является комплексным понятием, включающим в себя множество элементов, в том числе предмет, основание спора, участников спорного правоотношения, а также специфические средства и способы защиты, применяемые для разрешения спора. С точки зрения понятия административно-правового спора проведенный анализ научной литературы позволяет сделать вывод, что формулировка его дефиниции неизбежно вызывает методологическую проблему, связанную с необходимостью определения соотношения категорий «спор», «разногласие» и «юридический (правовой) конфликт». Основываясь на представленных в практике законотворческой деятельности примерах, а также различных подходах исследователей, понятие административно-правового спора, на наш взгляд, следует определять через категорию разногласия. Вместе с тем соответствующая дефиниция может быть построена и без необходимости обращения к данной категории.

¹ См.: Зеленцов А. Б., Ястребов О. А. Указ. соч. С. 85.

² См.: Зеленцов А. Б. Административно-правовой спор: вопросы теории. С. 189–197. В качестве отдельной разновидности управленческих споров Ю. Н. Стариков рассматривает служебные споры, связанные с отношениями государственной и муниципальной службы, начиная от процедуры поступления на государственную службу, ее прохождения и заканчивая процедурой увольнения с государственной службы. См.: Стариков Ю. Н. Общее административное право: учеб.: в 2 ч. 2-е изд., пересмотр. и доп. Воронеж: Изд. дом ВГУ, 2016. С. 146.

³ Сразу оговоримся, что под компетенционными спорами, вслед за Е. Б. Лупаревым, понимаем споры, возникающие между органами, которые находятся на одном или нескольких уровнях управления (например, федеральные и региональные органы исполнительной власти, органы местного самоуправления).

⁴ См.: Лупарев Е. Б. Указ. соч. С. 109–110.

⁵ См.: Сухарева Н. В. Административно-правовые споры в сфере экономики // Право и экономика. 2001. № 4. С. 56; Зеленцов А. Б. Административно-правовой спор: вопросы теории. С. 195–199.

С учетом текущего уровня социально-экономического развития и нормотворчества как основы для формирования концепции юридических лиц публичного права, по нашему мнению, законодатель уделяет недостаточное внимание вопросам урегулирования административных споров с участием организаций публичного права, в том числе государственных корпораций, саморегулируемых организаций с обязательным участием и др. Проведенный анализ подзаконных актов одной из ведущих государственных корпораций России свидетельствует о необходимости унификации, приведения в соответствие друг с другом административных регламентов, устанавливающих досудебный (внесудебный) порядок обжалования решений и действий (бездействия) государственной корпорации, а также ее должностных лиц.

В современных условиях внесудебный порядок урегулирования административно-правовых споров, как представляется, требует адаптации к правоотношениям в информационной сфере. Технологическое развитие и распространение информационных технологий в досудебном обжаловании становятся причиной усложнения общественных отношений, возникающих в связи с обжалованием решений органов публичной власти, действий (бездействия) их должностных лиц. Сказанное обуславливает необходимость модернизации существующей концепции административно-правового спора в соответствии с новыми запросами информационного общества и современными стандартами в сфере правового регулирования цифровой трансформации.

Анализ приведенных классификаций административно-правовых споров позволяет констатировать, что большинство ученых, рассматривавших данную проблематику, руководствуются субъектно-объектным подходом к разграничению основных видов споров. Наиболее распространенными основаниями являются критерии разграничения административно-правовых споров по субъектам, иерархической соподчиненности и подведомственности дел. Необходимость отнесения к ним административно-процессуальных споров, по нашему мнению, отсутствует, поскольку законодательством об административном судопроизводстве были определены соответствующие категории административных дел. Принимая во внимание другие подходы к классификации административно-правовых споров, важно подчеркнуть необходимость и целесообразность использования «предметного» и отраслевого критериев. Ввиду наличия специального административно-правового регулирования общественных отношений, возникающих при реализации общей и специальных процедур обжалования, полагаем, что административно-правовые споры могут быть разделены на споры, разрешаемые в рамках общей и специальных процедур административного обжалования. Таким образом, в основе предлагаемой концепции разграничения административных споров выступают следующие критерии: предмет и основание спора, наличие либо отсутствие общей или специальной процедуры обжалования, а также отраслевая принадлежность спора.

Список литературы

Административное судопроизводство: учеб. / отв. ред. В. В. Ярков. 2-е изд., испр. и доп. М.: Статут, 2021. 662 с.

Алехин А. П., Кармолицкий А. А., Козлов Ю. М. Административное право Российской Федерации: учеб. 2-е изд., испр. и доп. М.: Зерцало, 1998. 671 с.

Винницкий А. В. Перспективы легитимации госкорпораций в качестве юридических лиц публичного права // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Сер. 14. Право. 2011. № 2. С. 18–28.

Винницкий А. В. Публичная собственность. М.: Статут, 2013. 730 с.

Виноградова Е. В., Михайлова Е. В. Эволюция отечественной модели судебной власти: дифференциация или унификация судебного процесса // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2020. Т. 15. № 6. С. 77–93.

Загряцков М. Д. Право жалобы // Вопросы правоведения. 2012. № 1. С. 212–258.

Зайцев И. М. Сущность хозяйственных споров. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1974. 157 с.

Зеленцов А. Б. Административно-правовой спор: вопросы теории: моногр. М.: Изд-во РУДН, 2005. 732 с.

Зеленцов А. Б. Теоретические основы правового спора: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2005. 435 с.

Зеленцов А. Б., Ястребов О. А. Судебное административное право: учеб. М.: Статут, 2017. 768 с.

- Кипер Н. Г. Административно-правовой спор (теоретические проблемы) // Юридический мир. 2007. № 12. С. 59–61.
- Козлов Ю. М. Административные правоотношения. М.: Юрид. лит., 1976. 184 с.
- Кононов П. И. Очерки общей теории современного административного права: моногр. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2021. 239 с.
- Коробченко В. В., Сафонов В. А. Правовая природа служебных споров в сфере гражданской службы // Lex Russica. 2016. № 10. С. 192–201.
- Кузнецова О. А. Административный порядок защиты гражданских прав // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2017. № 1. С. 42–58.
- Ломаченко Е. В. Особенности административной процессуальной формы защиты публичных прав // Образование и право. 2022. № 11. С. 102–107.
- Лупарев Е. Б. Административно-правовые споры: дис. ... д-ра юрид. наук. Воронеж, 2003. 482 с.
- Морейн И. Б. К вопросу о понятии трудового спора // Правоведение. 1966. № 4. С. 85–93.
- Мухонин Ю. М. Проблема выбора процессуальной формы при обжаловании решений, действий (бездействия) саморегулируемых организаций // Законы России: опыт, анализ, практика. 2019. № 1. С. 60–64.
- Панова И. В. Развитие административного судопроизводства и административной юстиции в России // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2016. № 4. С. 54–69.
- Петухов А. П. Административный процесс в юрисдикционной деятельности органов советского государственного управления: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Л., 1982. 21 с.
- Попович С. Административное право. Общая часть / под ред., вступ. ст. Ц. А. Ямпольской; пер. с сербохорватского Ю. С. Гиренко. М.: Прогресс, 1968. 542 с.
- Сазонов В. Е. Разрешение таможенных споров в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. 28 с.
- Салищева Н. Г. Избранное. М.: РАП, 2011. 568 с.
- Скитович В. В. Проблемы административной юстиции как формы реализации судебной власти: дис. ... д-ра юрид. наук. Гродно, 1999. 335 с.
- Соловьев М. С. Специальная административная жалоба в сфере публичных закупок: о формировании нового квазисудебного процесса // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2018. № 4. С. 104–119.
- Старилов Ю. Н. Административная юстиция: конец XIX – начало XX века: Хрестоматия. Ч. 2. Воронеж: Изд-во Воронежского гос. ун-та, 2004. 368 с.
- Старилов Ю. Н. Административная юстиция: Проблемы теории. Воронеж: Изд-во Воронежского гос. ун-та, 1998. 197 с.
- Старилов Ю. Н. Административная юстиция: Теория, история, перспективы. М.: Норма, 2001. 292 с.
- Старилов Ю. Н. Общее административное право: учеб.: в 2 ч. 2-е изд., пересмотр. и доп. Воронеж: Изд. дом Воронежского гос. ун-та, 2016. 760 с.
- Стахов А. И. Дела об административных правонарушениях как индифферентная категория юридических дел, разрешаемых в ходе административного процесса // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права (Сорокинские чтения): сб. ст. по материалам междунар. науч.-практ. конф., посвященной памяти д-ра юрид. наук, проф., заслуженного деятеля науки Российской Федерации, заслуженного юриста Российской Федерации Аврутина Юрия Ефремовича в связи с 75-летием со дня рождения, Санкт-Петербург, 25 марта 2022 года. СПб.: Санкт-Петербургский ун-т Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2022. С. 239–247.
- Стахов А. И. Интегративная теория административного процесса – единственно верная основа построения модели административного процесса // Сибирское юридическое обозрение. 2021. № 3. С. 313–327.
- Стахов А. И. Понятие и общая характеристика системы судебного административного процесса в Российской Федерации // Российское правосудие. 2023. № 3. С. 59–71.
- Стахов А. И. Юридические дела, разрешаемые судами в ходе административного процесса // Правовая политика и правовая жизнь. 2022. № 2. С. 95–102.
- Стахов А. И., Порываев С. А. Административные споры как неотъемлемый элемент современной правовой системы Российской Федерации // Правоприменение. 2022. № 4. С. 261–276.
- Сухарева Н. В. Административно-правовые споры в сфере экономики // Право и экономика. 2001. № 4. С. 55–63.
- Сухарева Н. В. Рассмотрение административно-правовых споров арбитражными судами: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999. 181 с.
- Талапина Э. В. Публичное право и экономика: курс лекций. М.: Волтерс Клувер, 2011. 500 с.
- Усков О. Ю. Юридические лица публичного права: понятие и виды // Журнал российского права. 2010. № 6. С. 101–111.

Хабриева Т. Я. Современные подходы к классификации юридических лиц. К 90-летию В. Е. Чиркина // Журнал российского права. 2014. № 10. С. 5–16.

Хаманева Н. Ю. Административно-правовой спор как разновидность юридического конфликта // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2009. № 3. С. 36–59.

Цифровые технологии в гражданском и административном судопроизводстве: практика, аналитика, перспективы / под ред. Е. Г. Стрельцовой. М.: Инфотропик Медиа, 2022. 336 с.

Чечот Д. М. Неисковые производства. М.: Юрид. лит., 1973. 164 с.

Чиркин В. Е. О понятии и классификации юридических лиц публичного права // Журнал российского права. 2010. № 6. С. 87–101.

Юсупов В. А. Применительная деятельность органов государственного управления. М.: Юрид. лит., 1979. 136 с.

Яковлев В. Ф. Избранные труды. М.: Статут, 2012. Т. 2. Гражданское право. История и современность. Кн. 1. 974 с.

References

Alekhin A. P., Karmolitskii A. A., Kozlov Yu. M. (1998) *Administrativnoe pravo Rossiiskoi Federatsii* [Administrative law of the Russian Federation]. 2nd ed. Moscow, Zertsalo, 671 p.

Chechot D. M. (1973) *Neiskovye proizvodstva* [Non-contact proceedings]. Moscow, Yuridicheskaya literatura, 164 p.

Chirkin V. E. (2010) O ponyatii i klassifikatsii yuridicheskikh lits publichnogo prava [On the concept and classification of legal entities of public law]. In *Zhurnal rossiiskogo prava*, no. 6, pp. 87–101.

Khabrieva T. Ya. (2014) Sovremennye podkhody k klassifikatsii yuridicheskikh lits. K 90-letnemu yubileyu V. E. Chirkina [Modern approaches to the classification of legal entities. To the 90th anniversary of V. E. Chirkin]. In *Zhurnal rossiiskogo prava*, no. 10, pp. 5–16.

Khamaneva N. Yu. (2009) Administrativno-pravovoi spor kak raznovidnost' yuridicheskogo konflikta [Administrative-legal dispute as a kind of legal conflict]. In *Trudy Instituta gosudarstva i prava Rossijskoj akademii nauk*, no. 3, pp. 36–59.

Kiper N. G. (2007) Administrativno-pravovoi spor (teoreticheskie problemy) [Administrative-legal dispute (theoretical problems)]. In *Yuridicheskii mir*, no. 12, pp. 59–61.

Kononov P. I. (2021) *Ocherki obshchei teorii sovremennogo administrativnogo prava* [Essays on the general theory of modern administrative law]. Moscow, YuNITI-DANA, 239 p.

Korobchenko V. V., Safonov V. A. (2016) Pravovaya priroda sluzhebnykh sporov v sfere grazhdanskoi sluzhby [The legal nature of service disputes in the field of civil service]. In *Lex russica*, no. 10, pp. 192–201.

Kozlov Yu. M. (1976) *Administrativnye pravootnosheniya* [Administrative legal relations]. Moscow, Yuridicheskaya literatura, 184 p.

Kuznetsova O. A. (2017) Administrativnyi poryadok zashchity grazhdanskikh prav [Administrative procedure for the protection of civil rights]. In *Pravo. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki*, no. 1, pp. 42–58.

Lomachenko E. V. (2022) Osobennosti administrativnoi protsessual'noi formy zashchity publichnykh prav [Features of the administrative procedural form of protection of public rights]. In *Obrazovanie i pravo*, no. 11, pp. 102–107.

Luparev E. B. (2003) *Administrativno-pravovye spory: dis. ... d-ra yurid. nauk* [Administrative and legal disputes: a doctor of legal sciences thesis]. Voronezh, 482 pp.

Morein I. B. (1966) K voprosu o ponyatii trudovogo spora [On the issue of the concept of a labor dispute]. In *Pravovedenie*, no. 4, pp. 85–93.

Mukhonin Yu. M. (2019) Problema vybora protsessual'noi formy pri obzhalovanii reshenii, deistvii (bezdeistviya) samoreguliruemyykh organizatsii [The problem of choosing the procedural form when appealing decisions, actions (inaction) of self-regulating organizations]. In *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika*, no. 1, pp. 60–64.

Panova I. V. (2016) Razvitie administrativnogo sudoproizvodstva i administrativnoi yustitsii v Rossii [Development of administrative legal proceedings and administrative justice in Russia]. In *Pravo. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki*, no. 4, pp. 54–69.

Petukhov A. P. (1982) *Administrativnyi protsess v yuridiksionnoi deyatel'nosti organov sovetskogo gosudarstvennogo upravleniya: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [The administrative process in the jurisdictional activity of the bodies of Soviet state administration: an abstract of a candidate of legal sciences thesis]. Leningrad, 21 p.

Popovich S. (1968) *Administrativnoe pravo. Obshchaya chast'* [Administrative law. The general part], ed. by Yampol'skaya Ts. A., transl. from Serbo-Croatian by Girenko Yu. S. Moscow, Progress, 542 p.

Salishcheva N. G. (2011) *Izbrannoe* [Selected works]. Moscow, RAP, 568 p.

Sazonov V. E. (2005) *Razreshenie tamozhennykh sporov v Rossiiskoi Federatsii: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Resolution of customs disputes in the Russian Federation: an abstract of a candidate of legal sciences thesis]. Moscow, 28 p.

Skitovich V. V. (1999) *Problemy administrativnoi yustitsii kak formy realizatsii sudebnoi vlasti: dis. ... d-ra yurid. nauk* [Problems of administrative justice as a form of implementation of judicial power: a doctor of legal sciences thesis]. Grodno, 335 p.

Solov'ev M. S. (2018) Spetsial'naya administrativnaya zhaloba v sfere publichnykh zakupok: o formirovaniy novogo kvazisudebnogo protsesssa [Special administrative complaint in the field of public procurement: on the formation of a new quasi-judicial process]. In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnaluu»*, no. 4, pp. 104–119.

Stahov A. I. (2021) Integrativnaya teoriya administrativnogo protsesssa – edinstvenno vernaya osnova postroeniya modeli administrativnogo protsesssa [The integrative theory of the administrative process is the only true basis for building a model of the administrative process]. In *Sibirskoe yuridicheskoe obozrenie*, no. 3, pp. 313–327.

Stahov A. I. (2022) Dela ob administrativnykh pravonarusheniyakh kak indifferentnaya kategoriya yuridicheskikh del, razreshaemykh v khode administrativnogo protsesssa [Cases on administrative offenses as an indifferent category of legal cases resolved in the course of the administrative process]. In *Aktual'nye problemy administrativnogo i administrativno-protsessual'nogo prava (Sorokinskiye chteniya): sbornik statei po materialam mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi pamyati doktora yuridicheskikh nauk, professora, zasluzhennogo deyatelya nauki Rossiiskoi Federatsii, zasluzhennogo yurista Rossiiskoi Federatsii Avrutina Yuriya Efremovicha v svyazi s 75-letiem so dnya rozhdeniya, Sankt-Peterburg, 25 marta 2022 goda*. Saint-Petersburg, Sankt-Peterburgskii universitet Ministerstva vnutrennikh del Rossiiskoi Federatsii, pp. 239–247.

Stahov A. I. (2022) Yuridicheskie dela, razreshaemye sudami v khode administrativnogo protsesssa [Legal cases resolved by the courts in the course of the administrative process]. In *Pravovaya politika i pravovaya zhizn'*, no. 2, pp. 95–102.

Stahov A. I. (2023) Ponyatie i obshchaya kharakteristika sistemy sudebnogo administrativnogo protsesssa v Rossiiskoi Federatsii [The concept and general characteristics of the system of judicial administrative process in the Russian Federation]. In *Rossiiskoe pravosudie*, no. 3, pp. 59–71.

Stahov A. I., Poryvaev S. A. (2022) Administrativnye spory kak neot'emlemyi element sovremennoi pravovoi sistemy Rossiiskoi Federatsii [Administrative disputes as an integral element of the modern legal system of the Russian Federation]. In *Pravoprimerenie*, vol. 6, no. 4, pp. 261–276.

Stakhov A. I., Poryvaev S. A. (2022) Administrativnye spory kak neot'emlemyi element sovremennoi pravovoi sistemy Rossiiskoi Federatsii [Administrative disputes as an integral element of the modern legal system of the Russian Federation]. In *Pravoprimerenie*, no. 4, pp. 261–276.

Starilov Yu. N. (1998) *Administrativnaya yustitsiya: problemy teorii* [Administrative justice: problems of theory]. Voronezh, Izdatel'stvo Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta, 197 p.

Starilov Yu. N. (2001) *Administrativnaya yustitsiya: teoriya, istoriya, perspektivy* [Administrative justice: theory, history, prospects]. Moscow, NORMA, 292 p.

Starilov Yu. N. (2004) *Administrativnaya yustitsiya: konets XIX – XX veka: Khrestomatiya* [Administrative justice: The end of the XIX – beginning of XX century: chrestomathy]. Part 2, Voronezh, Izdatel'stvo Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. 368 p.

Starilov Yu. N. (2016) *Obshchee administrativnoe pravo: in 2 parts, 2nd ed.* [General administrative law: in 2 parts, 2nd ed.]. Voronezh, Izdatel'skii dom Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta, 760 p.

Strel'tsovoi E. G. (Ed.) (2022) *Tsifrovyye tekhnologii v grazhdanskom i administrativnom sudoproizvodstve: praktika, analitika, perspektivy* [Digital technologies in civil and administrative proceedings: practice, analytics, prospects]. Moscow, Infotropik Media, 336 p.

Sukhareva N. V. (1999) *Rassmotrenie administrativno-pravovykh sporov arbitrazhnymi sudami: dis. ... kand. yurid. nauk* [Consideration of administrative and legal disputes by arbitration courts: a doctor of legal sciences thesis]. Moscow, 181 p.

Sukhareva N. V. (2001) *Administrativno-pravovyye spory v sfere ekonomiki* [Administrative and legal disputes in the field of economics]. In *Pravo i ekonomika*, no. 4, pp. 55–63.

Talapina E. V. (2011) *Publichnoe pravo i ekonomika: kurs lektsii* [Public law and Economics: a course of lectures]. Moscow, Volters Kluver, 500 p.

Uskov O. Yu. Yuridicheskie litsa publichnogo prava: ponyatie i vidy [Legal entities of public law: concept and types]. In *Zhurnal rossiiskogo prava*, no. 6, pp. 101–111.

Vinnitskii A. V. (2011) Perspektivy legitimatsii goskorporatsii v kachestve yuridicheskikh lits publichnogo prava [Prospects of legitimation of state corporations as legal entities of public law]. In *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta, Ser. 14. Pravo*, no. 2. pp. 18–28.

Vinnitskii A. V. (2013) *Publichnaya sobstvennost'* [Public property]. Moscow, Statut, 730 p.

Vinogradova E. V., Mikhailova E. V. (2020) Evolyutsiya otechestvennoi modeli sudebnoi vlasti: differentsiatsiya ili unifikatsiya sudebnogo protsesssa [Evolution of the domestic model of judicial power: differentiation or unification of the judicial process]. In *Trudy Instituta gosudarstva i prava Rossiiskoi akademii nauk*, vol. 15, no 6. pp. 77–93.

Yakovlev V. F. (2012) *Izbrannye Trudy. Vol. 2, book 1: Grazhdanskoe pravo: istoriya i sovremennost'* [Selected works. Vol. 2, Book 1: Civil Law: History and modernity]. Moscow, Statut, 974 p.

Yarkov V. V. (Ed.) (2021) *Administrativnoe sudoproizvodstvo* [Administrative proceedings]. 2nd ed. Moscow, Statut, 662 p.

Yusupov V. A. (1979) *Primenitel'naya deyatel'nost' organov gosudarstvennogo upravleniya* [Application activities of public administration bodies]. Moscow, Yuridicheskaya literatura, 136 p.

Zagryatskov M. D. (2012) Pravo zhaloby [Right of complaint]. In *Voprosy pravovedeniya*, no. 1, pp. 212–258.

Zaitsev I. M. (1974) *Sushchnost' khozyaistvennykh sporov* [The essence of economic disputes]. Saratov, Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta, 157 p.

Zelencov A. B. (2005) *Administrativno-pravovoi spor: voprosy teorii* [Administrative and legal dispute: theory issues]. Moscow, Izdatel'stvo Rossiiskogo universiteta druzhby narodov, 732 p.

Zelencov A. B. (2005) *Teoreticheskie osnovy pravovogo spora: dis. ... d-ra yurid. nauk* [Theoretical foundations of the legal dispute: a doctor of legal sciences thesis]. Moscow, 435 p.

Zelentsov A. B., Yastrebov O. A. (2017) *Sudebnoe administrativnoe pravo* [Judicial administrative law]. Moscow, Statut, 768 p.

ЗАЧЕТ НЕСТРАХОВЫХ ПЕРИОДОВ, ИМЕВШИХ МЕСТО ЗА ГРАНИЦЕЙ, В СТРАХОВОЙ СТАЖ ДЛЯ НАЗНАЧЕНИЯ СТРАХОВОЙ ПЕНСИИ

Курченко Олег Сергеевич

Доцент кафедры трудового и социального права Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского (Омск), кандидат юридических наук, ORCID: 0009-0001-9312-8614, e-mail: olegpost2001@mail.ru.

Рассматривается вопрос о возможности зачета в страховой стаж нестраховых периодов, перечисленных в ч. 1 ст. 12 Федерального закона «О страховых пенсиях», если таковые имели место за пределами территории Российской Федерации. Проанализированы соответствующие правовые нормы отечественного пенсионного законодательства и сформированные в правоприменительной практике органов Социального фонда России и судов общей юрисдикции подходы к их толкованию. Сделан вывод о том, что в отношении большинства нестраховых периодов предполагается их «привязка» не к территории государства, а к российскому законодательству как основанию возникновения правоотношения. Такая связь может быть прямо выраженной в правовых нормах или выводимой из взаимосогласованных положений законодательства. Тем самым допускается возможность существования отдельных нестраховых периодов в иностранном государстве (например, периода прохождения военной службы, если воинская часть дислоцирована за пределами территории РФ). Применительно к отдельным нестраховым периодам (периоду ухода одного из родителей за ребенком в возрасте до полутора лет и ухода трудоспособного лица за ребенком-инвалидом) поставлена под сомнение обоснованность предложенного страховщиком подхода, исключающего возможность их зачета в страховой стаж, если уход осуществлялся на территории иностранного государства.

Ключевые слова: нестраховые периоды, страховой стаж, территория иностранного государства, пенсионное законодательство России, подтверждение страхового стажа

Для цитирования: Курченко О. С. Зачет нестраховых периодов, имевших место за границей, в страховой стаж для назначения страховой пенсии // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2023. № 6. С. 58–67. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2023_6_58.

INCLUSION OF NON-INSURED PERIODS, THAT HAVE OCCURRED ABROAD, IN INSURANCE EXPERIENCE TO ASSIGN AN INSURANCE PENSION

Kurchenko Oleg

Associate professor, Dostoevsky Omsk State University (Omsk), candidate of legal sciences, ORCID: 0009-0001-9312-8614, e-mail: olegpost2001@mail.ru.

The issue of the possibility of crediting non-insurance periods listed in p. 1 of Art. 12 of the Federal Law «On Insurance Pensions» to the insurance experience, if they took place outside the territory of the Russian Federation, is considered. The relevant legal norms of the Russian pension legislation and approaches to their interpretation formed in the law enforcement practice of the bodies of the Social Fund of Russia and courts of general jurisdiction are analyzed. The author concludes that in relation to most non-insurance periods, they are supposed to be «linked» not to the territory of the Russian state, but to Russian legislation as the basis for the emergence of a legal relationship. Such a connection may be directly expressed in legal norms or deduced from mutually agreed provisions of legislation. This allows for the possibility of separate

non-insurance periods in a foreign country (for example, the period of military service if a military unit is stationed outside the territory of the Russian Federation). With regard to certain non-insurance periods (the period of care of one of the parents for a child under the age of one and a half years and the period of care of an adult able-bodied person for a disabled child), the validity of the approach proposed by the insurer, excluding the possibility of their crediting to the insurance experience, if the care was carried out on the territory of a foreign state, is questioned.

Key words: non-insurance periods, insurance experience, territory of a foreign state, pension legislation of Russia, proof of insurance experience

*For citation: Kurchenko O. (2023) Inclusion of non-insured periods, that have occurred abroad, in insurance experience to assign an insurance pension. In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu»*, no. 6, pp. 58–67. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2023_6_58.*

В современном пенсионном законодательстве России страховой стаж выполняет двойную функцию: будучи элементом фактического состава, необходимого для возникновения права на страховую пенсию, он также, пусть и не напрямую, влияет на ее размер. Одним из условий для включения периодов работы и (или) иной деятельности в страховой стаж Федеральный закон от 28 декабря 2013 г. № 400-ФЗ (в ред. от 25 декабря 2023 г.) «О страховых пенсиях» (далее – Закон о страховых пенсиях) признает выполнение такой работы (осуществление иной деятельности) на территории Российской Федерации. Если же указанная деятельность имела место за границей, период ее осуществления может стать частью страхового стажа, если это предусмотрено законом¹ или международным договором между Россией и соответствующим иностранным государством либо в случае добровольной уплаты гражданином страховых взносов на обязательное пенсионное страхование (ст. 11 Закона о страховых пенсиях). В отношении периодов трудовой деятельности и других так называемых страховых периодов их «привязка» к российской территории вполне объяснима: обязательное пенсионное страхование основано на идее уплаты страховых взносов, обеспечиваемой путем законодательного закрепления соответствующей обязанности страхователей.

Иные (нестраховые) периоды (например, период ухода за ребенком до достижения им возраста полутора лет, период прохождения военной или приравненной к ней службы и др.) этой логике подчинены быть не могут, поскольку по определению не предполагают уплаты страховых взносов. Означает ли это, что связь между ними и территорией государства оказывается юридически безразличной? С учетом отмечаемой специалистами тенденции к увеличению удельного веса нестраховых периодов в жизни работников² и активного развития трансграничной миграции значимость поставленного вопроса существенно возрастает, поскольку зачет в страховой стаж нестраховых периодов в ряде случаев позволяет приобрести право на страховую пенсию по старости, а также увеличить ее размер³.

Обозначенная проблематика в отечественной правовой науке специально не исследовалась, в комментариях пенсионного законодательства поставленный вопрос также, как правило, не обсуждается⁴. Цель настоящей статьи состоит в том, чтобы

¹ Указание на возможность установления подобных случаев законом выглядит избыточным, поскольку принятие закона, содержащего такие правовые нормы, позволяет включать периоды работы за границей в страховой стаж и в отсутствие соответствующей оговорки в ч. 2 ст. 11 Закона о страховых пенсиях. Тем не менее примером такого закона, по всей видимости, можно считать Федеральный закон от 21 июля 2014 г. № 208-ФЗ «Об особенностях пенсионного обеспечения граждан Российской Федерации, проживающих на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя», дающий возможность учитывать в составе страхового стажа периоды работы и (или) иной деятельности, имевшие место на территории Украины по 16 марта 2014 г. включительно.

² См.: Куртин А. В. Особенности современных национальных рынков труда и изменения в пенсионных системах стран Евразии (на примере Российской Федерации) // Пенсия. 2017. № 7. С. 52.

³ См. об этом подробнее: Курченко О. С. Влияние иных (нестраховых) периодов на формирование пенсионных прав застрахованного лица // Вестник Омского университета. Сер. Правов. 2023. Т. 20. № 1. С. 53–65.

⁴ См., например: Белянинова Ю. В., Долотина Р. Р., Слесарев С. А., Шашкова О. В. Комментарий к Федеральному закону от 28 декабря 2013 г. № 400-ФЗ «О страховых пенсиях» (постатейный) // СПС

определить, насколько российское законодательство и формируемая на его основе правоприменительная практика последовательны и эффективны в регулировании отношений, возникающих по поводу зачета в страховой стаж нестраховых периодов, имевших место за границей¹.

Понятие «заграница» в контексте заявленной темы нуждается в небольшом предварительном комментарии. Потребность в нем обусловлена тем, что территория Российской Федерации ранее была частью другого государства – Союза ССР. Соответственно, для граждан, начавших формировать пенсионные права в период существования Союза ССР на территориях иных союзных республик, данный вопрос по-прежнему сохраняет актуальность. Еще в начале 1990-х гг. Министерство социальной защиты населения РФ сформулировало следующую правовую позицию: при назначении пенсии гражданам, прибывшим в Россию из государств, которые ранее входили в состав СССР и не заключили с Россией международные договоры в области пенсионного обеспечения, учитывается трудовой стаж, приобретенный на территории бывшего СССР за время до 1 декабря 1991 г.² Тем самым была признана возможность зачета в стаж иных периодов, имевших место на территориях бывших союзных республик (ныне – независимых государств) до 1 декабря 1991 г.³, на тех же условиях, как если бы они имели место на территории РСФСР.

В одном из разъяснений о применении норм пенсионного законодательства специалистами Пенсионного фонда России на основе толкования ст. 10 и 11 Федерального закона от 17 декабря 2001 г. № 173-ФЗ «О трудовых пенсиях в Российской Федерации» (далее – Закон о трудовых пенсиях) были сделаны выводы о том, что нестраховые периоды, как и периоды работы, могут быть засчитаны в страховой стаж только в случае, если имели место на территории Российской Федерации, а единственный «иной» период, который может протекать за границей, – период проживания лица с супругом, направленным на работу в дипломатическое представительство или заграничное учреждение Российской Федерации (подп. 8 п. 1 ст. 11 Закона о трудовых пенсиях)⁴.

Действительно, территория иностранного государства применительно к иным периодам, засчитываемым в страховой стаж, упомянута российским законодателем лишь единожды. Вместе с тем нестраховые периоды весьма разнородны по своей правовой природе, неодинакова и степень их связанности с территорией РФ. Отметим, что юридическая «привязка» того или иного нестрахового периода к российской территории может быть как выводимой из взаимосогласованных положений законодательства, так и подразумеваемой. При этом для ряда нестраховых периодов возможность их зачета в страховой стаж обуславливается их связью не с территорией, а с порядком – российским законодательством как правовой основой возникновения соответствующих правоотношений, действие которого по общему правилу не выходит за пределы территории РФ.

«КонсультантПлюс», 2014; Миронова Т. К., Арзуманова Л. Л., Пешкова (Белогорцева) Х. В. и др. Комментарий к Федеральному закону от 28 декабря 2013 г. № 400-ФЗ «О страховых пенсиях» (постатейный) / Т. К. Миронова, Л. Л. Арзуманова, Х. В. Пешкова (Белогорцева), Т. Э. Рождественская, Э. С. Бондарева, А. Ю. Гусев, С. В. Люминарская, А. В. Менкенов, С. В. Ротко, Н. И. Сапожникова, Н. Ю. Чернунь, А. А. Елаев, С. А. Загорских, С. А. Котухов, Р. А. Соколов // СПС «КонсультантПлюс», 2021.

¹ Положения заключенных Россией международных договоров в области пенсионного обеспечения, посвященные интересующему нас вопросу, заслуживают предметного обсуждения и будут рассмотрены в отдельной статье.

² См. п. 2 письма Министерства социальной защиты населения РФ от 31 января 1994 г. № 1-369-18.

³ Заметим, что дата «водораздела», до которой периоды, включаемые (засчитываемые) в стаж, считаются имевшими место на территории бывшего СССР, в отдельных случаях может немного отличаться. Например, в стаж работы в сельском хозяйстве для целей установления повышения фиксированной выплаты к страховой пенсии включаются периоды работы (деятельности), которые выполнялись на территории Союза ССР до 1 января 1992 г. – см. подп. «б» п. 3 Правил исчисления периодов работы (деятельности), дающей право на установление повышения фиксированной выплаты к страховой пенсии по старости и к страховой пенсии по инвалидности в соответствии с частью 14 статьи 17 Федерального закона «О страховых пенсиях» (утв. постановлением Правительства РФ от 29 ноября 2018 г. № 1440).

⁴ См.: Пенсия. 2014. № 9. С. 21. Нужно учитывать при этом, что процитированные выводы были сформулированы в период действия Закона о трудовых пенсиях, п. 1 ст. 11 которого предусматривал 8 нестраховых периодов (в действующей редакции ч. 1 ст. 12 Закона о страховых пенсиях перечень нестраховых периодов состоит из 12 позиций).

Так, применительно к периодам военной или иной приравненной к ней службы, периодам исполнения полномочий судьи ключевую роль играет не территория осуществления деятельности, а правовая основа возникновения служебных отношений (отношений по осуществлению судебных полномочий) – законодательство РФ. С этой точки зрения названные периоды, если речь идет о военной или приравненной к ней службе РФ или об исполнении *российским* судьей возложенных на него полномочий, должны быть засчитаны в страховой стаж независимо от того, осуществлялись они на территории России или за ее пределами (например, в случае дислокации воинских частей или создания российских судов на территориях иностранных государств¹).

Эту связь законодатель формализовал путем отсылки при описании соответствующих видов деятельности, засчитываемых в страховой стаж, к положениям иных законодательных актов Российской Федерации: для военной и иной приравненной к ней службы – к Закону РФ от 12 февраля 1993 г. № 4468-1 «О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу...»², для осуществления судебных полномочий – к Закону РФ от 26 июня 1992 г. № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации» (пп. 1 и 11 ч. 1 ст. 12 Закона о страховых пенсиях). Такой юридико-технический прием использован и в отношении периода сотрудничества граждан с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность (п. 9 ч. 1 ст. 12), а также периода пребывания в добровольческом формировании (п. 12 ч. 1 ст. 12).

Неразрывно связанным с военной службой является период проживания лица с супругом-военнослужащим, проходящим военную службу по контракту, в местности, где отсутствовала возможность трудоустройства (п. 7 ч. 1 ст. 12 Закона о страховых пенсиях). Очевидно, что указанная местность может располагаться и за пределами территории Российской Федерации (в случае дислокации воинского формирования в иностранном государстве). Более того, трудности поиска супругом военнослужащего работы в таком случае могут быть порождены или усугублены в том числе проживанием в иностранном государстве. Поэтому рассматриваемый нестраховой период как производный от факта прохождения военной службы супругом застрахованного лица также должен засчитываться в страховой стаж, даже если имел место за пределами российской территории, что прямо предусмотрено законодательством³.

В отношении двух видов нестраховых периодов, являющихся следствием незаконного (необоснованного) уголовного преследования (пп. 5 и 10 ч. 1 ст. 12 Закона о страховых пенсиях), их «привязка» к территории России, скорее, подразумеваемая и косвенная: поскольку такие периоды направлены на восстановление пенсионных прав, нарушенных незаконной уголовно-процессуальной деятельностью, логично предположить, что их зачет в страховой стаж оправдан, если речь идет об «исправлении» последствий деятельности именно российских органов государственной власти. Последняя же в подавляющем большинстве случаев реализуется в пределах государственных границ Российской Федерации.

Еще одну группу нестраховых периодов в рассматриваемом контексте образуют период получения пособий по временной нетрудоспособности и по беременности и родам, а также периоды, связанные с безработицей, прежде всего период получения пособия по безработице (пп. 2 и 4 ч. 1 ст. 12 Закона о страховых пенсиях). Указанные периоды имплицитно связаны с российским правопорядком, определяющим основание для предоставления пособия (например, условия признания гражданина безработным) и продолжительность его выплаты, которые в иностранных государствах могут заметно отличаться. Отметим при этом, что периоды получения социально-страховых пособий (п. 2 ч. 1 ст. 12 Закона о страховых пенсиях) вполне мыслимы и вне

¹ В качестве примера можно привести 26-й гарнизонный военный суд, осуществляющий деятельность на территории г. Байконура (Республика Казахстан).

² Закон Российской Федерации от 12 февраля 1993 г. № 4468-1 (в ред. от 29 мая 2023 г.) «О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, войсках национальной гвардии Российской Федерации, органах принудительного исполнения Российской Федерации, и их семей».

³ См. п. 35 Правил подсчета и подтверждения страхового стажа, утвержденных постановлением Правительства РФ от 2 октября 2014 г. № 1015.

пределов территории РФ при условии, что гражданин был застрахованным лицом по российскому законодательству.

Наибольшие сомнения вызывает «привязка» к территории РФ периода ухода одного из родителей за ребенком до достижения им возраста полутора лет. Территориальные органы страховщика (до 1 января 2023 г. – Пенсионного фонда РФ) последовательно придерживаются следующего подхода: рассматриваемый период может быть засчитан в страховой стаж при условии, что уход осуществлялся на территории Российской Федерации, местом же осуществления ухода *априори* считается место рождения ребенка, если не будет доказано иное¹. Заметим сразу, что вторая часть тезиса формулируется страховщиком как опровержимая презумпция, которая, однако, не получила закрепления в нормах пенсионного законодательства. Неясно к тому же, что подразумевается под «местом» осуществления ухода (населенный пункт или страна) и на чем основано предположение о том, что в течение полутора лет после рождения ребенка родитель, занятый уходом за ним, по общему правилу не меняет место жительства. Вывод о том, что период ухода за ребенком, если уход имел место на территории государства, с которым у РФ отсутствует международный договор, не может быть засчитан в страховой стаж по российскому законодательству, можно встретить и в отдельных актах судов общей юрисдикции².

Правовая позиция страховщика базируется на предполагаемой взаимосвязи положений ст. 11 и 12 Закона о страховых пенсиях (до 1 января 2015 г. – ст. 10 и 11 Закона о трудовых пенсиях). Однако ст. 11 Закона о страховых пенсиях, требующая в качестве общего правила осуществления деятельности на территории России, посвящена страховым периодам. Основой для экстраполяции этого требования на «иные» периоды, вероятно, служит формулировка нормы, содержащейся в ч. 1 ст. 12 Закона о страховых пенсиях: «иные» периоды засчитываются в страховой стаж *«наравне с периодами работы и (или) иной деятельности»*. Указанную формулировку отечественный законодатель использовал еще в ст. 92 Закона РФ от 20 ноября 1990 г. № 340-1 (в ред. от 27 ноября 2001 г.) «О государственных пенсиях в Российской Федерации», в которой слово «наравне» было употреблено в значении «на тех же условиях». Однако после 1 января 2002 г., с введением в правовое регулирование дополнительного условия для зачета иных периодов в страховой стаж (п. 2 ст. 11 Закона о трудовых пенсиях), утверждение о том, что страховые и нестраховые периоды включаются (засчитываются) в страховой стаж на одинаковых условиях, перестало быть истинным³. Очевидно, что в новом правовом контексте изменился и смысл слова «наравне», которое теперь используется в значении «наряду с чем-то». Другие правовые нормы, которые бы *expressis verbis* обуславливали зачет периода ухода за ребенком в страховой стаж осуществлением такого ухода на территории России, в Законе о страховых пенсиях отсутствуют⁴.

Попробуем отойти от формально-юридического анализа и оценить предлагаемый страховщиком вариант толкования норм пенсионного законодательства с точки зрения политики права. Почему национальное законодательство должно противиться зачету в страховой стаж периода ухода за ребенком, осуществляемого гражданином России за пределами территории РФ? Существуют ли какие-то содержательные особенности осуществления ухода за ребенком в возрасте до полутора лет, если родитель, являющийся российским гражданином и занятый уходом, проживает в это время за границей? В рамках предложенного страховщиком подхода ответы на поставленные вопросы не формулируются.

¹ Пенсия. 2014. № 9. С. 21; 2016. № 12. С. 12.

² См., например: апелляционное определение Московского городского суда от 30 мая 2019 г. по делу № 33-17139/2019. Следует учитывать при этом, что количество судебных актов, в которых давалась бы правовая оценка рассматриваемой ситуации, крайне мало, что не позволяет говорить о доминировании в судебной практике того или иного подхода.

³ На это изменение вскоре после введения в действие Закона о трудовых пенсиях было обращено внимание в научной литературе. См.: Захаров М. Л., Тучкова Э. Г., Севостьянова В. Б. Комментарий к новому пенсионному законодательству (постатейный комментарий к Федеральным законам «О трудовых пенсиях в Российской Федерации», «О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации»). М.: ООО «ТК Велби», 2002. С. 101.

⁴ Подобные рассуждения можно обнаружить и в судебных актах. См., например: определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 1 ноября 2021 г. по делу № 88-25069/2021.

Показательно, что в отношении содержательно близкой ситуации – определения права на досрочное назначение страховой пенсии по старости многодетным матерям – правовая позиция страховщика выглядит иначе. Так, правоприменителей ориентируют на то, что при назначении досрочной страховой пенсии по старости женщине, родившей трех и более детей, место рождения детей (территория России или иностранное государство) значения не имеет, если иное не предусмотрено международным договором¹; при определении же права на такую пенсию в рамках международного договора пропорционального типа (например, Договора между Российской Федерацией и Республикой Сербией о социальном обеспечении от 19 декабря 2017 г.) должны учитываться только дети, рожденные и воспитанные на территории России². Другими словами, национальное законодательство признает юридически значимыми рождение и воспитание ребенка за границей, если отсутствует международный договор, по условиям которого иностранное государство выражает готовность взять на себя ответственность за реализацию пенсионных прав, приобретенных на его территории. Как представляется, такой подход был бы оправдан и применительно к вопросу о зачете в страховой стаж периода ухода за ребенком.

Наконец, развернутого комментария заслуживает вопрос о возможности зачета в страховой стаж периода ухода, осуществляемого трудоспособным лицом за инвалидом I группы, лицом, достигшим возраста 80 лет, или ребенком-инвалидом на территории иностранного государства. Прежде всего необходимо сделать принципиально важную оговорку: инвалидность I группы или категория «ребенок-инвалид» должны быть установлены российским учреждением медико-социальной экспертизы. В силу сложившегося в правоприменительной практике подхода, поддерживаемого судами³, уход за лицом, признанным инвалидом по законодательству иностранного государства (в том числе государства, с которым Россия связана международным договором территориального типа), не подлежит зачету в страховой стаж при назначении российской страховой пенсии. Такое решение представляется разумным и соответствующим принципу правового равенства: условия и порядок признания лица инвалидом, а также используемые в этих целях классификации и критерии, предусмотренные законодательством другого государства, могут существенно отличаться от тех, что установлены в нашей стране. Признание документов об инвалидности, выданных в иностранном государстве, теоретически возможно путем заключения международного договора, но в российской международно-договорной практике такой прием не используется. Таким образом, в рамках обсуждаемого подхода исключается возможность зачета в страховой стаж периодов ухода за инвалидом I группы и ребенком-инвалидом, если лицо, за которым осуществлялся уход, было признано инвалидом компетентным учреждением иностранного государства.

Вполне мыслима, однако, ситуация, когда уход на территории иностранного государства осуществлялся гражданином за лицом, достигшим 80-летнего возраста. Другой пример: ребенок-инвалид, инвалидность которого установлена российским бюро медико-социальной экспертизы, вместе с одним из родителей, осуществляющим уход за ним, проживают за границей. Может ли период ухода при названных условиях быть засчитан в страховой стаж?

¹ См.: Чирков С. А. Развитие демографической функции в пенсионном праве, или новые досрочные страховые пенсии многодетным мамам // Пенсия. 2019. № 2. С. 31.

² Комарова С. В. О порядке реализации пенсионных прав граждан Российской Федерации и Республики Сербия // Пенсия. 2019. № 3. С. 70. Интересно, что указанный подход, предлагавшийся органам страховщика как логическое развитие идеи пропорциональности, позднее получил формально-юридическое закрепление в заключаемых Россией международных договорах о пенсионном обеспечении, основанных на пропорциональной модели (см. Договор между Российской Федерацией и Венгрией о социальном обеспечении от 30 октября 2019 г., Соглашение о социальном обеспечении между Российской Федерацией и Восточной Республикой Уругвай от 22 сентября 2021 г., Договор между Российской Федерацией и Республикой Таджикистан о сотрудничестве в области пенсионного обеспечения от 15 сентября 2021 г., Договор между Российской Федерацией и Азербайджанской Республикой о сотрудничестве в области пенсионного обеспечения от 26 апреля 2022 г.).

³ См., например: апелляционное определение Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 10 марта 2020 г. № АПЛ20-24; определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 16 мая 2022 г. № 88-12396/2022; определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 3 декабря 2019 г. по делу № 88г-817/2019.

Препятствием к утвердительному ответу на поставленный вопрос могут оказаться правовые нормы, закрепляющие порядок подтверждения соответствующего нестрахового периода. В 2017 г. Правила подсчета и подтверждения страхового стажа, утвержденные постановлением Правительства РФ от 2 октября 2014 г. № 1015, были дополнены п. 46(3), согласно которому рассматриваемый нами период может быть подтвержден сведениями индивидуального (персонифицированного) учета, которые вносятся в индивидуальный лицевой счет на основании имеющейся у территориального органа страховщика информации об установлении лицу, занятому уходом, компенсационной или ежемесячной выплат. Напомним, что указами Президента РФ¹ для трудоспособных граждан, занятых уходом за нетрудоспособными лицами, были введены компенсационная выплата (для занятых уходом за инвалидом I группы или за престарелым гражданином) и ежемесячная выплата (для занятых уходом за детьми-инвалидами и инвалидами с детства I группы). Нововведения 2017 г. освободили граждан, которым были установлены названные выплаты, от необходимости подтверждать период ухода². С учетом того что осуществление ухода, как правило, сопровождается получением указанных выплат³, такой способ подтверждения является наиболее распространенным. Нужно при этом учитывать, что компенсационные и ежемесячные выплаты могут быть назначены только лицам, проживающим на территории Российской Федерации⁴, что заведомо исключает использование такого варианта подтверждения периода ухода в случае проживания нетрудоспособного гражданина и лица, занятого уходом, за границей.

Правила подсчета и подтверждения страхового стажа предусматривают еще один способ подтверждения рассматриваемого нестрахового периода – для случаев, когда компенсационная или ежемесячная выплата лицу, занятому уходом, не назначалась. Согласно п. 34 указанных Правил период ухода устанавливается на основании заявления лица, осуществляющего уход, решением органа пенсионного обеспечения *по месту жительства лица, за которым осуществляется уход*. В случае раздельного проживания нетрудоспособного лица и гражданина, занятого уходом за ним, необходимо также письменное подтверждение со стороны нетрудоспособного лица, а в случае его смерти – со стороны членов семьи. Кроме того, органу пенсионного обеспечения предоставлено право проводить обследование с целью подтверждения фактических обстоятельств ухода. Следует ли из указанных правил вывод о том, что период ухода для того, чтобы стать частью страхового стажа, должен иметь место только на территории России? Примечательно, что Пенсионный фонд РФ ориентировал свои территориальные органы на то, что в целях обеспечения обоснованности установления периодов ухода необходимо, помимо прочего, проверять, не проживало ли лицо, за которым осуществлялся уход, в этот период за пределами территории Российской Федерации⁵. При этом не уточнялось, является ли подтверждение факта проживания за границей способом выявления недостоверности предоставленных гражданином сведений об осуществлении ухода или же указанное обстоятельство само по себе выступает основанием для отказа в установлении периода ухода.

¹ См. указы Президента РФ от 26 декабря 2006 г. № 1455 (в ред. от 31 декабря 2014 г.) «О компенсационных выплатах лицам, осуществляющим уход за нетрудоспособными гражданами»; от 26 февраля 2013 г. № 175 (в ред. от 1 декабря 2023 г.) «О ежемесячных выплатах лицам, осуществляющим уход за детьми-инвалидами и инвалидами с детства I группы».

² См. об этом подробнее: Чирков С. А. Об уточнении правил подсчета и подтверждения страхового стажа в 2017 году // СПС «КонсультантПлюс».

³ По данным Социального фонда России, компенсационные и ежемесячные выплаты установлены в отношении 3,4 млн граждан, за которыми осуществляется уход (Пенсия. 2023. № 12. С. 20).

⁴ См. п. 2 Правил осуществления ежемесячных компенсационных выплат неработающим трудоспособным лицам, осуществляющим уход за инвалидом I группы (за исключением инвалидов с детства I группы), а также за престарелым, нуждающимся по заключению лечебного учреждения в постоянном постороннем уходе либо достигшим возраста 80 лет, утвержденных постановлением Правительства РФ от 4 июня 2007 г. № 343 (в ред. от 16 августа 2022 г.); п. 2 Правил осуществления ежемесячных выплат неработающим трудоспособным лицам, осуществляющим уход за детьми-инвалидами в возрасте до 18 лет или инвалидами с детства I группы, утвержденных постановлением Правительства РФ от 2 мая 2013 г. № 397 (в ред. от 16 августа 2022 г.).

⁵ См.: Гусева В. В. Об организации работы по установлению периода ухода, осуществляемого трудоспособным лицом за инвалидом I группы, ребенком-инвалидом или за лицом, достигшим возраста 80 лет // Пенсия. 2019. № 10. С. 52.

Буквальное толкование положений п. 34 Правил приводит к выводу о том, что в случае, если к моменту установления периода ухода нетрудоспособное лицо находится в живых, формально-юридической преградой к зачету в страховой стаж такого периода, имевшего место за границей, будет требование о проживании нетрудоспособного лица на территории России, по месту которого должно приниматься решение о зачете периода ухода в стаж. В случае же смерти нетрудоспособного лица указанное требование в значительной мере теряет смысл. Тем не менее осуществление ухода за нетрудоспособным лицом за границей делает невозможным проведение территориальным органом СФР обследования по месту жительства нетрудоспособного лица в целях выявления недостоверных сведений о факте ухода. В итоге возможность зачета периода ухода, осуществлявшегося за границей, в страховой стаж блокируется правилами, определяющими порядок подтверждения такого периода. Представляется, что из текста Закона о страховых пенсиях «привязка» указанного периода к территории Российской Федерации, аналогично периоду ухода за ребенком в возрасте до полутора лет, напрямую не вытекает. Соглашаясь с необходимостью противодействовать возможному недобросовестному поведению, необходимо все же исходить из того, что порядок подтверждения нестраховых периодов, установленный на подзаконном уровне, не должен ставить под сомнение саму возможность зачета таких периодов в страховой стаж, если условие о «привязке» такого периода к российской территории не закреплено в законе и не является подразумеваемым.

Следует заметить, что и в зарубежном, и в российском законодательстве можно обнаружить правовые нормы, позволяющие «в одностороннем порядке», т. е. без заключения международного договора, учитывать в составе трудового (страхового) стажа так называемые иные периоды, имевшие место за границей. Как правило, подобное правовое регулирование обусловлено либо стремлением национального законодателя установить социальные гарантии для возвращения в страну соотечественников, либо регламентировать вопросы реализации пенсионных прав в случае изменения государственной принадлежности отдельных территорий.

В частности, Закон Федеративной Республики Германии от 25 февраля 1960 г. «Об иностранных пенсиях» позволяет засчитывать в стаж для установления пенсии соотечественникам-переселенцам периоды прохождения военной службы и периоды ухода за детьми, имевшие место в стране прежнего места жительства¹. Законодательство же Республики Казахстан среди периодов, учитываемых при подсчете трудового стажа, упоминает периоды *трудовой деятельности* в стране выбытия этнических казахов, прибывших в Республику Казахстан в целях постоянного проживания на исторической родине². При этом формулировки, используемые казахстанским законодателем в отношении большинства периодов, называемых в отечественном законодательстве «иными», не содержат прямой «привязки» к территории Республики Казахстан, однако отсутствие доступа к правоприменительной практике казахстанских органов пенсионного обеспечения не позволяет сделать однозначный вывод о возможности зачета в трудовой стаж, например, периода ухода за ребенком, имевшего место за границей.

Примером законодательного регулирования интересующего нас вопроса в связи с изменением государственной принадлежности территории могут служить нормы Федерального закона от 21 июля 2014 г. № 208-ФЗ «Об особенностях пенсионного обеспечения граждан Российской Федерации, проживающих на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя», ст. 4 которого содержит правило о том, что при назначении пенсий гражданам России, постоянно проживавшим на территории Республики Крым или города Севастополя по состоянию на 18 марта 2014 г., иные периоды, имевшие место на территории Украины по 16 марта 2014 г. включительно, *приравниваются* к иным периодам, засчитываемым в страховой (трудовой) стаж.

¹ См. об этом подробнее: Чирков С. А., Максимова Д. В. Закон ФРГ «Об иностранных пенсиях» как правовой механизм защиты пенсионных прав соотечественников, возвращающихся на место жительства в Германию // Пенсия. 2013. № 2. С. 55–58.

² См. подп. 16 п. 1 ст. 208 Социального кодекса Республики Казахстан от 20 апреля 2023 г. № 224-VII. См.: URL: <https://online.zakon.kz/> (дата обращения: 31.01.2024).

Таким образом, в рамках социально-страховой логики принятие законодателем решения о том, что тот или иной период, не сопровождаемый уплатой страховых взносов, заслуживает того, чтобы стать частью страхового стажа, требует отдельного обоснования. Очевидно, что в том числе по этой причине большинство нестраховых периодов, известных отечественному законодательству, для зачета их в страховой стаж предполагают связь либо с территорией РФ, либо с российским законодательством как основой возникновения соответствующих правоотношений (например, военно-служебных). Эта связь может быть как прямо выраженной в правовых нормах, так и подразумеваемой.

Сформированные в отечественной правоприменительной практике подходы позволяют заключить, что степень их «привязанности» к территории неодинакова: для отдельных нестраховых периодов (например, периодов прохождения военной или приравненной к ней службы) принципиально важным является не место осуществления деятельности, а юридическая ее связь с российским государством. В отношении же некоторых других нестраховых периодов (например, периода ухода за ребенком в возрасте до полутора лет) факт их осуществления на территории иностранного государства, как представляется, не должен становиться препятствием для их зачета в страховой стаж – и в этой части действующее пенсионное законодательство не исключает более гибкого, чем предлагает страховщик, подхода к толкованию правовых норм.

Список литературы

Белянинова Ю. В., Долотина Р. Р., Слесарев С. А., Шашкова О. В. Комментарий к Федеральному закону от 28 декабря 2013 г. № 400-ФЗ «О страховых пенсиях» (постатейный) // СПС «КонсультантПлюс», 2014.

Гусева В. В. Об организации работы по установлению периода ухода, осуществляемого трудоспособным лицом за инвалидом I группы, ребенком-инвалидом или за лицом, достигшим возраста 80 лет // Пенсия. 2019. № 10. С. 50–54.

Захаров М. Л., Тучкова Э. Г., Севостьянова В. Б. Комментарий к новому пенсионному законодательству (постатейный комментарий к Федеральным законам «О трудовых пенсиях в Российской Федерации», «О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации»). М.: ООО «ТК Велби», 2002. 336 с.

Комарова С. В. О порядке реализации пенсионных прав граждан Российской Федерации и Республики Сербия // Пенсия. 2019. № 3. С. 53–78.

Куртин А. В. Особенности современных национальных рынков труда и изменения в пенсионных системах стран Евразии (на примере Российской Федерации) // Пенсия. 2017. № 7. С. 47–58.

Курченко О. С. Влияние иных (нестраховых) периодов на формирование пенсионных прав застрахованного лица // Вестник Омского университета. Сер. Право. 2023. Т. 20. № 1. С. 53–65. DOI: 10.24147/1990-5173.2023.20(1).53-65.

Миронова Т. К., Арзуманова Л. Л., Пешкова (Белогорцева) Х. В. и др. Комментарий к Федеральному закону от 28 декабря 2013 г. № 400-ФЗ «О страховых пенсиях» (постатейный) / Т. К. Миронова, Л. Л. Арзуманова, Х. В. Пешкова (Белогорцева), Т. Э. Рождественская, Э. С. Бондарева, А. Ю. Гусев, С. В. Люминарская, А. В. Менкенов, С. В. Ротко, Н. И. Сапожникова, Н. Ю. Чернусь, А. А. Елаев, С. А. Загорских, С. А. Котухов, Р. А. Соколов // СПС «КонсультантПлюс», 2021.

Чирков С. А. Об уточнении правил подсчета и подтверждения страхового стажа в 2017 году // СПС «КонсультантПлюс».

Чирков С. А. Развитие демографической функции в пенсионном праве, или новые досрочные страховые пенсии многодетным мамам // Пенсия. 2019. № 2. С. 26–38.

Чирков С. А., Максимова Д. В. Закон ФРГ «Об иностранных пенсиях» как правовой механизм защиты пенсионных прав соотечественников, возвращающихся на место жительства в Германию // Пенсия. 2013. № 2. С. 55–58.

References

Belyaninova Yu. V., Dolotina R. R., Slesarev S. A., Shashkova O. V. (2014) *Kommentarii k Federal'nomu zakonu ot 28 dekabrya 2013 g. № 400-FZ «O strakhovykh pensiyakh» (postateinyi)* [Commentary to Federal Law No. 400-FZ dated December 28, 2013 “On Insurance Pensions” (article-by-article)]. Available at: <https://www.consultant.ru> (accessed: 31.01.2024)

Chirkov S. A. (2017) *Ob utochnenii pravil podscheta i podtverzheniya strakhovogo stazha v 2017 godu* [On clarifying the rules for calculating and confirming insurance experience in 2017]. Available at: <https://www.consultant.ru> (accessed: 31.01.2024)

Chirkov S. A. (2019) Razvitie demograficheskoi funktsii v pensionnom prave, ili novye dosrochnye strakhovye pensii mnogodetnym mamam [The development of the demographic function in pension law, or new early insurance pensions for mothers with many children]. In *Pensiya*, no. 2, pp. 26–38.

Chirkov S. A., Maksimova D. V. (2013) Zakon FRG «Ob inostrannykh pensiyakh» kak pravovoi mekhanizm zashchity pensionnykh prav sootchestvennikov, vozvrashchayushchikhsya na mesto zhitel'stva v Germaniyu [The German Law «On Foreign Pensions» as a legal mechanism for protecting the pension rights of compatriots returning to their place of residence in Germany]. In *Pensiya*, no. 2, pp. 55–58.

Guseva V. V. (2019) Ob organizatsii raboty po ustanovleniyu perioda ukhoda, osushchestvlyаемого trudospособnym litsom za invalidom I gruppy, rebenkom-invalidom ili za litsom, dostigshim vozrasta 80 let [About the organization of work to establish the period of care provided by an able-bodied person for a disabled person of group I, a disabled child or a person who has reached the age of 80 years]. In *Pensiya*, no. 10, pp. 50–54.

Komarova S. V. (2019) O poryadke realizatsii pensionnykh prav grazhdan Rossiiskoi Federatsii i Respubliki Serbiya [On the procedure for the implementation of pension rights of citizens of the Russian Federation and the Republic of Serbia]. In *Pensiya*, no. 3, pp. 53–78.

Kurchenko O. S. (2023) Vliyaniye inykh (nestrakhovykh) periodov na formirovaniye pensionnykh prav zastrakhovannogo litsa [Other (non-insurance) periods' impact on the formation of the insured person's pension rights]. In *Vestnik Omskogo universiteta. Ser. Pravo*, vol. 20, no. 1, pp. 53–65. DOI: 10.24147/1990-5173.2023.20(1).53-65.

Kurtin A. V. (2017) Osobennosti sovremennykh natsional'nykh rynkov truda i izmeneniya v pensionnykh sistemakh stran Evrazii (na primere Rossiiskoi Federatsii) [Features of modern national labor markets and changes in pension systems of Eurasian countries (using the example of the Russian Federation)]. In *Pensiya*, no. 7, pp. 47–58.

Mironova T. K., Arzumanova L. L., Peshkova (Belogortseva) Kh.V., Rozhdestvenskaya T.E., Bondareva E. S., Gusev A.Yu., Lyuminarskaya S. V., Menkenov A. V., Rotko S. V., Sapozhnikova N. I., Chernus' N. Yu., Elaev A. A., Zagorskikh S. A., Kotukhov S. A., Sokolov R. A. (2021) *Kommentarii k Federal'nomu zakonu ot 28 dekabrya 2013 g. № 400-FZ «O strakhovykh pensiyakh» (postateinyi)* [Commentary to Federal Law No. 400-FZ dated December 28, 2013 «On Insurance Pensions» (article-by-article)]. Available at: <https://www.consultant.ru> (accessed: 31.01.2024)

Zakharov M. L., Tuchkova E. G., Sevost'yanova V. B. (2002) *Kommentarii k novomu pensionnomu zakonodatel'stvu (postateinyi kommentarii k Federal'nyim zakonam «O trudovykh pensiyakh v Rossiiskoi Federatsii», «O gosudarstvennom pensionnom obespechenii v Rossiiskoi Federatsii»* [Commentary on the new pension legislation (article-by-article commentary on the Federal Laws «On Labor Pensions in the Russian Federation», «On State Pension Provision in the Russian Federation»]. Moscow, TK Velbi, 336 p.

ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ НА ДОСУДЕБНОЕ УРЕГУЛИРОВАНИЕ НАЛОГОВЫХ СПОРОВ

Карамышев Денис Андреевич

Ассистент кафедры финансового, банковского и таможенного права им. профессора Нины Ивановны Химичевой Саратовской государственной юридической академии (Саратов), ORCID: 0000-0002-1597-1614, e-mail: kda.64@yandex.ru.

Современные тенденции к цифровизации во всех сферах жизни общества отражаются в том числе на налоговых правоотношениях. Цифровизация неизбежно приносит новые инструменты (блокчейн, электронная цифровая подпись, видео-конференц-связь, искусственный интеллект и др.) и в сферу досудебного урегулирования налоговых споров, которые требуют теоретической и законодательной оценки и проработки. В связи с этим важно оценить влияние процессов цифровизации на досудебное урегулирование налоговых споров, выявить проблемные аспекты данного влияния, в том числе проанализировать судебную практику, а также предложить возможные пути их разрешения. В результате использования автором совокупности диалектического и системного методов исследования в работе дана оценка цифровизации налоговых правоотношений в сфере досудебного урегулирования налоговых споров, предложено закрепить в налоговом законодательстве в качестве приоритетного способа доставки направление налоговым органом документов налогоплательщику (иному подконтрольному лицу) по телекоммуникационным каналам связи, а также внести изменения в законодательство в отношении электронной цифровой подписи для обеспечения соответствия налоговому законодательству, а именно п. 4 ст. 31 Налогового кодекса РФ.

Ключевые слова: налоговые споры, досудебное урегулирование, налоговые информационные ресурсы, цифровизация, искусственный интеллект

Для цитирования: Карамышев Д. А. Влияние цифровизации на досудебное урегулирование налоговых споров // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2023. № 6. С. 68–73. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2023_6_68.

THE IMPACT OF DIGITALIZATION ON THE PRE-TRIAL SETTLEMENT OF TAX DISPUTES

Karamyshev Denis

Assistant, Saratov State Law Academy (Saratov), ORCID: 0000-0002-1597-1614, e-mail: kda.64@yandex.ru.

Modern trends towards digitalization in all spheres of society are reflected, among other things, in tax relations. Digitalization inevitably brings new tools (blockchain, electronic digital signature, video conferencing, artificial intelligence, etc.) to the field of pre-trial settlement of tax disputes, which require theoretical and legislative assessment and elaboration. In this regard, it is important to assess the impact of digitalization processes on the pre-trial settlement of tax disputes, identify problematic aspects of this influence, including analyzing judicial practice, as well as suggest possible ways to resolve them. As a result of the author's use of a set of dialectical and systematic research methods, the paper assesses the digitalization of tax relations in the field of pre-trial settlement of tax disputes, proposes to fix in tax legislation as a priority method of delivery sending documents by the tax authority to the taxpayer (another controlled person) via telecommunication channels, as well as to amend the current legislation regarding electronic a digital signature to ensure compliance with tax legislation, namely par. 4 of Art. 31 of the Tax Code of the Russian Federation.

Key words: tax disputes, pre-trial settlement, tax information resources, digitalization, artificial intelligence

*For citation: Karamyshev D. (2023) The impact of digitalization on the pre-trial settlement of tax disputes. In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu»*, no. 6, pp. 68–73. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2023_6_68.*

Цифровизация как процесс внедрения цифровых технологий в различные сферы общественной жизни все больше влияет и на налоговые правоотношения. Под цифровизацией налоговых правоотношений понимают процесс создания, внедрения, применения и совершенствования цифровых технологий и информационных систем, влияющих на трансформацию состава и содержания налоговых правоотношений, а также на совершенствование и автоматизацию реализации субъективных прав и юридических обязанностей участников соответствующих правоотношений¹. Федеральная налоговая служба Российской Федерации (далее – ФНС России) активно внедряет современные цифровые технологии (на что обращалось внимание в СМИ²), что уже нашло свое отражение и в сфере досудебного урегулирования налоговых споров. Так, налогоплательщики получили возможность осуществлять взаимодействие с ФНС России посредством электронной отправки (по телекоммуникационным каналам связи или через личный кабинет налогоплательщика) возражений, пояснений, жалоб с использованием электронной цифровой подписи. Однако и ФНС России получило право направлять юридически значимые сообщения (уведомления, требования и др.) в электронном виде. Данные положения получили закрепление в ст. 93 Налогового кодекса РФ (с изм. от 19 декабря 2023 г. № 611-ФЗ; далее – НК РФ). Кроме того, налогоплательщики получили доступ к сервису «Узнать о жалобе», с помощью которого можно получить сведения о поступившей жалобе в налоговый орган, и сервису «Решения по жалобам», предоставляющему налогоплательщикам возможность ознакомиться с решениями ФНС России по поданным жалобам. Отдельно стоит отметить основанный на технологии блокчейн сервис «Создание и проверка доверенности в электронной форме», позволяющий оформить машиночитаемую доверенность для представления интересов налогоплательщика (иного подконтрольного лица) во взаимоотношениях с налоговым органом.

ФНС России предпринимает действия и по дальнейшей цифровизации налоговых правоотношений в сфере досудебного урегулирования налоговых споров. Так, в приказе ФНС России от 5 марта 2021 г. № ЕД-7-1/173@ «Об утверждении Стратегической карты ФНС России на 2021–2023 годы» указываются в том числе положения о доработке интернет-сервиса ФНС России «Узнать о жалобе», о разработке порядка проведения видео-конференц-связи (ВКС) при досудебном урегулировании налоговых споров и о внедрении искусственного интеллекта для подготовки типовых документов. Следует признать, что данные меры действительно необходимы для исполнения Указа Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года».

В науке налогового права выделяют три группы оснований возникновения налоговых споров: материально-правовые, процедурно-правовые и нормативно-правовые. Процедурно-правовые основания, как отмечают авторы соответствующего исследования, связаны с защитой прав как обязанных лиц, так и фискальных органов³, что и подлежит специальному изучению в аспекте трансформации в условиях цифровизации.

Согласно ст. 140 НК РФ рассмотрение жалобы с использованием ВКС осуществляется в порядке, утверждаемом федеральным органом исполнительной власти, уполномоченным по контролю и надзору в области налогов и сборов. ФНС России уже

¹ Изотов А. В. Налоговые правоотношения в условиях цифровизации: современное состояние и перспективы развития: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2021. С. 9.

² IT-технологии для налоговой службы // Республика. Издание Правительства и Государственного совета Республики Коми. URL: <http://respublika11.ru/2022/06/22/it-tehnologii-dlya-nalogovoy-sluzhby/> (дата обращения: 03.11.2023).

³ Рыбакова С. В., Калинина И. А. Налоговый спор в аспекте гарантий прав налогоплательщиков // Ленинградский юридический журнал. 2015. № 1. С. 144.

осуществило публикацию перечня налоговых органов, у которых имеются возможности проведения ВКС для рассмотрения жалоб, рассматриваемых в досудебном порядке¹, даны временные рекомендации по порядку рассмотрения жалобы (апелляционной жалобы) с использованием сеансов ВКС². Однако налоговым органом пока не выработан постоянный порядок проведения ВКС, что может негативно отражаться на поддержании фидуциарных отношений между государством и налогоплательщиками (иными подконтрольными лицами).

Искусственный интеллект, безусловно, также является важной частью развития цифровизации досудебного урегулирования налоговых споров. Его применение в досудебном урегулировании налоговых споров можно рассматривать в трех аспектах: в качестве независимого арбитра, помощника по подготовке процессуальных документов и консультанта. Как видно из стратегической карты ФНС России в ближайшем будущем налоговый орган планирует задействовать искусственный интеллект только в сфере подготовки типовых документов. Стоит отметить, что применение искусственного интеллекта в качестве консультанта или чат-бота осуществляется ФНС России с 2017 г.³ Третье направление – использование искусственного интеллекта в качестве арбитра при досудебном урегулировании споров – пока не стоит на повестке дня. Однако ученые отмечают, что использование искусственного интеллекта в качестве арбитра или посредника растет⁴.

В России применение искусственного интеллекта в судебной системе осуществляется в рамках проведения эксперимента. Например, в Белгородской области эксперимент по тестированию искусственного интеллекта в качестве арбитра начался с 2021 г., на что указывалось в СМИ⁵. Между тем стоит обратить внимание, что на данный момент полная передача функций лица, принимающего решение по жалобе, искусственному интеллекту представляется невозможной. Ученые справедливо отмечают, что искусственный интеллект не сможет всесторонне рассмотреть спор и объективно оценить весь спектр значимых факторов, влияющих на его исход⁶. Поэтому более обоснованной является точка зрения ученых о создании «цифрового помощника», который будет изучать поступившие материалы и представлять рекомендации по их решению⁷.

Влияние цифровизации можно проследить и в стремлении Правительства РФ сократить срок рассмотрения жалобы, поданной в электронном виде, с 15 до семи дней (за исключением жалобы на решение о привлечении к налоговой ответственности), что находило свое отражение в законопроекте № 343435-8⁸ (однако законопроект был отозван 26 апреля 2023 г.). Видится, что данная мера отвечала бы вышеупомянутому Указу Президента РФ, являлась обоснованной и позволяла в более сжатые сроки обеспечивать защиту прав и законных интересов налогоплательщиков (иных подконтрольных лиц).

¹ Досудебное урегулирование споров // Федеральная налоговая служба России: офиц. сайт. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/apply_fts/pretrial/ (дата обращения: 07.11.2023).

² На сайте ФНС России можно узнать адреса, где проводятся ВКС с налоговыми органами // Федеральная налоговая служба России: офиц. сайт. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/news/activities_fts/11207287/ (дата обращения: 05.11.2023).

³ Об искусственном интеллекте в налоговом администрировании и налоговиках будущего программе «Налоги» рассказал глава ФНС России Михаил Мишустин // Федеральная налоговая служба России: офиц. сайт. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/news/activities_fts/7084090/ (дата обращения: 06.11.2023).

⁴ Li J., Bao N. J., Hu S., et al. Digitalization and International Tax Dispute Resolution: A Window of Opportunity for BRITACOM. 2020 / J. Li, N. J. Bao, S. Hu, W. Hu, M. Zerbinio. URL: https://digitalcommons.osgoode.yorku.ca/cgi/viewcontent.cgi?article=3802&context=scholarly_works (дата обращения: 05.11.2023).

⁵ Суды подключили искусственный интеллект к взысканию транспортного налога // Интернет-портал «Российской газеты»: офиц. сайт. URL: <https://rg.ru/2021/04/10/sudy-podkliuchili-iskusstvennyj-intellekt-k-vzyskaniuu-transportnogo-naloga.html> (дата обращения: 08.11.2023).

⁶ Голубитченко М. А., Галанова И. С. Досудебное урегулирование налоговых споров: перспективы в эпоху цифровизации // «Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2022. № 2. С. 44.

⁷ Щекин Д. М. Цифровые технологии в налоговых спорах как механизм обеспечения баланса публичных и частных интересов // Вестник Арбитражного суда Московского округа. 2022. № 3. С. 49.

⁸ Законопроект № 343435-8 // Официальный сайт системы обеспечения законодательной деятельности Государственной автоматизированной системы «Законотворчество». URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/343435-8#bh_histras (дата обращения: 10.09.2023).

Кроме того, особое внимание стоит уделить и налоговым информационным ресурсам, под которыми понимается совокупность онлайн-сервисов, информационных систем, мобильных приложений, открытых реестров и сведений, находящихся в информационно-телекоммуникационной сети Интернет, способная выполнять функции выявления нарушений налогового законодательства и их доказывания в налоговых спорах¹. Налоговые информационные ресурсы играют все большую роль в досудебном урегулировании налоговых споров, дополняя арсенал источников доказывания.

Следует обратить внимание и на некоторые проблемные вопросы направления информации по телекоммуникационным каналам связи (далее – ТКС) и использования электронной цифровой подписи (далее – ЭЦП).

Во-первых, подписание акта налоговой проверки, дополнений к нему и решения о привлечении к ответственности осуществляется ЭЦП руководителя налоговой инспекции даже в случаях, если налоговую проверку осуществляет заместитель руководителя, что находит свое подтверждение в судебной практике². В силу ст. 6 Федерального закона от 6 апреля 2011 г. № 63-ФЗ «Об электронной подписи» информация в электронной форме, подписанная квалифицированной электронной подписью, признается электронным документом, равнозначным документу на бумажном носителе, подписанному собственноручной подписью. В п. 42 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 30 июля 2013 г. № 57 «О некоторых вопросах, возникающих при применении арбитражными судами части первой Налогового кодекса Российской Федерации» указано, что вынесение решения по результатам рассмотрения материалов налоговой проверки или иных мероприятий налогового контроля не тем руководителем (заместителем руководителя) налогового органа, который рассматривал указанные материалы, является нарушением существенных условий процедуры рассмотрения. Между тем, несмотря на данные позиции законодательства и ВАС РФ, судами вполне обоснованно подтверждена законность процедуры при подписании акта налоговой проверки, дополнений к нему и решения о привлечении к ответственности заместителем руководителя налоговой инспекции³, со ссылкой на п. 4 ст. 31 НК РФ, использующим ЭЦП начальника инспекции. Тем не менее представляется, что п. 4 ст. 31 НК РФ и ст. 6 Закона «Об электронной подписи» вступают в противоречие, поскольку в этом случае ЭЦП начальника инспекции должна быть приравнена исключительно к его собственноручной подписи, исключая возможность удостоверить данной ЭЦП подписи заместителей начальника. В связи с чем видится необходимым дополнить ст. 6 Закона «Об электронной подписи» положением о том, что информация в электронной форме, подписанная ЭЦП, является равнозначной собственноручной подписи, если иное не предусмотрено Законом.

Во-вторых, налоговый орган стал преимущественно направлять документы, связанные с проведением налоговой проверки и привлечением к ответственности, по ТКС в соответствии с распоряжением ФНС России от 4 февраля 2020 г. № 16@ «Об отправке документов на бумажном носителе, образующихся в процессе деятельности Федеральной налоговой службы». Налоговое же законодательство в силу ч. 5 ст. 100 НК РФ рассматривает вручение под расписку и иные способы передачи акта налоговой проверки как равнозначные и взаимозаменяемые. Между тем в судебной практике встречается позиция о приоритетном способе направления – вручении под расписку. И только в случае невозможности такого вручения суды допускают направление акта налоговой проверки по ТКС⁴. В целях правовой определенности и с учетом развития налоговых правоотношений представляется необходимым внести в НК РФ положения о приоритетном способе доставки по ТКС налогоплательщикам (иным подконтрольным лицам), подключенным к электронному документообороту.

Стоит подчеркнуть, что при всех положительных качествах внедрения цифровых технологий необходимо и правильно распределить ответственность за некорректную

¹ Миронов В. Ю., Карамышев Д. А. Понятие, виды и роль налоговых информационных ресурсов в выявлении и доказывании нарушений налогового законодательства // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2023. № 2. С. 52.

² Решение Арбитражного суда Саратовской области от 26 мая 2023 г. по делу № А57-12762/2022.

³ Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 16 марта 2023 г. № Ф04-8456/2022 по делу № А81-6516/2022.

⁴ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 20 октября 2021 г. № Ф05-25455/21 по делу № А40-55951/2020.

работу данных технологий между налоговым органом и налогоплательщиком (иным подконтрольным лицом). Как справедливо отмечают ученые, за любые «технические сбои», ошибки «искусственного интеллекта» и иные действия, нарушающие права субъектов финансовых (налоговых) правоотношений, ответственность должна быть полностью возложена на государственные органы, внедряющие данные инновации¹.

На основании изложенного и ввиду влияния цифровизации на налоговые правоотношения в сфере досудебного урегулирования налоговых споров представляется обоснованным внесение в налоговое законодательство изменений, касающихся сокращения срока рассмотрения жалобы, поданной в электронном виде, с 15 до семи дней (за исключением жалобы на решение о привлечении к налоговой ответственности), а также закрепления ТКС в налоговом законодательстве как приоритетного способа доставки налоговых документов налогоплательщикам. Кроме того, в целях формирования единого правопонимания между налогоплательщиками (иными подконтрольными лицами) и налоговыми органами видится необходимым внесение изменений в ст. 6 Закона «Об электронной подписи» для обеспечения ее соответствия п. 4 ст. 31 НК РФ.

Список литературы

Алимбекова А. С. Реализация прав и обязанностей участников финансовых правоотношений и их защита в условиях цифровизации экономики // *Цифровая экономика как вектор трансформации правосубъектности участников налоговых отношений в России и за рубежом: сб. науч. тр. по материалам Междунар. науч.-практ. конф. в рамках IV Саратовских финансово-правовых чтений научной школы Н. И. Химичевой*. Саратов: Саратовская гос. юрид. академия, 2019. Ч. 1. С. 15–24.

Голубитченко М. А., Галанова И. С. Досудебное урегулирование налоговых споров: перспективы в эпоху цифровизации // *Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу»*. 2022. № 2. С. 39–45.

Изотов А. В. Налоговые правоотношения в условиях цифровизации: современное состояние и перспективы развития: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2021. 24 с.

Мионов В. Ю., Карамышев Д. А. Понятие, виды и роль налоговых информационных ресурсов в выявлении и доказывании нарушений налогового законодательства // *Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу»*. 2023. № 2. С. 46–54.

Рыбакова С. В., Калинина И. А. Налоговый спор в аспекте гарантий прав налогоплательщиков // *Ленинградский юридический журнал*. 2015. № 1. С. 141–150.

Щекин Д. М. Цифровые технологии в налоговых спорах как механизм обеспечения баланса публичных и частных интересов // *Вестник Арбитражного суда Московского округа*. 2022. № 3. С. 40–50.

Li J., Bao N. J., Hu S., et al. Digitalization and International Tax Dispute Resolution: A Window of Opportunity for BRITACOM. 2020 / J. Li, N. J. Bao, S. Hu, W. Hu, M. Zerbino. URL: https://digital-commons.osgoode.yorku.ca/cgi/viewcontent.cgi?article=3802&context=scholarly_works (дата обращения: 05.11.2023).

References

Alimbekova A. S. (2019) Realizatsiya prav i obyazannostei uchastnikov finansovykh pravootnoshenii i ikh zashchita v usloviyakh tsifrovizatsii ekonomiki [Realization of the rights and obligations of participants in financial legal relations and their protection in the conditions of digitalization of the economy]. In *Tsifrovaya ekonomika kak vektor transformatsii pravosub"ektnosti uchastnikov nalogovykh otnoshenii v Rossii i za rubezhom: sbornik nauchnykh trudov po materialam Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii v ramkakh IV Saratovskikh finansovo-pravovykh chtenii nauchnoi shkoly N. I. Khimichevoi*. Saratov: Saratovskaya gosudarstvennaya yuridicheskaya akademiya, part 1, pp. 15–24.

Golubitchenko M. A., Galanova I. S. (2022) Dosudebnoe uregulirovanie nalogovykh sporov: perspektivy v epokhu tsifrovizatsii [Pre-trial settlement of tax disputes: prospects in the era of digitalization]. In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnaluu»*, no. 2, pp. 39–45.

Izotov A. V. (2021) *Nalogovye pravootnosheniya v usloviyakh tsifrovizatsii: sovremennoe sostoyaniye i perspektivy razvitiya: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Tax legal relations in the context of

¹ Алимбекова А. С. Реализация прав и обязанностей участников финансовых правоотношений и их защита в условиях цифровизации экономики // *Цифровая экономика как вектор трансформации правосубъектности участников налоговых отношений в России и за рубежом: сб. науч. тр. по материалам Междунар. науч.-практ. конф. в рамках IV Саратовских финансово-правовых чтений научной школы Н. И. Химичевой*. Саратов: Саратовская гос. юрид. академия, 2019. Ч. 1. С. 24.

digitalization: current state and prospects of development: an abstract of a candidate of legal sciences thesis]. Moscow, 24 p.

Li J., Bao N. J., Hu S., Hu W., Zerbino M. (2020). Digitalization and International Tax Dispute Resolution: A Window of Opportunity for BRITACOM. Available at: https://digitalcommons.osgoode.yorku.ca/cgi/viewcontent.cgi?article=3802&context=scholarly_works (accessed: 05.11.2023).

Mironov V. Yu., Karamyshev D. A. (2023) Ponyatie, vidy i rol' nalogovykh informatsionnykh resursov v vyavlenii i dokazyvanii narushenii nalogovogo zakonodatel'stva [The concept, types and role of tax information resources in identifying and proving violations of tax legislation]. In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu»*, no. 2, pp. 46–54.

Rybakova S. V. (2015) Nalogovyy spor v aspekte garantiy prav nalogoplatel'shchikov [Tax dispute in the aspect of guarantees of taxpayers' rights]. In *Leningradskiy yuridicheskiy zhurnal*, no. 1, pp. 141–150.

Shchekin D. M. (2022) Tsifrovye tekhnologii v nalogovykh sporakh kak mekhanizm obespecheniya balansa publichnykh i chastnykh interesov [Digital technologies in tax disputes as a mechanism to ensure a balance of public and private interests]. In *Vestnik Arbitrazhnogo suda Moskovskogo okruga*, no. 3. pp. 40–50.

МЕМОРИАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ В ЮРИДИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ ПЕТРА I: ОБ ИСТОКАХ ИМПЕРСКОГО ДИСКУРСА КОРОНАЦИИ 1724 г.

Соколова Елена Станиславовна

Доцент кафедры истории государства и права Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева (Екатеринбург), доктор юридических наук, ORCID: 0000-0002-2996-1935, e-mail: elena.sokolova 1812@yandex.ru.

Статья посвящена выявлению политико-юридической основы мемориальных практик, использованных в коронации Екатерины Алексеевны с целью усиления имперской идеи. Рассматриваются образы и смыслы, положенные в основу визуально-мнемонических средств легитимации императорского титула в условиях отсутствия его институционального и законодательного обеспечения. Обозначены основные доминанты культурно-исторических кодов, сформированных под воздействием византийской модели коронационного церемониала и церемониальных стратегий протестантских государств, прежде всего Прусского королевства. Рассматривается роль солярной символики в формировании представления об особой политико-юридической миссии монарха-самодержца и значении императорского титула для укрепления надсословного статуса субъектов императорской власти в русле теории «общего блага». Подчеркивается высокая гносеологическая значимость мемориальных исследований для проблематики историко-правовой науки, связанной с выявлением ведущих направлений юридической политики, направленной на обеспечение имперской формы государства и имперского правосознания в обществе.

Ключевые слова: визуализация памяти, мемориальная практика, юридическая политика, Российская империя, коронация, историко-правовая наука, легитимация власти, церемониальный текст

Для цитирования: Соколова Е. С. Мемориальные практики в юридической политике Петра I: об истоках имперского дискурса коронации 1724 г. // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2023. № 6. С. 74–81. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2023_6_74.

MEMORIAL PRACTICES IN THE LEGAL POLICY OF PETER THE GREAT: ON THE ORIGINS OF THE IMPERIAL DISCOURSE OF THE CORONATION OF 1724

Sokolova Elena

Associate professor, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (Yekaterinburg), doctor of legal sciences, ORCID: 0000-0002-2996-1935, e-mail: elena.sokolova 1812@yandex.ru.

The article is devoted to the identification of the political and legal basis of the memorial practices used in the coronation of Catherine Alekseevna in order to strengthen the imperial idea. The images and meanings underlying the visual-mnemonic means of legitimizing the imperial title in the absence of its institutional and legislative support are considered. The main dominants of cultural and historical codes formed under the influence of the Byzantine model of the coronation ceremony and ceremonial strategies of Protestant states, primarily the Kingdom of Prussia, are revealed. The role of solar symbols in the formation of the idea of the special political and legal mission of the autocrat monarch and the importance of the imperial title for strengthening the supranational status of subjects of imperial power in line with the theory of the «common good» is considered. The high epistemological significance of memorial research for the problems of historical and legal science related to the identification

of the leading directions of legal policy aimed at the formation of the imperial form of the state and imperial legal consciousness in society is emphasized.

Key words: visualization of memory, memorial practice, legal policy, Russian Empire, coronation, historical and legal science, legitimization of power, ceremonial text

*For citation: Sokolova E. (2023) Memorial practices in the legal policy of Peter the Great: on the origins of the imperial discourse of the coronation of 1724. In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu»*, no. 6, pp. 74–81. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2023_6_74.*

Вопрос о гносеологическом потенциале современной историко-правовой науки и дальнейших перспективах ее развития является сегодня предметом оживленных дискуссий. Растет интерес к разработке методологии культуральной юриспруденции. В трудах ряда авторов подчеркивается связь права с культурными традициями, что не только обеспечивает преемственность правовых норм и институтов, но и способствует эволюции системы права как самобытного и развивающегося организма¹.

Политико-юридическая значимость мемориальных конструкций не исчерпывается способами воздействия властных структур на социум с целью формирования гражданской идентичности. Создание официальных репрезентаций идеологического содержания является одной из основополагающих форм легитимации институтов и персональных носителей верховной государственной власти. В отдельные периоды истории соотношение между символическими и материальными формами юридической политики меняется в пользу активного использования визуально-мнемонических средств. Их основным назначением становится манипулирование сознанием масс посредством создания идеальных смыслов в оценке природы и сущности властных структур².

В общеисторических исследованиях мнемонической конструкции «театра власти» отсутствует обращение к механизмам легитимации тех или иных способов осуществления властных полномочий на основе конструирования визуальных «мест памяти», изначально обретающих юридический смысл по воле правящих лиц. Часть авторов высказывает тезис о так называемой идеологии-памяти, которая находится в противоречии с памятью коллективной, конструируется сверху и отличается недолговечностью, по крайней мере, в условиях политической стабильности³.

С политико-юридической точки зрения это не всегда так. При незрелости государственно-правовых институтов и отсутствии необходимых социокультурных условий для укрепления верховной государственной власти политико-юридическое значение таких образных ориентиров фиксируется как в нарративах официального содержания, так и в мемориальных законах, жизнеспособность которых зависит от властно-управленческой элиты. Подобная ситуация сложилась в начале 1720-х гг., когда имперский статус России еще не был признан на дипломатическом уровне. В обновленной стратегии коронационного церемониала 1724 г. Петр I руководствовался уже не византийской традицией, а политико-юридической практикой, нацеленной на формирование имперского дискурса в принципиально иных образных формах.

Смысловая направленность коронационного торжества, организованного Петром I в соответствии с политико-юридической направленностью Манифеста 1724 г. о даровании императорского титула его супруге Екатерине Алексеевне, хорошо просле-

¹ Честнов И. А. Культуральные исследования права в постсовременном обществе // Контуры будущего в контексте мирового культурного развития: XVIII Международные Лихачевские научные чтения, 2018 г. / науч. ред. А. С. Запесоцкий, А. П. Марков, Е. А. Кайсаров и др. СПб.: СПбГУП, 2018. С. 554–555; Дорская А. А., Дорский А. Ю. «Войны памяти» и их правовое измерение: мемориальные законы как явление правовой жизни конца XX – начала XXI века // Вестник МГПУ. Сер. Юридические науки. 2019. № 4. С. 19–27; Их же. Официальная политика памяти в современной России: юридическое измерение // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. Право. 2018. Т. 9. № 2. С. 124–138.

² Малинова О. Ю. Политика памяти как область символической политики // Методологические вопросы изучения политики памяти: сб. науч. тр. / отв. ред. А. И. Миллер, Д. В. Ефременко. М.; СПб.: Нестор-история, 2018. С. 27–54.

³ Колосов Н. Память строгого режима: История и политика в России. М.: Новое литературное обозрение, 2011. С. 29–77.

живается на основе соответствующих узаконений, официального описания коронационного церемониала и ряда иных источников познания права. Особенности субъективного восприятия обновленных политико-юридических кодов, обеспечивающих визуально-мнемонические формы легитимации самодержавной модели власти, отражены в эго-источниках и дипломатической переписке первой половины 1720-х гг.¹

Российские церемониальные тексты петровского времени с их акцентом на ведущую роль монарха в достижении государственного единства активно исследуются культурологами, искусствоведами и специалистами в области политической истории². Обращение историков государства и права к данной проблематике создает дополнительную возможность для реконструкции того направления имперской юридической политики первой четверти XVIII в., которое было нацелено на укрепление надсословного по своей природе самодержавного политического режима.

Осмысление нового статуса российского монарха посредством мемориальных конструкций коронационного текста отличалось новаторским подходом к основным его элементам, апробированным в старомосковской политико-юридической практике. Вместе с тем Петр I сохранил традиционные элементы церемониального декора, связанные с солярной символикой и присущие как восточной, так и западной традиции. Его дипломатическая поездка во Францию, предпринятая в 1717 г. с целью выяснить намерения королевского двора относительно возможного посредничества при заключении русско-шведского мирного договора, сопровождалась посещением дворцов Версаля и Тюильри с их выполненными в золотой гамме барочными декорациями.

Солнечный свет, олицетворяющий абсолютную власть короля, был включен в политико-юридический контекст оформления официальных французских резиденций не только как дань религиозной традиции и культурно-историческим предпочтениям Людовика XIV. Его символика отражала основные положения теории Ж. Бодена о суверенной власти как основном признаке монархического государства, где король правит, как помазанник Божий, неограниченно властвуя над своими подданными. При первых Романовых обращение к солярной традиции под влиянием византийских образцов стало неременным атрибутом коронационного текста. Не противоречила она и канонам коронации, устоявшимся к первой четверти XVIII столетия в протестантских государствах³.

¹ 1723. Ноября 15. Манифест. О короновании Государыни Императрицы Екатерины Алексеевны // Полное собрание законов Российской империи, повелением Государя Императора Николая Павловича составленное. Собрание первое. СПб., 1830 (далее – ПСЗ I). С. 161–162; 1723. Майя 10. Именной, данный Тайному Советнику Матвееву. О обнаружении благополучного совершения коронации Ея Императорского Величества Императрицы Екатерины Алексеевны и о принесении торжественного Господу Богу благодарения // Там же. Т. 7. № 4501. С. 281; *Бассевич Г.-Ф.* Записки о России при Петре Великом, извлеченные из бумаг графа Бассевича, который жил в России, состоя при особе голштинского герцога Карла Фридриха, женившегося на дочери Петра Великого Анне Петровне / пер. с фр. И. Ф. Аммона. М.: Тип. Грачева, 1866. Стлб. 157–161; *Берхгольц Ф. В.* Дневник камер-юнкера Ф. В. Берхгольца. 1721–1725. Новое издание с дополнительными примечаниями. М.: Университетская тип., 1902. С. 31–44; Дипломатическая переписка французского полномочного министра при русском дворе Кампредона с французским двором и французским посланником при Оттоманской Порте, маркизом де Бонаком, с 1723 г. по март мес. 1725 г. № 59, Год 1724. Кампредон, 26 мая, Москва // Сборник Императорского Русского исторического общества. СПб.: Тип. М. Стасюлевича, 1886. Т. 52. С. 214–219.

² *Быкова Ю. И., Тюхменева Е. А.* Путь к империи. Становление придворной художественной культуры в России в петровское время. М.: БуксМарт, 2022. С. 16–56; *Амелехина С. А.* Церемониал коронации в Российской империи // *Российская история*. 2014. № 1. С. 74–81; *Аронова А. А.* Коронационные декорации как политический текст: Екатерина I – Екатерина II // *Искусствознание*. 2015. № 3. С. 170–211.

³ *Mezin S.* The Paris of Peter the Great // *Quaestio Rossica*. Vol. 5. 2017. № 2. P. 329–353. DOI: 10.15826/qr.2017.2.226; *Обстоятельной журнал о вояже (или о путешествии) его царского величества, как ис Копенгагена поехал и был Галандии, во Франции и в протчих тамошних местах, и что там чинилось // Гистория Свейской войны (Поденная записка Петра Великого) / сост. Т. С. Майкова, под общ. ред. А. А. Преображенского: в 2 вып. Вып. 1. М.: Круг, 2004. С. 616–618; Les six livres de la republique de I. Bodin Angeuin. A Monseigneur du Favr Seiqneur de Pibrac, Conseiller du Roy en son Coseil priué. P.: Chez lacques du Puys, Libraire luré, á la Samaritaine, 1576. P. 124–154; Mémoires de Louis XIV, écrits par lui-même, composés par le Grand Dauphin, son fils, et addresses á ce prince, suivis de plusieurs fragments de memoires militaires, de l'instruction donnée á Philippe V, de dix-sept letters addresses á ce monarque sur le gouvernement de ses État, et de diver autres pièces inédites, mis en ordre et publiés, par J.-L.-M. de Gain Montagnac. Première Partie. P.: Garnery, 1806. P. 169–172; Mémoire pour servir d'instruction au sieur de Liboye, gentilhomme ordinaire de la maison du roi,*

В официальном отчете о коронации 1724 г. содержится подробное описание золотого декора, использование которого должно было подчеркнуть новые политико-юридические смыслы, связанные с принятием императорского титула и коронованием Екатерины I исключительно по воле Петра I как носителя неограниченной власти, нацеленной на реализацию божественной воли¹.

Об античных корнях имперских притязаний Петра I, который сам короновал свою супругу, свидетельствовала произведенная им замена золотых барм на императорскую мантию, подбитую белыми горностаями и выполненную «из золотого штофа, по которому яко бы разсеяны были Орлы, высоким швом вышитые...». Во время коронации Петр, возлагавший на коленопреклоненную Екатерину мантию и корону по обычаю византийских императоров, не выпускал скипетра из рук, что должно было подчеркнуть принадлежность верховной власти ему одному².

Роль, отведенная в коронационной церемонии высшим духовным иерархам, последовательно отражала новеллы церковной реформы, основное содержание которой заключалось в развитии чуждого Византии полного огосударствления церкви. Во время коронования «архиереи и синодальные архимандриты» сели на приготовленных для них скамьях, расположенных у подножия «чертога», на котором находился императорский трон³.

Дальнейшая церемония изобиловала прозрачными смысловыми аллюзиями, напоминающими присутствующим о последовательном ослаблении политической роли «священства» в период петровских реформ. В частности, заняв согласно обычаю «царское место» на время проведения церковной службы, новая императрица сняла слишком тяжелую для нее корону и передала ее статс-секретарю петровского Кабинета А. В. Макарову⁴.

Отказ от значительной части сакральных мотивов, присущих коронациям первых Романовых, в пользу военных атрибутов и светского шествия придворной элиты знаменовал возникновение новых форм легитимации самодержавного режима власти в условиях трансформирования российской монархии в имперское государство. Следует отметить, что допущенные Петром I церемониальные новеллы 1724 г. частично соответствовали коронационной практике Фридриха I Прусского. В 1701 г. он возложил на себя и свою супругу королевскую корону с целью добиться полной независимости от Священной Римской империи ценой отказа от статуса курфюрста земли Бранденбург. Торжества, организованные по этому случаю в Кенигсберге, отличались размахом в использовании солярной символики, но были выдержаны в ином политико-юридическом ключе, свободном от имперских притязаний. Прежде всего, они носили ярко выраженный надсословный характер и содержали много элементов, подчеркивающих политическое значение общественных корпораций для укрепления неограниченной власти прусского монарха. В то же время политический акт самокоронования и отказ от инвеституры не только возвышал нового короля над духовными иерархами, но и демонстрировал его всеобъемлющую власть над подданными всех состояний⁵.

Отдельные политико-юридические коды надсословного содержания присутствовали и в организации торжественных мероприятий, которые проходили после об-

allant par ordre de Sa Majesté auprès du czar de Moscovie qui vient incognito dans le royaume. Le 5 Avril, 1717 // Сборник Императорского Русского Исторического общества / под ред. А. А. Половцова. Т. XXXIV. СПб.: Императорская Академия наук, 1881. С. 127–138.

¹ Описание Коронации Ея Величества Императрицы, Екатерины Алексеевны, торжественно отправленной в царствующем граде Москве 7 мая 1724 году. Печатано в Санкт-Петербурге при Сенате, 1724. С. 2–5.

² Там же. С. 13, 25; Поляковская М. А. Византийский дворцовый церемониал XIV в.: «театр власти» / науч. ред. Т. В. Куц. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2011. С. 96–130.

³ Описание Коронации... С. 8–9, 11–12.

⁴ Там же. С. 15–16, 14, 17.

⁵ Cramer F. Zur Geschichte FriedrichWilhelms I und Friedrich II. Könige von Preussen. Leipzig: bei Ludwig Shcrech, 1835. S. 3–20; Clarc Ch. Preussen. Aufstieg und Niedergang. 1600–1949. München: Deutsche Verlags Anstalt, 2007. S. 93–105; Восточная Пруссия. С древнейших времен до конца Второй мировой войны. Исторические очерки. Документы. Материалы / гл. ред. В. С. Исупов. Калининград: Книжное изд-во, 1996. С. 224–225; Göze F. Friedrich I (1657–1713): ein König in Preussen. Regensburg: Pustet, 2012. S. 56–115. В научной литературе анализируются и другие образцы протестантских церемониалов, связанных уже только с коронованием женщин. См.: Амелехина С. А. Указ. соч. С. 80–81.

ряда коронавания 1724 г. Согласно старомосковскому обычаю лица, приглашенные «по чину» на церемонию возложения короны в Успенском соборе, обедали вместе с императорской четой в Грановитой палате¹.

По европейскому обычаю, несущему в себе отголосок древних языческих культов плодородия, солярной символики и идеи космического порядка, для москвичей был приготовлен в качестве угощения «бык жареной, начиненной многими разных родов птицами, а по сторонам того быка пускано из двух зделанных фонтан, вино красное и белое, во удовольствие всему предстоящему народу». Это изобилие, служившее образным воплощением идеи «общего блага», достигнутого благодаря неусыпным заботам разумного и сурового монарха, было соотнесено с поклонением могучему мужскому началу. Во многих политеистических культурах именно оно символизировало царскую власть². Аналогичные мотивы присутствовали в церемониале прусской коронации 1701 г., которая завершилась парадным обедом в зале московитов замка Кенигсберг, сопровождалась народными гуляниями, раздачей жареного мяса и обильными возлияниями из запущенных на замковой площади винных источников, выполненных в барочном стиле³.

Подводя итоги, подчеркнем политико-юридическую значимость обращения правящей элиты к образным средствам мемориального содержания для тех исторических этапов развития государственно-правовых систем, когда потребность верховной власти в эффективных способах ее легитимации по разным причинам в недостаточной степени обеспечивалась на нормативно-правовом уровне. В первой четверти XVIII в. обновление церемониальных текстов превращается в один из векторов юридической политики Петра I, нацеленной на укрепление надсословной модели взаимодействия монарха и подданных, обеспечивающей его возвышение над всеми слоями российского населения в условиях хаотичного состояния правовой системы и наличия юридической неопределенности статусных признаков самодержавия.

Данная лакуна преодолевалась как на визуально-мнемоническом, так и на законодательном уровне. Предметами правового регулирования были не только общественные отношения, которые складывались в ходе становления имперского государства, но и внешние атрибуты государственной власти. Присущий им знаковый смысл в полной мере отражал возросшие притязания монарха на роль единственного гаранта территориально-политического единства Российской империи, выведенного из-под действия как юридических предписаний, так и божественных законов. В условиях необходимости урегулирования внешнеполитических конфликтов, возникших после окончания Северной войны из-за непризнания большинством европейских держав императорского титула, решающее политико-юридическое значение приобрели знаковые коды коронационных сценариев, дипломатических акций и иных церемониалов надсословного содержания. Их нацеленность на легитимацию доминирующего положения монарха в политической системе Российского государства с позиций просветительской конструкции «общего блага» в ее патерналистской проекции поддерживалась на уровне законодательной политики в области разработки новых форм титулатуры, соответствующих имперской модели правосознания. Наиболее существенные новеллы в области разработки репрезентативных стратегий, повышающих надсословный имидж верховной власти, получали нормативно-правовое закрепление в источниках права, подлежащих обнародованию. Визуально-мнемонические способы трансляции представления о законном характере особого статуса монарха, обеспечивающего внутривнутриполитическую стабильность и лидерство Российской империи в системе европейских держав, поддерживались на вербальном уровне посредством официальных публикаций церемониальных текстов. Становление властных институтов самодержавного государства происходило в условиях неблагоприятного внешнеполитического фактора и длительного отсутствия четко выстроенной вертикали власти, что способствовало активизации идеологического потенциала мемориальных стратегий и усилению их политико-юридической значимости.

¹ Описание Коронации... С. 20–21.

² Там же. С. 23.

³ *Clarc Ch. Op. cit. S. 92–96.*

Список литературы

Амелехина С. А. Церемониал коронации в Российской империи // Российская история. 2014. № 1. С. 74–94.

Аронова А. А. Коронационные декорации как политический текст: Екатерина I – Екатерина II // Искусствознание. 2015. № 3. С. 170–211.

Бассевич Г.-Ф. Записки о России при Петре Великом, извлеченные из бумаг графа Бассевича, который жил в России, состоя при особе голштинского герцога Карла Фридриха, женившегося на дочери Петра Великого Анне Петровне / пер. с фр. И. Ф. Аммона. М.: Тип. Грачева, 1866. 186 с.

Берхгольц Ф. В. Дневник камер-юнкера Ф. В. Берхгольца. 1721–1725. Новое издание с дополнительными примечаниями. М.: Университетская тип., 1902. 148 с.

Быкова Ю. И., Тюхменева Е. А. Путь к империи. Становление придворной художественной культуры в России в петровское время. М.: БуксМарт, 2022. 448 с.

Восточная Пруссия. С древнейших времен до конца Второй мировой войны: Исторические очерки. Документы. Материалы / гл. ред. В. С. Исупов. Калининград: Книжное изд-во, 1996. 538 с.

Дипломатическая переписка французского полномочного министра при русском дворе Кампредона с французским двором и французским посланником при Оттоманской Порте, маркизом де Бонаком, с 1723 г. по март мес. 1725 г. № 59. Год 1724. Кампредон, 26 мая, Москва // Сборник Императорского Русского исторического общества. СПб.: Тип. М. Стасюлевича, 1886. Т. 52. С. 214–219.

Дорская А. А., Дорский А. Ю. «Войны памяти» и их правовое измерение: мемориальные законы как явление правовой жизни конца XX – начала XXI века // Вестник МГПУ. Сер. Юридические науки. 2019. № 4. С. 19–27.

Дорская А. А., Дорский А. Ю. Официальная политика памяти в современной России: юридическое измерение // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. Право. 2018. Т. 9. № 2. С. 124–138.

Копосов Н. Память строгого режима: История и политика в России. М.: Новое литературное обозрение, 2011. 320 с.

Малинова О. Ю. Политика памяти как область символической политики // Методологические вопросы изучения политики памяти: сб. науч. тр. / отв. ред. А. И. Миллер, Д. В. Ефременко. М.; СПб.: Нестор-история, 2018. С. 27–54.

Обстоятельный журнал о вояже (или о путешествии) его царского величества, как ис Копенгагена поехал и был Галандии, во Франции и в протчих тамошних местах, и что там чинилось // Гистория Свейской войны (Поденная записка Петра Великого) / сост. Т. С. Майкова, под общ. ред. А. А. Преображенского: в 2 вып. Вып. 1. М.: Круг, 2004. С. 610–625.

Описание Коронации Ея Величества Императрицы, Екатерины Алексеевны, торжественно отправленной в царствующем граде Москве 7 мая 1724 году. Печатано в Санкт-Петербурге при Сенате, 1724. 81 с.

Полное собрание законов Российской империи, повелением Государя Императора Николая Павловича составленное. Собрание первое. СПб., 1830. Т. 7. № 4501.

Поляковская М. А. Византийский дворцовый церемониал XIV в.: «театр власти» / науч. ред. Т. В. Куш. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2011. 334 с.

Честнов И. А. Культуральные исследования права в постсовременном обществе // Контуры будущего в контексте мирового культурного развития: XVIII Международные Лихачевские научные чтения, 2018 г. / науч. ред. А. С. Запесоцкий, А. П. Марков, Е. А. Кайсаров и др. СПб.: СПбГУП, 2018. С. 554–555.

Clarc Ch. Preussen. Aufsteig und Niedergang. 1600–1949. München: Deutsche Verlags Anstalt, 2007. 896 s.

Cramer F. Zur Geschichte FriedrichWilhelms I und Friedrich II. Könige von Preussen. Leipzig: bei Ludwig Shcrech, 1835. 182 s.

Göze F. Friedrich I (1657–1713): ein König in Preussen. Regensburg: Pustet, 2012. 392 s.

Les six livres de la republique de I. Bodin Angeuin. A Monseigneur du Favr Seiqneur de Pibrac, Conseiller du Roy en son Coseil priué. P.: Chez Jacques du Puys, Libraire Luré, á la Samaritaine, 1576. 759 p.

Mémoire poir server d'instruction au sieur de Liboye, gentilhomme ordinaire de la maison du roi, allant par ordre de Sa Majesté auprès du czar de Moscovie qui vient incognito dans le royaume. Le 5 Avril, 1717 // Сборник Императорского Русского Исторического общества / под ред. А. А. Полוצова. Т. XXXIV. СПб.: Императорская Академия наук, 1881. С. 127–138.

Mémoires de Louis XIV, écrits par lui-même, composees pur le Grand Dauphin, son fils, et addresses á ce prince, suivis de pluseiurs fragments de memoires militaires, de l'instruction donnée á Philippe V, de dix-sept letters addresses á ce monarque sur le gouvernement de ses État, et de diver autres pièces inédites, mis en ordre et publiés, par J.-L.-M. de Gain Montagnac. Première Partie. P.: Garnery, 1806. 339 p.

Mezin S. The Paris of Peter the Great // *Quaestio Rossica*. Vol. 5. 2017. № 2. P. 329–353. DOI: 10.15826/qr.2017.2.226.

References

(1576) *Les six livres de la republique de I. Bodin Angeuin A Monseigneur du Favr Seigneur de Pibrac, Conseiller du Roy en son Coseil priué*. Paris, Chez Jacques du Puys, Libraire luré, á la Samaritaine, 759 p.

(1724) *Opisanie Koronatsii Eya Velichestva Imperatritsy, Ekateriny Alekseevny, torzhestvenno otpravlennoi v tsarstvuyushchem grade Moskve 7 maya 1724 godu. Pечатano v Sankt-Peterburge pri Senate* [Description of the Coronation of Her Majesty the Empress, Ekaterina Alekseevna, solemnly celebrated in the reigning city of Moscow on May 7, 1724]. Saint-Petersburg, pri Senate, 81 p.

(1806) *Mémoires de Louis XIV, écrits par lui-même, composez par le Grand Dauphin, son fils, et adressés á ce prince, suivis de pluseurs fragments de memoires militaires, de l'instruction donnée á Philippe V, de dix-sept letters adressés á ce monarque sur le gouvernement de ses État, et de diver autres pièces inédites, mis en ordre et publiés, par J.-L.-M.de Gain Montagnac. Première Partie*. Paris, Garnery, 339 p.

(1830) *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii, povelaniem Gosudarya Imperatora Nikolaya Pavlovicha sostavlennoe. Sobranie pervoe* [The Complete collection of laws of the Russian Empire, compiled by order of Emperor Nikolai Pavlovich. Collection I]. Saint-Petersburg, vol. 7, no. 4501.

(1881) Mémoire pour servir d'instruction au sieur de Liboye, gentilhomme ordinaire de la maison du roi, allant par ordre de Sa Majesté auprès du czar de Moscovie qui vient incognito dans le royaume. Le 5 Avril, 1717. In Polovtsov A. A. (Ed.) *Sbornik Imperatorskogo Russkogo Istoricheskogo obshchestva*, vol. XXXIV. Saint-Petersburg, Imperatorskaya Akademiya nauk, pp. 127–138.

(1886) *Diplomaticheskaya perepiska frantsuzskogo polnomochnogo ministra pri russkom dvore Kampredona s frantsuzskim dvorom i frantsuzskim poslannikom pri Ottomanskoj Porte, markizom de Bonakom, s 1723 g. po mart mess. 1725 g. № 59, God 1724. Kampredon, 26 maya, Moskva* [Diplomatic correspondence of the French Minister Plenipotentiary at the Russian court of Campredon with the French court and the French Envoy to the Ottoman Porte Marquis de Bonac from 1723 to March 1725, No. 59. 1724. Campredon, May 26, Moscow]. In *Sbornik Imperatorskogo Russkogo Istoricheskogo obshchestva*. Saint-Petersburg, Tipografiya M. Stasyulevicha, vol. 52, pp. 214–219.

(2004) *Obstoyatelnoi zhurnal o voyazhe (ili o puteshestvii) ego tsarskogo velichestva, kak is Kopengagena poekhal i byl Galandii, vo Frantsii i v protchikh tamoshnikh mestakh, i chto tam chinilos'* [A detailed journal about the voyage (or travel) of His Imperial Majesty, how he went from Copenhagen and was in Galand, in France and in other places there, and what happened there]. In Preobrazhenskii A. A., Maikova T. S. (Eds.) *Gistoriya Sveiskoi voiny (Podennaya zapiska Petra Velikogo)*: in 2 is., is. 1, Moscow, Krug, pp. 610–625.

Amelekhina S. A. (2014) Tseremonial koronatsii v Rossiiskoi imperii [Coronation ceremony in the Russian Empire]. In *Rossiiskaya istoriya*, no. 1, pp. 74–94.

Aronova A. A. (2015) Koronatsionnye dekoratsii kak politicheskii tekst: Ekaterina I – Ekaterina II [Coronation scenery as a political text: Catherine I – Catherine II]. In *Iskusstvoznanie*, no. 3, pp. 170–211.

Bassevich G.-F. (1866) *Zapiski o Rossii pri Petre Velikom, izvlechennye iz bumag grafa Bassevicha, kotoryi zhil v Rossii, sostoya pri osobe golshtinskogo gertsoga Karla Fridrikha, zhenivshegosya na docheri Petra Velikogo Anne Petrovne* [Notes on Russia under Peter the Great, extracted from the papers of Count Bassevich, who lived in Russia, being with the person of the Holstein Duke Karl Friedrich, who married the daughter of Peter the Great Anna Petrovna], transl. by I. F. Ammon. Moscow, Tipografiya Gracheva, 186 p.

Berkhgoľts F. V. (1902) *Dnevnik kamer-yunkera F. V. Berkhgoľtsa* [Diary of the Chamber Junker F. V. Berkhgoľtz]. 1721–1725. Novoe izdanie s dopolnitel'nymi primechaniyami. Moscow, Universitetskaya tipografiya, 148 p.

Bykova Yu. I., Tyukhmeneva E. A. (2022) *Put' k imperii. Stanovlenie pridvornoj khudozhestvennoj kul'tury v Rossii v petrovskoe vremya* [The path to empire. The formation of court artistic culture in Russia in the time of Peter the Great]. Moscow, BuksMart, 448 p.

Chestnov I. A. (2018) Kul'tural'nye issledovaniya prava v postsovremennom obshchestve [Cultural studies of law in postmodern society]. In Zapesotskii A. S., Markov A. P., Kaiserov E. A., et al. (Eds.) *Kontury budushchego v kontekste mirovogo kul'turnogo razvitiya: XVIII Mezhdunarodnye Likhachevskie nauchnye chteniya, 2018 g.* Saint-Petersburg, SPbGUP, pp. 554–555.

Clarc Ch. (2007) *Preussen. Aufsteig und Niedergang. 1600–1949*. München, Deutsche Verlags Anstalt, 896 p.

Cramer F. (1835) *Zur Geschichte FriedrichWilhelms I und Friedrich II. Könige von Preussen*. Leipzig, bei Ludwig Shcrech, 182 p.

Dorskaya A. A., Dorskii A. Yu. (2018) Ofitsial'naya politika pamyati v sovremennoi Rossii: yuridicheskoe izmerenie [Official memory policy in modern Russia: legal dimension]. In *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ser. Pravo*, vol. 9, no. 2, pp. 124–138.

Dorskaya A. A., Dorskii A. Yu. (2019) «Voiny pamyati» i ikh pravovoe izmerenie: memorial'nye zakony kak yavlenie pravovoi zhizni kontsa XX – nachala XX I veka [«Memory wars» and their legal dimension: memorial laws as a phenomenon of legal life at the end of the XX – beginning of the XXI century]. In *Vestnik MGPU. Ser. Yuridicheskie nauki*, no. 4, pp. 19–27.

Göze F. (2012) *Friedrich I (1657–1713): ein König in Preussen*. Regensburg, Pustet, 392 p.

Isupov V. S. (Ed). (1996) *Vostochnaya Prussiya. S drevneishikh vremen do kontsa Vtoroi mirovoi voyny: Istoricheskie ocherki. Dokumenty. Materialy* [East Prussia. From ancient times to the end of the Second World War: Historical essays. Documentation. Materials]. Kaliningrad, Knizhnoe izdatel'stvo, 538 p.

Koposov N. (2011) *Pamyat' strogogo rezhima: Istoriya i politika v Rossii* [High Security Memory: History and Politics in Russia]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 320 p.

Malinova O. Yu. (2018) Politika pamyati kak oblast' simvolicheskoi politiki [The Politics of Memory as an Area of Symbolic Politics]. In Miller A. I., Efremenko D. V. (Ed.) *Metodologicheskie voprosy izucheniya politiki pamyati*. Moscow, Saint-Petersburg, Nestor-istoriya, pp. 27–54.

Mezin S. (2017) The Paris of Peter the Great. In *Quaestio Rossica*, vol. 5, no. 2, pp. 329–353. DOI: 10.15826/qr.2017.2.226.

Polyakovskaya M. A. (2011) *Vizantiiskii dvortsovyi tseremonial XIV v.: «teatr vlasti»* [Byzantine palace ceremony of the XIV century: «theater of power»], ed. by T. V. Kushch. Ekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, 334 p.

СИСТЕМАТИЗАЦИЯ УЗАКОНЕНИЙ В СФЕРЕ ЦЕРКОВНОГО ПРАВА В РОССИИ В ПРАКТИКЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СВЯТЕЙШЕГО ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩЕГО СИНОДА (вторая половина XIX – начало XX в.)

Хрущев Сергей Викторович

Старший преподаватель кафедры истории государства и права
Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева (Екатеринбург),
ORCID: 0000-0002-5514-5704, e-mail: 9122958808@mail.ru.

В статье рассматриваются процессы и результаты упорядочения узаконений в сфере церковного права во второй половине XIX – начале XX в. в деятельности государственно-церковного органа Российской империи – Святейшего правительствующего синода. Автор, взяв в качестве отправной точки попытки систематизации духовных узаконений в 1820–1840-е гг., показывает место деятельности Синода по наведению порядка в законодательном массиве по ведомству православного вероисповедания. В статье акцентируется внимание на организации систематизационных работ, юридической природе и технико-юридических подходах к созданию актов систематизации законодательного материала в сфере церковного права и результатах деятельности. Также показывается ход создания, издания и значение созданного в Синоде акта систематизации духовных узаконений – Полного собрания постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания в конце 1860-х – 1910-е гг.

Ключевые слова: история государства и права России, юридическая политика Российского государства, систематизация законодательства, каноническое право, церковное право, систематизация духовных узаконений

Для цитирования: Хрущев С. В. Систематизация узаконений в сфере церковного права в России в практиках деятельности Святейшего правительствующего синода (вторая половина XIX – начало XX в.) // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2023. № 6. С. 82–95. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2023_6_82.

SYSTEMATIZATION OF LEGALIZATIONS IN THE FIELD OF CHURCH LAW IN RUSSIA IN THE PRACTICE OF THE HOLY GOVERNING SYNOD (the second half of the XIX – early XX century)

Khrushchev Sergey

Senior lecturer, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (Yekaterinburg),
ORCID: 0000-0002-5514-5704, e-mail: 9122958808@mail.ru.

The article examines the processes and results of the regularization of legalities in the field of church law in the second half of the XIX – early XX century in the activities of the state-church body of the Russian Empire – the Holy Governing Synod. The author taking as a starting point attempts to systematize spiritual legalizations in the 1820^s–1840^s shows the place of activity of the Synod to restore order in the legislative array of the department of Orthodox religion. The article focuses on the organization of systematization works, the legal nature and technical and legal approaches to the creation of acts of systematization of legislative material in the field of church law and the results of activities. It also shows the course of creation, publication and significance of the act of systematization of spiritual legalizations created in the Synod – the Complete Collection of resolutions and orders on the Department of the Orthodox Confession in the late 1860^s – 1910^s.

Key words: history of the state and law of Russia, legal policy of the Russian state, systematization of legislation, canon law, church law, systematization of spiritual legalizations

*For citation: Khrushchev S. (2023) Systematization of legalizations in the field of church law in Russia in the practice of the Holy Governing Synod (the second half of the XIX – early XX century). In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu»*, no. 6, pp. 82–95. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2023_6_82.*

Вопросы систематизации узаконений в сфере церковного права Святейшим правительствующим синодом представляют интерес с точки зрения участия этого государственно-церковного органа в процессах упорядочивания законодательного массива Российской империи. В данном плане представляется актуальным обратиться к изучению создания и издания во второй половине XIX – начале XX в. Полного собрания постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания как акта упорядочения духовных законов.

Святейший правительствующий синод в практиках систематизации духовных узаконений в конце 1860-х – 1910-е гг. занимал главенствующее место. Это было связано с тем, что наведение порядка в законодательном массиве России в целом и в церковных узаконениях как одной из его главных составных частей на протяжении второй половины XVIII – начала XX в. находилось в поле зрения верховной власти. Духовные законы определялись местом Российской православной церкви в системе регулирования и применения канонического и церковного права в отношении российских подданных. Но только с началом царствования императора Николая I систематизационные работы в сфере законодательства получили новый импульс и заняли ведущее место в законодательной политике. Эта сфера государственной деятельности была взята под личный контроль императора и вновь организованного в 1826 г. Второго отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии – главного учреждения по наведению порядка в законодательном массиве Российской империи¹. Соответственно каждое из ведомств, включая Синод, должно было под руководством указанного отделения обеспечивать проведение систематизационных работ.

Согласно программе систематизации законодательства М. М. Сперанского общеперскими актами упорядочения узаконений должны были стать Полное собрание законов Российской империи и Свод законов Российской империи с последующим изданием кодексов по основным отраслям права. В их состав предполагалось включить только самые общие государственные узаконения по православной церкви и другим вероисповеданиям, а также параллельно издать особый «свод законов по духовной части». Такой план исходил из сложно устроенной системы законодательства, исходящие от «верховой власти и действующие законы» с учетом их общегосударственного характера должны были быть помещены в Свод законов Российской империи, который позиционировался как «общий свод». Соответственно узаконения по отдельным ведомствам – военному, морскому, как и по ведомству православного исповедания – высшими органами государственного управления помещены в соответствующие своды «второго уровня». Двухуровневая система построения актов систематизации законодательства должна была охватить и обеспечить структурирование системы права, доступность узаконений для подданных, законность в правоприменении, способствовать изучению законодательства в светских и духовных учебных заведениях².

Систематизация узаконений в сфере церковного права определялась верховной властью как одна из стратегических задач юридической политики Российского государства и вписывалась в общие целевые установки наведения порядка в узаконениях: сделать духовные узаконения максимально доступными для подданных всех вероисповеданий, обеспечить информацией государственный аппарат и церков-

¹ Майков П. М. Второе отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии. 1826–1882. Исторический очерк. СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1906. 94 с.

² Кодан С. В. Совершенствование законодательства в юридической политике Российского государства в первой половине XIX века: стратегические направления и общие результаты // Юридическая техника. 2015. № 9. С. 317–326.

ные структуры, способствовать развитию образования и науки, включая изучение в богословии и юриспруденции церковного права и его преподавание в духовных и светских учебных заведениях. Свод законов Российской империи, изданный в 1832 г. и введенный в действие с 1 января 1835 г., в общем решил посредством систематизации проблему упорядочения и интеграции в систему общеимперского законодательства узаконений в сфере церковного права и консолидировал положения узаконений, расположив их по предложенной М. М. Сперанским системе законодательства в форме отраслевой инкорпорации по разделам свода. На общегосударственном уровне «церковно-правовые нормы содержались практически во всех томах свода законов» и «присутствовали в государственном, гражданском, уголовном, процессуальном праве, полностью пронизывали собой семейное право», отмечает А. А. Дорская¹. Указанное решало проблему «первого уровня», и в начале 1830-х гг. «кроме работ по составлению свода Российской империи под непосредственным надзором графа Сперанского или только под его главным руководством были начаты и работы по различным другим отраслям отечественного законодательства», в том числе по «собираению духовных законов», подчеркивает П. М. Майков². Соответственно, требовалось упорядочение последних на уровне специального хронологического собрания и свода, в которые вошли «постановления о управлении дел Православного Вероисповедания»³.

Систематизация узаконений по духовной части была возложена на Святейший правительствующий синод – высший государственный орган по управлению делами Русской православной церкви. Как государственное учреждение Синод представлял коллегию из назначаемых императором архиереев и архимандритов в составе 4–10 членов, которые под руководством обер-прокурора Синода в своих заседаниях рассматривали отнесенные к его компетенции вопросы относительно управления церковными делами. Среди последних находились и вопросы правового характера – инициатива к изданию и подготовка проектов общегосударственных законодательных актов в указанной сфере, императорских указов и повелений по рассмотренным делам, издание внутрицерковных правовых актов – постановлений и распоряжений, касающихся правил деятельности структур Русской православной церкви, толкования и применения положений светских и духовных узаконений, руководство духовной цензурой и др. Структурные подразделения Синода – канцелярия обер-прокурора, подразделения по организации духовного обучения, издательским делам, финансовому контролю, хозяйственным и др. – обеспечивали функционирование ведомства. Главенствующее положение в процессах участия Синода в правовом регулировании деятельности церкви занимала его канцелярия, учрежденная 25 января 1721 г. Она вела делопроизводство: оформляла журналы заседаний Синода и его указы, собирала сведения о состоянии и деятельности подведомственных церковных учреждений (епархий, монастырей, приходов, духовных учебных заведений и церковных миссий)⁴. С конца 1730-х гг. при канцелярии стали организационно оформляться архив и библиотека, которые составляли массив документов и изданий, необходимых для упорядочения церковных узаконений и делопроизводственных актов⁵.

Вместе с тем уже первые попытки проведения систематизационных работ Синодом показали неготовность его структур к решению проблемы. Синодальный архив находился с начала 1830-х гг. в стадии разбора, завершение которого требовало времени. Это повлекло привлечение Синодом для создания сборника духовных законов их частных систематизаций. Подготовленное епископом Августинем «Полное

¹ Дорская А. А. Влияние церковно-правовых норм на развитие отраслей российского права. СПб.: Астерион, 2007. С. 47.

² Майков П. М. О своде законов Российской империи. СПб.: Тип. т-ва «Общественная польза», 1906. С. 73.

³ Корево Н. Н. Об изданиях законов Российской империи. 1830–1899. Сборник сведений об изданиях свода законов и Продолжений к нему, Полного собрания законов, Сводов военных и морских постановлений, а также об изданиях местных законов. СПб.: Гос. тип., 1900. С. 6.

⁴ Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801–1917 гг.: в 4 т. Т. 1. Высшие государственные учреждения / редкол.: Н. П. Ерошкин (отв. ред.), Д. И. Раскин (отв. сост.) и др. СПб.: Наука, 1998. С. 134–136.

⁵ Старостин Е. В. Архивы Святейшего Синода XVIII–XX вв. // Делопроизводство. 2008. № 3. С. 102–104.

собрание духовных законов Апостольской, Греко-Восточной, Православной, Всероссийской Святой Церкви Господа Бога и Спасителя нашего Иисуса Христа» включало 4843 документа в тринадцати томах и являлось наиболее полным сборником узаконений по церковной части. Составленное синодским чиновником Я. М. Гиновским «Оглавление законам греко-российской церкви» сосредоточило тематически систематизированные материалы по каноническому и церковному праву. Они показали отсутствие полноты исходной правовой и делопроизводственной документальной информации и не могли составить необходимую базу для систематизационных работ Синода¹.

В 1835–1836 гг. Синодом предпринята попытка решить проблему во взаимодействии со Вторым отделением через «составление полного собрания законов по духовной части»². Была создана межведомственная группа под руководством А. П. Куницына – чиновника Второго отделения, знающего правоведа и опытного систематизатора узаконений, который положил в основу решения проблемных вопросов подходы к систематизации общеимперского законодательства и опыт издания Полного собрания законов и Свода законов. Цель систематизации узаконений по духовной части состояла в том, чтобы «духовным присутственным местам и должностным лицам доставить благонадежное руководство при производстве дел духовного ведомства» посредством «особого Собрания законов по духовной части» с 1721 г. При этом разграничивалось каноническое и церковное право и предполагалось включить в собрания узаконения, относящиеся только к праву церковному; «все узаконения, в собрание принятые, относятся токмо до управления церковных дел, отнюдь не касаясь ни догматов веры, ни таинств православной церкви». Выделение отдельных форм духовных узаконений для их включения в Собрание законов по духовной части в общем плане основывалось на подходах к составлению Полного собрания законов Российской империи. Соответственно, было принято решение включать в собрание духовных законов четыре их формы: «постановления верховной власти и изданные Святейшим Синодом» – акты нормативно-правового характера; «определения Св. Синода по делам частным, предложенные к руководству в подобных же делах и на будущее время» – акты, устанавливающие правовой прецедент в решении дел; «разрешения Св. Синода в случаях, не предусмотренных ни каноническими правилами Восточной церкви, ни отечественными узаконениями» – акты толкования положений канонического и церковного права, а также светских узаконений по церковным делам; «указы Св. Синода епархиальным начальствам, излагающие способы приложения общих государственных законов к делам духовного ведомства» – акты подзаконного характера, устанавливающие порядок применения светских законов в деятельности церковных учреждений.

Составители собрания столкнулись с критикой высших иерархов Церкви. В заседаниях Святейшего синода было выражено несогласие с основополагающими подходами к созданию собрания: указано на неполноту содержащихся в нем актов и обращено внимание на «неблаговидность» ряда включенных для печати узаконений петровского правления. Николай I после доклада М. М. Сперанского о состоянии «дел по части духовных законов» повелел: «Собрание окончить, но издание отложить»³.

Частично проблемы систематизации законодательства в сфере церковного права решило издание в 1841 г. Устава духовных консисторий – кодифицированного акта, объединившего ранее изданные и сохранившие силу узаконения и детально регламентирующего деятельность специальных присутственных мест при епархиальных архиереях и поставивших их деятельность в правовые рамки специального законодательного акта. Устав включает 364 статьи, распределенные по четырем разделам, определяющим значение консисторий, регламентирующим деятельность епархиального управления и суда, обязанности по охранению и распространению православ-

¹ Барсов Т. В. О собрании духовных законов. СПб.: Тип. А. П. Лопухина, 1898. С. 4–30; Шахматов М. В., Кострицын Н. М. Обзор истории кодификации духовных правил и узаконений православной греко-российской церкви с конца XVIII столетия по настоящее время. М.: Сенатская тип., 1917. С. 20–27.

² Российский государственный исторический архив. Ф. 1261. Второе отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии. Оп. 1. 1835 г. Д. 15 «О составлении полного собрания законов по духовной части».

³ Барсов Т. В. Указ. соч. С. 30–42; Шахматов М. В., Кострицын Н. М. Указ. соч. С. 48–57.

ной веры, по богослужению, строительству и благоустройству храмов, по церковному хозяйству. Специальный раздел был посвящен епархиальному суду и производству в нем дел. Характерно, что в ст. 6 Устава были обозначены «основания епархиального управления», которые включали: источники канонического права («Закон Божий, в Священном Писании предложенный» и «Каноны и Правила Святых Апостол, Святых Соборов Вселенских и поместных и Святых Отец») и церковного права («Духовный Регламент и последовавшие за ним Высочайшие указы и Святейшего Правительствующего Синода» и «Уставы гражданские»)¹. Отмечая значение этого акта, современный исследователь правового регулирования положения церкви в России В. А. Цыпин подчеркивает, что «это своего рода „Духовный регламент“ епархиального управления»².

Указанная попытка издания Собрания духовных законов обострила и вопрос об упорядочивании источников канонического права. В 1834 г. в очередной раз была переиздана Кормчая книга в Никоновской редакции, что еще раз показало необходимость ее переработки: это далекий от совершенства перевод, каноны приводились в сокращенном виде, содержались вышедшие из употребления положения византийского церковного права и др. Поэтому в 1836–1839 гг. взамен Кормчей книги Синодом был издан основной источник канонического права Русской православной церкви – сборник церковных канонов под названием «Книга правил святых апостол, святых соборов вселенских и поместных и святых отец» на русском и греческом языках, который получил сокращенное название «Книга правил»³. Тем самым источники канонического права были выделены в отдельный акт и отделены от церковных узаконений.

Проблема систематизации духовных узаконений обострилась в 1850-е гг. Это явилось следствием того, что переиздания Свода законов Российской империи в 1842 и 1857 гг. вновь поставили проблему упорядочения узаконений по ведомству православной церкви. Начальник Второго отделения Блудов в 1840-е – середине 1850-х гг. неоднократно ставил вопрос о продолжении работ над «особыми сводами» (военных и морских постановлений и местных узаконений) и издании «свода духовных постановлений православного исповедания»⁴. При этом опять выяснилось, что решение проблемы упорядочения духовных узаконений, как и ранее, наталкивалось на неготовность Синода разработать соответствующий свод. Поэтому в императорском указе о третьем издании Свода законов Российской империи были вынуждены указать, что «ссылки на узаконения, принадлежащие к управлению духовных дел Православного исповедания... будут изданы также в виде особого Свода»⁵. Тем самым было еще раз подтверждено намерение верховной власти упорядочить духовные узаконения по образцу Полного собрания и Свода законов Российской империи и издать соответствующие акты систематизации церковного права – Полное собрание и Свод постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания.

Здесь важно подчеркнуть, что Синод явно проигрывал политически и организационно на фоне общего состояния работ по упорядочиванию законодательства в различных ведомствах. Систематизационные работы шли или активно разворачивались по другим управленческим направлениям: с 1839 г. начались издание Свода военных постановлений, подготовка Свода морских постановлений (издавался в 1887–1915 гг.). Ведомство народного просвещения с 1864 г. начало издавать акт хронологической инкорпорации в сфере его деятельности – «Сборник постановлений по Министерству народного просвещения». В 1869 г. был издан и по мере накопления нормативного материала переиздавался «Сборник постановлений и распоряжений, относящихся до Императорской академии наук и подведомственных ей ученых учреждений». В итоге был составлен «Свод уставов ученых учреждений и учебных

¹ Устав духовных консисторий. 27 марта 1841 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. второе. СПб., 1842. Т. XVI. Отд. 1. № 14409.

² Цыпин В. А. Каноническое право. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2009. С. 246.

³ Цыпин В. А. Книга правил // Православная энциклопедия. М., 2014. Т. 36. С. 116–117.

⁴ Шахматов М. В., Кострицын Н. М. Указ. соч. С. 64–72.

⁵ Именной указ «О третьем издании Общего Свода Законов Российской империи». 19 мая 1858 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. второе. СПб., 1860. Т. 33. Отд. 1. № 33140.

заведений ведомства Министерства народного просвещения», включенный в 1893 г. в Свод законов Российской империи (т. XI ч. I)¹.

Все это подталкивало Синод к активным действиям в наведении порядка в узаконениях по его ведомству. В нем безусловно констатировалось, что «архив Святейшего Правительствующего Синода включает в себе драгоценнейшее и единственное по своей полноте собрание материалов для истории Русской церкви и для нашего церковного законодательства, а также весьма богатые данные для многих сторон общественной и государственной жизни»². Но проблема была организационно сложной. В марте 1859 г. в официальных документах Синода отмечалось, что «архив представляет собой скопление документов – около 200 тыс. дел, хранившихся в неразобранном состоянии», в так называемых «связках», и был совершенно непригоден для поиска документов, а представлял собой «ни более, ни менее как беспорядочный склад дел, книг и даже вещей». В архивном помещении из четырех комнат «без соблюдения какой-либо системы было размещено свыше двухсот тысяч дел». Одновременно отмечалось, что архив «кроме прямого назначения служит справочными документами при разрешении вопросов, поступающих на разрешение Св. Синода, составляет еще драгоценные и в некоторых случаях единственные источники для истории Русской церкви и для церковного законодательства». На основе изучения вопроса был подготовлен план «разбора архива». В 1860–1865 гг. проходили работы по карточной каталогизации дел и тематических указателей к ним, в ходе которых выяснилась необходимость «надежного органа для проверки правильности производимых работ», поскольку «непосредственно занимавшиеся разбором дел лица были случайными работниками: не знали ни архивной техники, ни научных запросов к архиву и работали без всякого руководства, в меру своего личного разума и способностей»³.

Создание и деятельность Комиссии для разбора и описания дел Архива Святейшего синода как специального подразделения во второй половине 1860-х – 1910-е гг. переломило ситуацию в сфере упорядочения массива нормативно-правового материала по делам Русской православной церкви. В октябре 1865 г. начальник синодского архива Н. И. Григорович представил докладную записку обер-прокурору Синода гр. Д. А. Толстому, в которой предложил создать «временную особую комиссию», в ее составе должны быть «священник как лицо, специально знакомое с историей Русской церкви, статистик и археолог. Все эти лица могут положительно обсудить – подлежит ли дело уничтожению, или нет, т. е. имеет ли оно какой-нибудь научный, административный или статистический интерес». 1 ноября 1865 г. Синод рассмотрел вопрос и признал «разбор дел синодального архива мерою сколько полезною, столько и необходимою», а также принял решение «учредить для приведения в большую ясность и строгий порядок дел, хранящихся в Архиве, особую Комиссию», запросив на это «высочайшее соизволение». На основе «высочайше утвержденного» доклада обер-прокурора Синода 6 декабря 1865 г. было создано новое синодское подразделение – Комиссия для разбора и описания дел Архива Святейшего синода⁴. 14 января 1866 г. комиссия начала свою работу.

Комиссия непосредственно подчинялась обер-прокурору Синода. Персональный состав комиссии и изменения в ней утверждались Синодом, и ее члены работали на безвозмездной основе. Общие заседания комиссии в первые годы ее существования проводились по 1–2 раза в месяц, а затем 2–3 раза в год. На них рассматривались текущие дела, подготовленные издания, сведения «о мерах к сохранению вещественных и письменных памятников старины», отчеты членов и др. К деятельности комиссии на протяжении 1860–1910-х гг. были привлечены лучшие специалисты в области истории, богословия и юриспруденции. Более тридцати лет комиссию возглавлял А. Ф. Бычков – русский историк, археограф, библиограф, палеограф, академик Петербургской Академии наук, директор Императорской публичной библиотеки, член Го-

¹ Зипунникова Н. Н. Систематизация законодательства об образовании и науке в Российской империи (официальные сборники) // Юридическое образование и наука. 2007. № 4. С. 42–44.

² Предисловие // Описание документов и дел, хранящихся в Архиве Святейшего Правительствующего Синода. СПб., 1868. Т. 1. С. I.

³ Пятидесятилетие высочайше утвержденной Комиссии по разбору и описанию архива Святейшего Синода. 1865–1915. Историческая записка. Пг., 1915. С. 2–4.

⁴ Там же. С. 12–13.

сударственного совета. В состав комиссии входили чиновники Синода – начальник архива, обер-секретарь, члены духовно-учебного управления, а также священники – представители духовных и светских учебных заведений, члены Петербургской археографической комиссии и др.¹ Комиссия являлась своеобразным административно-научным подразделением Синода, сочетание в ней синодальных служащих и ученых позволяло обеспечить делопроизводство Синода необходимыми документами и способствовало активному изучению различных вопросов развития церковного управления и права для образовательной и научной деятельности. Тем самым систематизация духовных узаконений постепенно не только определилась в качестве направления деятельности Синода в русле реализации общей программы систематизации законодательства Российской империи, но и получила специальное синодское структурное подразделение для проведения систематизационных работ.

Деятельность комиссии регламентировали Правила для составления описания документов и дел Архива Святейшего синода. Ими к компетенции комиссии прежде всего относился разбор дел, которые предполагалось уничтожить после определения их ценности для административных практик и истории. Характерно, что именно по инициативе членов комиссии было принято решение «начать рассмотрение и описание дел в хронологическом порядке и лишь те из них представлять к уничтожению, которые признает сама не заслуживающими дальнейшего хранения в архиве». Описания состава архива были двух типов: инвентарные, создающие оглавление дел, и научные, которые «должны ознакомить читателя не только с ходом дела, но нередко с его подробностями» и всегда «со всем тем, что оно содержит в себе любопытного». Предписывалось основное внимание обращать «на данные, касающиеся истории Русской церкви, отводя второстепенное место гражданской истории», и «на данные, имеющие ценность для истории Св. Синода», а «при описании судебных дел, отличающихся большим делопроизводством, особого внимания заслуживают: порядок судопроизводства, встречающиеся в деле исторические сведения, даты и бытовые черты». Также устанавливались требования к археографической подготовке документов². Подготовленные к изданию тома утверждались на заседаниях Синода.

Научное направление деятельности комиссии вылилось в подготовку специального издания – «Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего правительствующего синода», пятьдесят томов которого увидели свет в 1868–1914 гг. В целом издание выступило публикацией источников по различным аспектам истории деятельности Русской православной церкви и охватило период 1542–1770 гг.³ Сама комиссия в заседании 26 января 1866 г., оценивая назначение издания, его разноплановость, подчеркивала: «Печатное Описание имеет удовлетворять запросам историка, юриста и администратора»⁴. Публикацию «Описаний...» планировалось завершить к 200-летию юбилею Синода, и комиссия не успела завершить свою работу в связи с октябрьскими событиями 1917 г. Характерно, что указанные основательно проработанные «научные описания» Архива составили прочную основу для изучения отражения в делах церковного права и стали основой для систематизации узаконений в указанной сфере.

Создание и издание Полного собрания постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания во второй половине 1860-х – 1910-е гг. стало существенным прорывом в упорядочении духовных узаконений. Этот акт систематизации нормативного материала в сфере церковного права был всецело связан с деятельностью указанной Комиссии для разбора и описания дел Архива Святейшего синода, которая в процессе научного описания синодских документов практически в первые месяцы работы обратилась к указанной проблеме. 9 марта 1866 г. председатель комиссии А. Ф. Бычков «указал на возможность составлять одновременно с „Описанием документов и дел“ сборник узаконений и распоряжений, касающихся

¹ Здравомыслов К. Я. Архив и библиотека Святейшего Синода и консисторские архивы. СПб.: Синодальная тип., 1906. С. 19–25.

² Правила для составления «Описания документов и дел Архива Святейшего Синода» // Пятидесятилетие высочайше утвержденной Комиссии по разбору и описанию архива Святейшего Синода. С. 401–402.

³ Описание документов и дел, хранящихся в Архиве Святейшего Правительствующего Синода. СПб., 1868–1914. Т. 1–50.

⁴ Пятидесятилетие высочайше утвержденной Комиссии по разбору и описанию архива Святейшего Синода. С. 61.

православной Церкви, в котором уже давно настоятельная необходимость». Одновременно Комиссия рассмотрела материалы о предшествующих попытках создать сборник духовных узаконений. Комиссия представила свои предложения синодальному обер-прокурору Д. А. Толстому, которые с его одобрения рассмотрел Святейший синод. Последний своими определениями от 25 августа 1867 г. и 24 января 1868 г. «разрешил комиссии приступить к составлению и к изданию такого собрания, дозволив ей при этом пользоваться хранящимися в синодальном архиве сборниками и указателями законов Русской церкви, составленными в прежнее время с ведома Святейшего синода¹. Немалое значение для этих работ имела и библиотека Синода, собрание которой включало тысячи томов по богословию, церковной истории, церковному праву и др.

Юридическая природа Полного собрания постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания находится на пересечении сложного комплекса проблем, стоявших перед верховной государственной властью в выстраивании правового регулирования государственно-церковных отношений в систему государственного управления и правового регулирования в Российской империи. Истоки этих процессов уходили в правление Петра I, когда произошли кардинальные изменения в устройстве Русской православной церкви. С ликвидацией патриаршества устанавливается коллегиальное управление православной церковью – Святейший синод, а основным законодательным актом по управлению и регулированию деятельности Церкви стал «Регламент, или Устав Духовной Коллегии». В последующие годы издаются акты, обеспечивающие детализацию государственно-церковных отношений: Устав воинский 1716 г., Морской устав 1720 г., Учреждение о губерниях 1775 г., Устав благочиния 1782 г. и др. Именно в синодальный период управления делами церкви происходит интенсивный процесс, при котором нормы канонического права «становились нормами церковного права, только если получали санкцию государства», а «церковное право являлось позитивным правом, источником которого являлось государство», отмечает А. А. Дорская². В XIX – начале XX в. происходит активный процесс интеграции церковного права в систему нормативного регулирования – отработка подходов к согласованию узаконений церковно-правового характера с общегосударственными. В ходе систематизации законодательства в 1826–1832 гг. узаконения о регулировании государственно-церковных отношений инкорпорируются в Полное собрание законов Российской империи, затем консолидируются и включаются в Свод законов Российской империи и в этой форме с вносимыми в узаконения коррективами используются в правоприменительных практиках.

Указанные процессы требовали представления официально упорядоченного нормативно-правового материала по делам церкви и его издания для нужд государственного управления и правоприменения, дальнейшего развития правовых оснований взаимодействия государства и церкви, изучения церковного права и его преподавания в учебных заведениях. Решению всех перечисленных проблем и должны были содействовать систематизационные работы в сфере церковного права. Не случайно по истечении пятидесяти лет деятельности Комиссии по разбору и описанию архива Святейшего синода констатировалось: «„Полное собрание“ дает текст постановлений и распоряжений высшего духовного правительства – Св. Синода – по делам церкви вообще и для отдельных епархий в частности: имеющих или историческое, или законодательное значение, начиная с духовного регламента и его дополнения; из него можно видеть, как последовательно складывалось и вырабатывалось известное постановление, какие оно имело изменения, пока не дошло до окончательной формы. По нему легко составить свод действующих узаконений по духовному ведомству или сборник циркулярных указов для руководства как в центральном, так и епархиальном делопроизводстве»³.

¹ Пятидесятилетие высочайше утвержденной Комиссии по разбору и описанию архива Святейшего Синода. С. 70–71.

² Дорская А. А. Эволюция места канонического (церковного) права в системе права России // Юриспруденция. 2010. № 2. С. 39.

³ Пятидесятилетие высочайше утвержденной Комиссии по разбору и описанию архива Святейшего Синода. С. 194.

Технико-юридические правила подготовки Полного собрания постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания складывались на протяжении почти тридцати лет и в своем развитии прошли три редакции. Первоначально Комиссия для разбора и описания дел Архива Святейшего синода для подготовки собрания духовных узаконений в начале 1869 г. подготовила правила его составления и общие основания отбора материалов¹. Они в своей основе ориентировались на сложившиеся еще со времени подготовки Полного собрания законов Российской империи (1826–1830 гг.) требования для отбора узаконений для актов систематизации, построенных на основе хронологического подхода к инкорпорации нормативно-правового материала. Одновременно учитывалась специфика нормативно-регулятивной деятельности и особенности форм нормативно-правовых документов, выступавших в качестве источников для составления данного издания.

После издания первых двух томов собрания «обнаружилась необходимость в более определенной и подробной программе, которая бы служила для составителей „Собрания“ и указателем того, что из материалов, Комиссии представляющихся, должно быть вносимо в „Собрание“ и что не должно в нем помещаться, как относящееся к „Описанию дел“ Архива Святейшего Синода». Вопрос был обсужден специально созданной комиссией, в итоге появился «Проект временных правил для составления Полного собрания постановлений и распоряжений по ведомству Православного исповедания», которые 6 сентября 1876 г. утвердил обер-прокурор Святейшего синода². Затем последовало обобщение опыта двадцати лет издания собрания, на основе его последовало уточнение подходов к составлению и изданию собрания. 31 июля 1897 г. император Николай II утвердил последнюю редакцию правил. Она представляет комплекс вопросов, отработанных в ходе систематизационных работ в Синоде с точки зрения как официального содержательно развернутого определения источников церковного права и предмета систематизации духовных узаконений, так и технико-юридических приемов создания данного акта³. На его основе выделим основные характеристики Полного собрания постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания как основного акта систематизации узаконений в сфере церковного права.

1. Собрание выступало в качестве хронологической инкорпорации нормативно-правового материала в сфере церковного права, относящегося к Русской православной церкви, и в общем плане исходило из общих принципов и требований, принятых еще при подготовке и издании первого Полного собрания законов Российской империи и дополненных впоследствии, соответственно, содержало ссылку на составленное М. М. Сперанским к нему предисловие⁴. При отборе документов для собрания предписывалось опираться на исторический подход к включению помещаемых в издание правовых актов и учитывать, что «смысл выражения: „ведомство Православного исповедания“, должен соответствовать объему области православного ведомства того времени, к которому относятся документы» (п. 1).

2. Иерархия источников церковного права и конкретные требования к актовому материалу для включения в собрание были выстроены достаточно четко. Особое внимание при составлении собрания уделялось соблюдению требования нормативности при отборе актов в соответствии с субъектом их издания и юридической силой узаконений. На официальном уровне эта проблема получила глубокую теоретико-практическую проработку впервые и показывает систему носителей нормативно-правовой информации в сфере церковного права.

3. Императорские акты стояли на первом месте и предписывалось «из Высочайших указов и повелений, данных по ведомству Православного исповедания, помещать

¹ Предисловие // Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания. СПб., 1869. Т. 1. С. VI–VII.

² Предисловие // Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания. СПб., 1875. Т. 3. С. I–VII.

³ Правила для составления «Полного собрания постановлений и распоряжений по ведомству Православного исповедания». 31 июля 1897 г. // Пятидесятилетие высочайше утвержденной Комиссии по разбору и описанию архива Святейшего Синода. С. 403–405. Далее цитируется данный источник.

⁴ Предисловие // Полное собрание законов Российской империи. Собр. первое. СПб., 1830. Т. I. С. III–XIX.

в „Собрании“ такие, которые имели значение и силу законов, но не распоряжений на частные и отдельные случаи, по поводу которых эти распоряжения для будущего времени ни примером не послужили, ни в постоянные правила не обратились». Из «категории законодательных памятников должны помещаться в „Собрании“ все, от Высочайшей воли исходящие, законодательные акты, содержание которых составляют: а) учреждение какого-либо установления в ведомстве Православного исповедания, б) изменение или дополнение какой-либо части учреждения (перемена, например, в устройстве епархии, изменение пределов одной или нескольких из них и т. п.), в) устав, наказ или инструкция установлению или должностному лицу, г) предоставление какому-либо должностному лицу права на пользование тем или другим преимуществом и д) распоряжение, данное по отдельному случаю, но получившее силу правила или примера для подобных случаев на будущее время». Соответственно, не должны были помещаться в собрании акты правоприменительного характера – «Высочайшие указы и повеления, в которых объявляется назначение лиц на устроенные уже должности, перемещение, увольнение и награждение их; распоряжение о вызове в Святейший синод какого-либо лица для допроса, исследования и т. п., о сочинении, переводе и отпечатании какой-либо книги, о назначении должностному лицу хотя постоянного, но не штатного жалованья, – и вообще всякое повеление, не могущее по самому своему содержанию служить правилом и законом для будущего времени» (п. 2).

4. Определения Святейшего правительствующего синода как государственного органа управления православной церковью предписывалось отбирать по принципу их подзаконного нормативного содержания и в собрании помещать акты: 1) «состоявшиеся на конференциях с Сенатом»; 2) «в которых заключается разъяснение именных указов и правительственных распоряжений касательно ведомства Православного исповедания»; 3) «в которых изъяснены: а) правила о распространении и утверждении учения веры (посредством проповедей, миссий, книг), о совершении таинств, обрядов и чинопоследований богослужения, о крещении иноверцев, о погребении умерших без исповеди и св. причащения, о церковной дисциплине (способы применения и виды церковных наказаний), об устройстве церковных установлений и т. п.; б) порядок назначения на церковные должности, правила церковного судопроизводства, делопроизводства в церковных установлениях и управления разными предметами церковного строя, сторонами церковной жизни и церковным хозяйством, порядок отправления повинностей и даней церковными установлениями и вотчинами синодального ведения и правила об отдаче в аренду монастырских имений; в) формы и виды отношений между церковными установлениями и должностными лицами; г) инструкции должностным лицам и установлениям; д) постановления, которыми предоставлены особые преимущества в церкви тому или другому лицу или установлению и е) примерные судебные решения». Соответственно, в собрание не должны вноситься «такие синодальные определения, в которых заключаются распоряжения о посылке подтвердительных указов, об определении лиц на устроенные должности и места, о награждении, перемещении и увольнении их, о вызове отдельных лиц в Св. Синод, о представлении в Св. Синод объявлений, донесений и справок по текущим делам, о сношениях с государственными учреждениями по частным случаям и т. д., – равно судебные решения, не получившие значения примерных». Тем самым определялся перечень актов нормативно-правового и правоинтерпретационного характера по ведомству православной церкви (п. 3).

5. Сенатские акты вносились в собрание по предмету регулирования церковных дел, «в которых содержатся правительственные распоряжения, имеющие непосредственное отношение к ведомству Православного исповедания и получившие значение обязательных в этом ведомстве законоположений» (п. 4).

6. Форма представления и оформления актов в собрании специально оговаривалась. Каждому издаваемому тому «должно предшествовать предисловие, т. е. руководящая статья, посвященная обзору, характеристике и исторической оценке содержащихся в том постановлений». При издании новых и переиздании томов «изданных, держатся, относительно заглавий каждого отдельного №, системы,

принятой в III-м томе, то есть: в заглавии каждого отдельного № означать исключительно содержание законодательного памятника без обозначения, к какому виду законодательных актов он относится» (не упоминая, именной ли это указ, сенатское ли ведение, синодальное ли определение). При издании новых томов «не повторять ни законодательных памятников, ни докладных статей, которые были уже напечатаны в предшествующих томах и которые встречаются в виде указаний и справок в предлагаемых к печатанию документах, но делать лишь на них, при печатании, ссылки с указанием № и страниц, где они отпечатаны». При переиздании уже вышедших томов собрания «вносить, в виде особых приложений, законодательные памятники, не вошедшие в первое издание, но заслуживающие, по сим правилам, места в „Собрании“, а уже «помещенные... в первом издании, хотя бы они и не соответствовали сим правилам, не исключаются из последующих изданий». При этом указывалось на необходимость сокращения при подготовке издания излишних материалов: «...так называемая „докладная часть“ – должна быть по возможности сокращаема и не достигать размеров печатания всего делопроизводства». Особо оговаривалось, что «при печатании актов XVIII века, по возможности, держаться старого правописания» (пп. 5–11).

Издание Полного собрания постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания началось в 1869 г. с предварительного его рассмотрения в Комиссии и по специальному определению Святейшего синода. Первый том предваряло краткое введение с изложением решений об издании собрания, хода предшествующих работ и изложение правил по формированию состава документов в издании. Первые два тома и накопленный опыт постепенно позволили выстроить структуру томов. Всего в 1869–1915 гг. было издано девятнадцать томов, которые содержали 8413 актов общим объемом почти 10 тыс. страниц. Тома содержали справочный аппарат: «Хронологический указатель» и «Азбучный предметный указатель», – а также специальную таблицу с указанием членов Святейшего синода, подписавших вошедшие в том постановления. При этом данное издание, в отличие от Полного собрания законов Российской империи, не имело общей схемы издания томов и было опубликовано своеобразными «собраниями»: первое состояло из десяти томов с актами за 1721–1741 гг., охватывало все акты правления от Петра I до вступления на престол Елизаветы Петровны; второе – в четырех томах – содержало духовные узаконения елизаветинского царствования (1741–1762 гг.); третье – узаконения периода царствования Екатерины II. Отдельным изданием без указания тома вышла публикация актового материала правления Павла I за 1796–1801 гг. Документы царствования Александра I не были изданы и готовилась к печати. При этом в 1915 г. был издан первый том правовых документов царствования Николая I за 1825–1837 гг., открыв тем самым издание нового собрания. Основным недостатком данного издания необходимо признать отсутствие строго выстроенной системы в подготовке и публикации его томов, растянувшейся на пятьдесят лет, его издание предполагалось завершить к 200-летию Синода. Общее представление о структуре собрания дает приведенная далее сводная таблица, характеризующая данный акт систематизации духовных узаконений¹.

Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи даже при определенной его незавершенности представляет собой уникальное собрание источников изучения церковного права, касающихся самых различных сторон деятельности Русской православной церкви в XVIII–XIX вв. Его предполагалось полностью издать к 1921 г. и на его основе приступить к созданию Свода постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. Но издание собрания и создание свода были прерваны революционными событиями 1917 г. Тем не менее данный акт систематизации духовных узаконений является ценным источником познания нормативно-правового регулирования государственно-церковных отношений и недостаточно используется в современных практиках изучения канонического и церковного права в юриспруденции и теологии.

¹ Данные представлены в авторской обработке на основе анализа издания Полного собрания постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания.

СТРУКТУРА
Полного собрания постановлений и распоряжений
по ведомству православного исповедания Российской империи

Том	Период	Номера узаконений	Количество узаконений	Год издания
Собрание первое				
I	1721	№ 1–336	336	1869
I (2-е изд.)	1721	№ 1–336	336 Доп. 13 за 1721 г.	1879
II	1722	№ 337–962	625	1872
III	1723	№ 963–1156	194	1875
IV	1724–1725/28.01	№ 1157–1468	312	1876
V	1725/28.01–1727/05.05.	№ 1469–1959	491	1881
VI	1727/08.05–1730/16.01	№ 1960–2275	316	1889
VII	1730/19.01–1732/23.12	№ 2276–2672	397 Доп. 30 за 1729/39 гг.	1890
VIII	1733–1734	№ 2673–2850	178	1898
IX	1736–1737	№ 2851–3168	318	1905
X	1738–1741/23.11	№ 3169–3765	597	1911
Собрание второе				
I	1741/25.11–1743	№ 1–517	517	1899
II	1744–1745	№ 518–944	427	1907
III	1746–1752	№ 945–1319	375	1912
IV	1753–1762/25.07	№ 1320–1770	451	1912
Собрание третье				
I	1762–1772	№ 1–671	671	1910
II	1773–1783	№ 672–1196	525	1915
III	1784–1796	№ 1197–1639	443	1915
Без №	1796–1801	№ 1–560	560	1915
Собрание четвертое				
I	1825/12.12–1835	№ 1–637	637	1915

Подводя итоги, обратим внимание на то, что во второй половине XIX – начале XX в. ситуация в вопросах систематизации узаконений в сфере церковного права изменилась коренным образом. Синод в русле продолжающихся работ по совершенствованию и переизданию Свода законов Российской империи и под определенным влиянием Второго отделения Собственной Е. И. В. канцелярии с середины 1860-х гг. существенно перестроил организацию систематизационных работ по своему ведомству. Были предприняты меры по наведению порядка в синодском Архиве, в 1865 г. последовало создание специального подразделения – Комиссии для разбора и описания дел Архива Святейшего синода, привлечены лучшие интеллектуальные ресурсы духовенства и светской науки для подготовки актов систематизации духовных узаконений. В результате этой деятельности с 1869 г. начало издаваться Синодом Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи, которое к 1915 г. включало девятнадцать томов с почти 8,5 тыс. узаконений. И хотя систематизационные работы в Синоде проходили менее динамично и системно, чем в практике упорядочивания узаконений на общегосударственном уровне, это ведомство уверенно шло к созданию базы для создания Свода

узаконений по духовной части, что и предполагалось осуществить после завершения издания Полного собрания.

Список литературы

- Барсов Т. В. О собрании духовных законов. СПб.: Тип. А. П. Лопухина, 1898. 70 с.
- Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801–1917 гг.: в 4 т. Т. 1. Высшие государственные учреждения / редкол.: Н. П. Ерошкин (отв. ред.), Д. И. Раскин (отв. сост.) и др. СПб.: Наука, 1998. 302 с.
- Дорская А. А. Влияние церковно-правовых норм на развитие отраслей российского права. СПб.: Астерион, 2007. 250 с.
- Дорская А. А. Эволюция места канонического (церковного) права в системе права России // Юриспруденция. 2010. № 2. 39 с.
- Здравомыслов К. Я. Архив и библиотека Святейшего Синода и консисторские архивы. СПб.: Синодальная тип., 1906. 61 с.
- Зипунникова Н. Н. Систематизация законодательства об образовании и науке в Российской империи (официальные сборники) // Юридическое образование и наука. 2007. № 4. 477 с.
- Именной указ «О третьем издании Общего Свода Законов Российской империи». 19 мая 1858 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. второе. СПб., 1860. Т. 33. Отд. 1. № 33140.
- Кодан С. В. Совершенствование законодательства в юридической политике Российского государства в первой половине XIX века: стратегические направления и общие результаты // Юридическая техника. 2015. № 9. С. 317–326.
- Корево Н. Н. Об изданиях законов Российской империи. 1830–1899. Сборник сведений об изданиях Свода законов и Продолжений к нему, Полного собрания законов, Сводов военных и морских постановлений, а также об изданиях местных законов. СПб.: Гос. тип., 1900. 165 с.
- Майков П. М. Второе отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии. 1826–1882. Исторический очерк. СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1906. 94 с.
- Майков П. М. О Своде законов Российской империи. СПб.: Тип. т-ва «Общественная польза», 1906. 276 с.
- Описание документов и дел, хранящихся в Архиве Святейшего Правительствующего Синода. СПб., 1868–1914. Т. 1–50.
- Предисловие // Полное собрание законов Российской империи. Собр. первое. СПб., 1830. Т. 1. С. III–XIX.
- Предисловие // Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания. СПб., 1869. Т. 1. С. VI–VII.
- Предисловие // Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания. СПб., 1875. Т. 3. С. I–VII.
- Пятидесятилетие высочайше утвержденной Комиссии по разбору и описанию архива Святейшего Синода. 1865–1915. Историческая записка. Пг., 1915. 454 с.
- Российский государственный исторический архив. Ф. 1261. Второе отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии. Оп. 1. 1835 г. Д. 15 «О составлении полного собрания законов по духовной части».
- Старостин Е. В. Архивы Святейшего Синода XVIII–XX вв. // Делопроизводство. 2008. № 3. С. 102–104.
- Устав духовных консисторий. 27 марта 1841 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. второе. СПб., 1842. Т. XVI. Отд. 1. № 14409.
- Цыпин В. А. Каноническое право. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2009. 864 с.
- Цыпин В. А. Книга правил // Православная энциклопедия. М., 2014. Т. 36. 751 с.
- Шахматов М. В., Кострицын Н. М. Обзор истории кодификации духовных правил и узаконений православной греко-российской церкви с конца XVIII столетия по настоящее время. М.: Сенатская тип., 1917. 81 с.

References

- (1830) Predislovie [Preface]. In *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii, poveleniem Gosudarya Imperatora Nikolaya Pavlovicha sostavlennoe. Sobranie Pervoe*. Saint-Petersburg, vol. I, pp. III–XIX.
- (1842) Ustav dukhovnykh konsistorii. 27 marta 1841 g. [The charter of the spiritual consistories. March 27, 1841]. In *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie vtoroe*. Saint-Petersburg, vol. XVI, chapter 1, no. 14409.
- (1860) Imennoi ukaz «O tret'em izdanii Obshchego Svoda Zakonov Rossiiskoi imperii». 19 maya 1858 g. [Personal decree «On the third edition of the General Code of Laws of the Russian Empire». May 19, 1858]. In *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie vtoroe*. Saint-Peterburg, vol. 33, chapter 1, no. 33140.

(1868) *Opisanie dokumentov i del, khranyashchikhsya v Arkhivе Svyateishogo Pravitel'stvu-yushchego Sinoda* [Description of documents and files stored in the Archive of the Holy Governing Synod]. Saint-Petersburg, vol. 1, 103 p.

(1869) Predislovie [Preface]. In *Polnoe sobranie postanovlenii i rasporyazhenii po vedomstvu pravoslavnogo ispovedaniya*. Saint-Petersburg, vol. 1, pp. VI–VII.

(1875) Predislovie [Preface]. In *Polnoe sobranie postanovlenii i rasporyazhenii po vedomstvu pravoslavnogo ispovedaniya*. Saint-Petersburg, vol 3, pp. I–VII.

(1915) *Pyatidesyatiletie vysochaishe utverzhdennoi Komissii po razboru i opisaniyu arkhiva Svyateishogo Sinoda. 1865–1915. Istoricheskaya zapiska* [The fiftieth anniversary of the most highly approved Commission for the Analysis and description of the archive of the Holy Synod. 1865–1915. Historical note]. Petrograd, 454 p.

Barsov T. V. (1898) *O sobranii dukhovnykh zakonov* [About the collection of spiritual laws]. Saint-Petersburg, Tipografiya A. P. Lopukhina, 70 p.

Dorskaya A. A. (2007) *Vliyaniye tserkovno-pravovykh norm na razvitie otraslei rossiiskogo prava* [The influence of Church legal norms on the development of branches of Russian law]. Saint-Petersburg, Asterion, 250 p.

Dorskaya A. A. (2010) *Evolutsiya mesta kanonicheskogo (tserkovnogo) prava v sisteme prava Rossii* [The evolution of the place of Canonical (Ecclesiastical) law in the Russian legal system]. In *Yurisprudentsiya*, no. 2, 39 p.

Eroshkin N. P., Raskin D. I., et al. (Eds.) (1998) *Vysshie i tsentral'nye gosudarstvennye uchrezhdeniya Rossii. 1801–1917 gg.: in 4 vols. Vol. 1. Vysshie gosudarstvennye uchrezhdeniya* [Higher and central state institutions of Russia. 1801–1917: in 4 vols, vol. 1. Higher State Institutions]. Saint-Petersburg, Nauka, 302 p.

Kodan S. V. (2015) *Sovershenstvovanie zakonodatel'stva v yuridicheskoi politike Rossiiskogo gosudarstva v pervoi polovine XIX veka: strategicheskie napravleniya i obshchie rezul'taty* [Improvement of legislation in the legal policy of the Russian state in the first half of the XIX century: strategic directions and general results]. In *Yuridicheskaya tekhnika*, no. 9, pp. 317–326.

Korevo N. N. (1900) *Ob izdaniyakh zakonov Rossiiskoi imperii. 1830–1899. Sbornik svedenii ob izdaniyakh Svoda zakonov i Prodolzhenii k nemu, Polnogo sobraniya zakonov, Svodov voennykh i morskikh postanovlenii, a takzhe ob izdaniyakh mestnykh zakonov* [On the publication of the laws of the Russian Empire. 1830–1899. Collection of information on the publications of the Code of Laws and its Sequels, the Complete Collection of Laws, Codes of Military and Naval Regulations, as well as on the publications of local laws]. Saint-Petersburg, Gosudarstvennaya tipografiya, 165 p.

Maikov P. M. (1906) *O Svode zakonov Rossiiskoi imperii* [About the Code of Laws of the Russian Empire]. Saint-Petersburg, Tipografiya tovarishchestva «Obshchestvennaya pol'za», 276 p.

Maikov P. M. (1906) *Vtoroe otdelenie Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva kantselyarii. 1826–1882. Istoricheskii ocherk* [The second branch of His Imperial Majesty's Own Chancellery. 1826–1882. Historical essay]. Saint-Petersburg, Tipografiya I. N. Skorokhodova, 94 p.

Shakhmatov M. V., Kostritsyn N. M. (1917) *Obzor istorii kodifikatsii dukhovnykh pravil i uzakonenii pravoslavnoi greko-rossiiskoi tserkvi s kontsa XVIII stoletiya po nastoyashchee vremya* [An overview of the history of the codification of the spiritual rules and legalizations of the Orthodox Greek-Russian Church from the end of the XVIII century to the present]. Moscow, Senatskaya tipografiya, 81 p.

Starostin E. V. (2008) *Arkhivy Svyateishogo Sinoda XVIII–XX vv.* [Archives of the Holy Synod of the XVIII–XX centuries.]. In *Deloproizvodstvo*, no. 3, pp. 102–104.

Tsy-pin V. A. (2009) *Kanonicheskoe pravo* [Canon law]. Moscow, Izdatel'stvo Sretenskogo monastyrja. 864 p.

Tsy-pin V. A. (2014) *Kniga pravil* [The Rule Book]. In *Pravoslavnaya entsiklopediya*, vol. 36, 751 pp.

Zdravomyslov K. Ya. (1906) *Arkhiv i biblioteka Svyateishogo Sinoda i konsistorskie arkhivy* [Archive and Library of the Holy Synod and Consistory archives]. Saint-Petersburg, Sinodal'naya tipografiya, 61 p.

Zipunnikova N. N. (2007) *Sistematizatsiya zakonodatel'stva ob obrazovanii i nauke v Rossiiskoi imperii (ofitsial'nye sborniki)* [Systematization of legislation on education and science in the Russian Empire (official collections)]. In *Yuridicheskoe obrazovanie i nauka*, no. 4, 477 p.

СООТНОШЕНИЕ ВНУТРИГОСУДАРСТВЕННОЙ ДЕЦЕНТРАЛИЗАЦИИ И МЕЖДУНАРОДНОЙ ИНТЕГРАЦИИ НА ПРИМЕРЕ ШОТЛАНДИИ

Юдин Павел Николаевич

Студент Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева (Екатеринбург), ORCID: 0009-0000-2282-4252, e-mail: pavel.yudin03@yandex.ru.

В статье представлен краткий обзор истории деволюции в Соединенном Королевстве Великобритании и Северной Ирландии на примере создания и развития региональных органов власти в Шотландии. Обозначается как схожесть присутствующего британской политико-правовой системе понятия «деволюция» с широко распространенным термином «децентрализация государственной власти», так и особенности первого. Автор отмечает значительность объема полномочий, которыми были наделены региональные органы власти в ходе деволюции, а также индивидуализированность этого объема для каждого региона. Приводится краткий анализ нормативных правовых актов Парламента Соединенного Королевства, изданных с 1998 по 2016 г. и определивших статус шотландских органов власти, особое внимание уделяется неудачной попытке деволюции, предпринятой в 1978–1979 гг. Одновременно с этим оценивается роль нахождения (до 2020 г.) Соединенного Королевства в Едином рынке Европейского союза и вытекавшего из этого влияния норм международного права, действующих на территориях всех государств-членов Европейского союза, сдерживающего процессы децентрализации и предотвращающего распад единого экономического и политического пространства. Автор отмечает, что главное различие между унитарными и федеративными государствами заключается в способе закрепления полномочий за региональными органами государственной власти, а не в их объеме.

Ключевые слова: Шотландия, Соединенное Королевство, Великобритания, территориальное устройство, децентрализация, деволюция, интеграция, европейская интеграция, Европейский союз

Для цитирования: Юдин П. Н. Соотношение внутригосударственной децентрализации и международной интеграции на примере Шотландии // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2023. № 6. С. 96–107. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2023_6_96.

INTER-STATE DECENTRALIZATION VS. INTERNATIONAL INTEGRATION: SCOTLAND'S EXAMPLE

Yudin Pavel

Student, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (Yekaterinburg), ORCID: 0009-0000-2282-4252, e-mail: pavel.yudin03@yandex.ru.

The article provides a brief overview of the history of devolution in the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland using the example of the creation and development of devolved authorities in Scotland. Both similarities and differences of the concept of «devolution» inherent in British politics and law with the more common term «decentralization of state power» are indicated. The author notes the significance of the scope of powers that devolved authorities were given, as well as the individualization of this volume for each single region. An analysis of the normative legal acts of the Parliament of the United Kingdom, issued from 1998 to 2016 and defining the status of Scottish authorities, is given, with special attention being paid to the unsuccessful devolution attempt undertaken in 1978–1979. At the same time, the role of the United Kingdom's membership (until 2020) in the Single Market of the European Union and the resulting effect of the norms of international law in force on

the territories of all member States of the European Union, limiting the consequences of decentralization and preventing the collapse of the single economic and political space, is being assessed. The author notes that the main difference between unitary and federal states lies in the way in which powers are transferred to devolved authorities, not in their scope.

Key words: Scotland, United Kingdom, Great Britain, territorial organization, decentralization, devolution, integration, european integration, European Union

*For citation: Yudin P. (2023) Inter-state decentralization vs. international integration: Scotland's example. In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu»*, no. 6, pp. 96–107. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2023_6_96.*

Процесс «деволюции», в том числе в Шотландии, многогранен и демонстрирует различия подходов к децентрализации, принятых в Великобритании и России.

В англоязычных источниках под деволюцией может подразумеваться любая передача полномочий от центральных органов государственной власти органам региональным или местным¹. Данный процесс противопоставляется централизации системы органов государственной власти и унификации правовых норм, проходившей в большинстве европейских стран вплоть до конца XX в., когда возобладала тенденция децентрализации государственного управления.

В русскоязычных источниках сложилась практика использования термина «деволюция» преимущественно по отношению к процессу политико-правовой децентрализации в Соединенном Королевстве Великобритании и Северной Ирландии, а именно в Северной Ирландии, Шотландии, Уэльсе. Это позволяет подчеркнуть отличие британской децентрализации от аналогичных процессов в других государствах. Особенность деволюции состоит в значительном объеме полномочий, предоставленных региональным органам власти с учетом конкретных особенностей каждого региона. Соединенное Королевство продолжает считаться унитарным государством, поскольку, в отличие от федераций, полномочия региональных органов власти могут быть отозваны Парламентом как высшим «общebritанским» органом власти в любой момент.

Такой подход к распределению реальных властных полномочий, позволяющий проводить децентрализацию при сохранении унитаризма и единства системы органов государственной власти, может послужить поводом к дискуссии о распределении властных полномочий в федеративном государстве, в частности, относимых к предметам совместного ведения. Помимо самого процесса деволюции рассмотрим, каким образом на его ход повлияло как нахождение Соединенного Королевства в числе государств-членов Европейского союза, так и выход из него.

Изучение деволюции на примере отдельно взятой Шотландии обусловлено уникальным положением данного региона, отличающегося наличием отдельной правовой системы, а также более быстрым и резким, чем в Уэльсе, ее ходом². При этом деволюция в Шотландии, в отличие от Северной Ирландии, не была сопряжена с вооруженным конфликтом и напряженной международной обстановкой.

Прежде всего, необходимо обратить внимание на условия вхождения Шотландии в состав единого государства, составляющие основу ее конституционно-правового статуса.

Условия создания единого Королевства Великобритания, обозначенные в Договоре об унии³ от 22 июля 1706 г., были подтверждены соответствующими актами английского и шотландского парламентов⁴. В научной среде сложилось вполне спра-

¹ *Hauss Ch. Surrey County Council: Devolution deal confirmed by Jeremy Hunt. 2024. 6 March. URL: <https://www.britannica.com/topic/devolution-government-and-politics> (дата обращения: 16.11.2023).*

² О деволюции в Уэльсе см.: Юдин П. Н. Нормативно-правовые акты, определяющие правовое положение Уэльса в составе Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии в исторической ретроспективе // *INTERNATIONAL & DOMESTIC LAW: материалы XVI Ежегодной междунар. конф. по национальному и международному праву / отв. за вып. А. В. Галиулина. Екатеринбург, 2022. С. 124–130.*

³ В оригинале – Treaty of Union. Иной вариант перевода – «Договор о союзе» или «Договор о соединении».

⁴ В современных источниках закрепилось название «Старый шотландский парламент» (англ. Old Scottish Parliament).

ведливое мнение, согласно которому Уния 1707 г. привела к созданию унитарного государства, а если быть точнее, в результате «объединения Шотландия стала составной частью унитарного государства, сохранив при этом определенную степень конституционной идентичности»¹.

После заключения Унии учреждались центральные органы государственной власти Великобритании. Единым для всего нового государства представительным и законодательным органом стал Парламент Великобритании (ст. III²), а в отношении престолонаследия применялся английский Акт об устройении 1701 г. (ст. II).

Все нормативные правовые акты (Laws and Statutes), противоречащие условиям объединения королевств, объявлялись недействительными (ст. XXV). Шотландские законы, затрагивающие торговые пошлины и акцизы, заменялись соответствующими законами Английского королевства (ст. XVIII), а законы, противоречащие условиям объединения, утрачивали юридическую силу (ст. XXV).

Прочие шотландские законы сохраняли свое действие и после объединения. Но в зависимости от предмета регулирования устанавливались условия их замены законами, принятыми уже общепарламентским Парламентом. Законодательство, затрагивающее «публичное право и публичную администрацию», могло быть полностью заменено актами Парламента Великобритании. В то же время массив законодательных актов, посвященных частному праву, не затрагивающих торговые пошлины и акцизы и не противоречащих условиям Договора об Унии, может быть изменен только в случае «очевидной пользы подданных в пределах Шотландии» (ст. XVIII).

Статья XIX определяла основы шотландской системы судов, оставшейся отдельной от системы судов Англии и Уэльса в силу различия их правовых режимов.

Рассматривая условия Унии 1707 г. и возникшее правовое положение Шотландии, во многом сохраняющееся по сей день, можно сказать, что «в унитарном государстве, особенно в ситуации, когда в основе его появления лежит договорное начало (хотя и не выраженное в форме международного договора), возможно наличие территориальных единиц с неизменным конституционно-правовым статусом...»³.

Данная особенность сближает административно-территориальное устройство Соединенного Королевства с административно-территориальным устройством федеративного государства, основанного на идее невозможности изменения конституционно-правового статуса субъектов федеративных отношений без их согласия⁴.

Первыми нормативными правовыми актами, предусматривающими создание региональных представительных органов в Уэльсе и Шотландии, стали Акт об Уэльсе⁵ и Акт о Шотландии⁶ (далее – Акт 1978 г.), принятые Парламентом Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии в 1978 г.

Двумя главными региональными органами государственной власти, осуществляющими свои полномочия на территории всей Шотландии, были избираемая населением Шотландская ассамблея и Исполнительный орган Шотландии (Scottish Executive), состоящий из Первого секретаря, избираемого Ассамблеей, и шотландских секретарей.

Не касаясь выяснения точного порядка формирования шотландских органов власти и не приводя полный перечень их полномочий, ограничимся перечислением основных положений Акта 1978 г. и роли рассматриваемых органов в отдельных сферах жизни общества.

Ассамблея получала право принятия так называемых актов (подраздел⁷ 1 раздела⁸ 1). Акты Ассамблеи могли предусматривать даже изменение положений или отмену

¹ Молчаков Н. Ю. Конституционно-правовой статус Шотландии сквозь призму британского регионализма. К очередному юбилею Акта о Соединении 1707 г. // Московский журнал международного права. 2017. № 2. С. 161–173.

² Здесь и далее указаны статьи Акта об унии с Шотландией 1706 г. (Union with Scotland Act 1706). URL: <https://www.legislation.gov.uk/aep/Ann/6/11/contents> (дата обращения: 10.11.2023).

³ Молчаков Н. Ю. Указ. соч. С. 164.

⁴ Конституционное право России: учеб. / отв. ред. А. Н. Кокотов, М. С. Саликов. 2-е изд., перераб. М.: Норма; ИНФРА-М, 2023. С. 222.

⁵ Wales Act 1978. URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1978/52/contents/enacted> (дата обращения: 10.11.2023).

⁶ Scotland Act 1978. URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1978/51/contents/enacted> (дата обращения: 10.11.2023).

⁷ В оригинале – Subsection. Далее – «подр.».

⁸ В оригинале – Section. Далее – «р.».

действия актов Парламента Соединенного Королевства (подр. 2 р. 17), но при этом обладали юридической силой лишь «в пределах законодательной компетенции Ассамблеи» (подр. 1 р. 1), определяемой в Приложениях 2, 6, 10 к Акту, содержание которых рассмотрено далее.

Полномочия в сфере исполнительной власти, затрагивающие территорию Шотландии и реализуемые от имени монарха на момент принятия Акта министрами Короны и затрагивающие «делегируемые сферы», переходили к шотландским секретарям (подр. 1 р. 21, подр. 1 р. 22).

Приложение 4 к Акту предусматривало ситуации, в которых шотландские секретари могли совершать юридически значимые действия только с согласия Короны, а также указывало на предметы правового регулирования, по которым компетенция осуществлялась как шотландскими секретарями, так и Государственным секретарем по делам Шотландии.

Вообще, сфера компетенции шотландских органов власти согласно Акту 1978 г. состояла из широкого, но все же закрытого перечня рассматриваемых вопросов, т. е. был применен разрешительный тип правового регулирования. Разграничение «делегируемых»¹ и «удержанных» сфер² проводилось в Части³ IV.

В случаях, определенных Приложением 6, положения акта Ассамблеи не могли быть приняты без согласия Государственного секретаря по делам Шотландии, выступающего от лица Короны (р. 24). В число этих случаев входило принятие любых положений, затрагивающих имущество, принадлежащее на праве собственности Короне (параграф⁴ 3 Приложения⁵ 6), либо уполномочивающих или обязывающих какое-либо лицо действовать от имени Короны или прекращающих такое право или обязанность (пп. «с», «d» пар. 5 прил. 6).

Стоит отметить, что перечень предметов правового регулирования шотландских секретарей был шире, чем у Шотландской ассамблеи. Законодательная компетенция Ассамблеи определялась кругом вопросов, обозначенных в ч. 1 прил. 10 (подр. 2 р. 63), в то время как полномочия шотландских секретарей – не только ч. 1 прил. 10, но и прил. 11 и иными положениями Акта (подр. 3 р. 63).

По сути, Шотландский секретарь, осуществляющий нормотворческую деятельность на основании Приложения 11 к Акту 1978 г., должен был лишь конкретизировать положения актов Парламента Соединенного Королевства в целях правоприменения.

Тем не менее, какой бы широкой ни была компетенция шотландских органов власти, Акт 1978 г. содержал весьма мощный механизм их ограничения даже в «делегируемых сферах». Из компетенции шотландских органов государственной власти полностью исключались вопросы международных отношений (подр. 1, 2 р. 64 ч. IV), т. е. Шотландская ассамблея никак не могла бы воспрепятствовать властно-правовыми способами распространению действия каких-либо норм международного права на территорию Шотландии, так как согласие на обязательность данных норм выражалось от лица Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии.

Государственный секретарь по делам Шотландии также мог потребовать от Шотландского секретаря совершения юридически значимых действий, если, по его мнению, это бы потребовалось для выполнения международных обязательств Соединенного Королевства, в том числе вытекающих из членства в Европейских сообществах (п. «b» подр. 2 р. 39), либо, напротив, воспрепятствовать их совершению, если действия Шотландского секретаря затрагивали «удержанные» сферы (подр. 1 р. 39) или противоречили международным обязательствам государства (п. «a» подр. 2 р. 39) либо публичным интересам (подр. 1 р. 39). Возможность отмены распространялась и на подзаконные акты шотландских секретарей (р. 40).

¹ «Делегируемыми» сферами (англ. devolved matters) называются те сферы и отдельные вопросы общественной жизни, законодательное регулирование в которых осуществляется и Парламентом Соединенного Королевства, и представительным органом, действующим в соответствующем регионе.

² «Удержанными» сферами (англ. reserved matters) называются те сферы и отдельные вопросы общественной жизни, законодательное регулирование в которых осуществляется исключительно Парламентом Соединенного Королевства, а органы государственной власти соответствующего региона не обладают собственными полномочиями.

³ Далее – «ч.».

⁴ Далее – «пар.».

⁵ Далее – «прил.».

Королевский министр в рамках предмета своей компетенции, если бы он пришел к выводу о необходимости издания подзаконного акта с целью исполнения международных обязательств Соединенного Королевства, в том числе вытекающих из членства в Европейских сообществах, имел право издать такой акт даже по вопросам, входящим в «переданные» шотландским секретарям «сферы».

Нужно отметить, что право Европейских сообществ уже в 1978 г. охватывало широкий круг вопросов как сотрудничества в развитии ядерной энергетики, так и обеспечения свободы перемещения товаров, услуг и рабочей силы в пределах территории стран-членов Европейского экономического сообщества. Рассмотрим соотношение норм права на конкретном примере. Акт 1978 г. предусматривал распространение компетенции шотландских органов власти на следующие сферы жизни человека и общества: рыболовство и охрана рыболовных ресурсов, профилактика и лечение заболеваний и т. д. (ч. I прил. 10). Но в исключительном ведении органов государственной власти Соединенного Королевства оставались: контроль за оборотом лекарственных препаратов, продуктов питания, контроль за заболеваниями растений и животных, включая рыбу, и т. д. (ч. II прил. 10). Наконец, на эти вопросы распространялись нормы международного права, принятые в рамках Европейского экономического сообщества, обеспечивающие свободу перемещения товаров и услуг, в том числе в сфере рыболовства и распределения его продуктов (например, запрет на промышленную ловлю атлантической сельди, кроме как в целях потребления ее населением¹), обязательные как для шотландских, так и для «общebritанских» органов государственной власти. Таким образом, «центр» мог ограничить степень самостоятельности регионов, выражая согласие на обязательность норм международного права, среди которых особую роль уже в 1978 г. играли нормы, принятые в Европейском экономическом сообществе и других Европейских сообществах.

Тем не менее «в январе 1979 г. членами палаты общин была одобрена с результатом 168 голосов „за“ и 142 „против“ поправка лейбориста Джорджа Каннингема к Шотландскому акту 1978 г., согласно которой данный закон должен был быть аннулирован в том случае, если число избирателей, проголосовавших „за“, составит менее 40 % от всех допущенных к голосованию. Предложения сторонников деволуции отменить данную поправку были отклонены большинством голосов. По результатам проведенного 1 марта 1979 г. референдума, 51,6 % избирателей поддержали реформы, однако количество голосов „за“ соответствовало лишь 32,8 % от общего числа потенциальных избирателей, что, согласно вышеупомянутой поправке, не давало возможности»² создать Шотландскую ассамблею и Исполнительный орган, а действие самого Акта 1978 г. было прекращено соответствующим указом в совете³ от 26 июля 1979 г.⁴

Примечательность попытки деволуции 1978 г. заключается в том, что свобода действий региональных органов власти должна была ограничиваться не только национальным законодательством, но и правом Европейских сообществ, которое выделялось из общей массы положений международных договоров Соединенного Королевства. Вместе с тем именно после вступления в силу Акта о Европейских сообществах 1972 г.⁵, распространившего на Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии действие правовых норм Европейского экономического сообщества, Парламент принял акты о деволуции 1978 г., которыми создал парламенты «в миниатюре» – региональные представительные органы, обладавшие правотворческими

¹ Council Regulation (EEC) No 2115/77 of 27 September 1977 prohibiting the direct fishing and landing of herring for industrial purposes other than human consumption. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A31977R2115&qid=1699986372405> (дата обращения: 16.11.2023).

² Ноздрачёв Е. В. Концепция деволуции в новейшей истории Великобритании // Ученые записки Орловского государственного университета. Сер. Гуманитарные и социальные науки. 2015. № 5. С. 56.

³ В предыдущей статье автором использовался вариант перевода «Приказ в Совете». За указание на ошибочность такого перевода выражаю благодарность Дарье Александровне Ледянкиной. Об избранном варианте перевода см.: Англо-русский юридический словарь. Ок. 50 000 терминов / С. Н. Андрианов, А. С. Берсон, А. С. Никифоров. М.: АБИ Пресс, 2009. 560 с.

⁴ The Scotland Act 1978 (Repeal) Order 1979. URL: <https://www.legislation.gov.uk/uksi/1979/928/contents/made> (дата обращения: 16.11.2023).

⁵ European Communities Act 1972. URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1972/68/enacted> (дата обращения: 30.11.2023).

полномочиями, пусть и ограниченными как по предметному, так и по территориальному признаку.

Первым нормативным правовым актом, действительно заложившим основы деволюции в Шотландии, стал Акт о Шотландии 1998 г. (далее – Акт 1998 г.)¹, принятый Парламентом Соединенного Королевства по итогам соответствующего референдума, проведенного в Шотландии в 1997 г. Данный Акт с многочисленными изменениями и по сей день является основным источником правовых норм, регулирующих строение шотландских органов государственной власти и их взаимодействие с центральными органами государственной власти Соединенного Королевства, наряду с актами об унии 1706 и 1707 гг., которые продолжают свое действие в части, не противоречащей Акту 1998 г. (р. 37).

Акт 1998 г. учреждал новый Шотландский парламент, избираемый населением Шотландии (подр. 2, 3) и имеющий право принятия юридически обязательных актов в рамках своей «законодательной компетенции» (р. 28, 29), обозначенной Актом 1998 г. Акты Шотландского парламента не могут затрагивать «делегированные сферы», указанные в прил. 5 к Акту, если только само Приложение не содержит исключения из данной «сферы». Вопрос, входящий в данное исключение, соответственно, входит и в «законодательную компетенцию» Шотландского парламента. Таким образом, Акт 1998 г. в отношении Шотландского парламента применяет общедозволительный тип правового регулирования.

Также Акт 1998 г. предусматривал создание Исполнительного органа Шотландии² во главе с Первым министром – членом Шотландского парламента, утвержденным в должности монархом по представлению Шотландского парламента (р. 45, 46), ответственным *de jure* как перед монархом, так и перед Парламентом. Компетенция Правительства не может выходить за рамки вопросов, включенных в «законодательную компетенцию» Шотландского парламента (р. 54, подр. 2).

Собственно «удержанные» сферы и исключения из них указаны в прил. 5 к Акту 1998 г. В их число входят такие конституционно значимые категории, как вопросы престолонаследия и «Союза королевств Англии и Шотландии», регистрации и финансирования политических партий, международных отношений, обороны «королевских владений» и устройства вооруженных сил; фискальной политики (за исключением *devolved taxes* – «переданных налогов»), монетарной политики, иммиграции, подданства, убежища, экстрадиции (ч. 1).

Акты Шотландского парламента не могут противоречить нормам, закрепленным в Европейской конвенции по правам человека. До 2020 г. эти акты не могли противоречить и «праву Сообществ» (Community law), т. е. праву Европейских сообществ, ныне Евратома и ЕС (п. «d» пар. 29). Тем не менее на шотландские органы власти могут быть возложены обязанности по исполнению положений ЕКПЧ, международных договоров Соединенного Королевства (до 2020 г. и «права Сообществ») (подпараграф³ 2 пар. 7 ч. I прил. 5).

В исключительном ведении Парламента Соединенного Королевства также оставались вопросы дальнейшего существования Высокого суда в качестве суда первой и апелляционной инстанций по уголовным делам и Суда сессий в качестве суда первой и апелляционной инстанций, рассматривающего гражданские права на территории Шотландии (пп. «d», «e» пар. 1 ч. I). Вопросы криминализации наиболее тяжких преступлений (treason), установления возможной меры наказания, как и декриминализации, также не могли разрешаться Шотландским парламентом (пар. 10 ч. I).

В сфере экономики из ведения шотландских органов государственной власти до сих пор выведены области интеллектуальной собственности (за исключением селекционных достижений), импорта, экспорта и перемещения по территории Шотландии товаров (за исключением пищевых продуктов), животных и растений (не принадлежащих к вымирающим видам), продуктов животноводства и растениеводства, кормов, удобрений и пестицидов, рыболовства (с определенными изъятиями), вопросы устройства системы мер и весов, почты (глава⁴ C, здесь и далее – ч. II прил. 5).

¹ Act of Scotland 1998. URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1998/46/contents/enacted> (дата обращения: 16.11.2023).

² С 2012 г. Шотландское правительство (Scottish Government).

³ Далее – «подп.».

⁴ Далее – «гл.».

За некоторыми исключениями, шотландским органам власти воспрещалось вмешиваться в области энергетики (гл. D), транспорта (гл. E), трудовых отношений (гл. H), социального обеспечения, кроме выплат по уходу за детьми, алиментов и др. (гл. F), в вопросы установления требований к деятельности архитекторов и лиц, занятых в сфере здравоохранения (гл. G) (в дальнейшем полномочия шотландских органов власти были расширены). При этом основная часть вопросов организации системы здравоохранения не была охвачена Приложением, а Шотландский парламент, следовательно, мог разрешать эти вопросы путем издания законодательных актов. В исключительном ведении центральных органов государственной власти Соединенного Королевства находятся вопросы ксенотрансплантации, эмбриологии, оборота лекарств и ядов, медицинских расходных материалов (гл. J), телерадиовещания (гл. K), исчисления времени (за исключением вопроса об установлении праздничных нерабочих дней), деятельности в космосе (гл. L).

Также прил. 4 к Акту 1998 г. содержит в себе перечень нормативных правовых актов, принятых Парламентом Соединенного Королевства, изменения в которые не могут быть внесены актом Шотландского парламента. В данный перечень были включены, в частности, ст. 4 и 6 Акта об унии с Шотландией 1706 г. и Акта об унии с Англией 1707 г. в той их части, что относится к свободе торговли (п. «а» подп. 2), а также Акт о правах человека 1998 г., вводящий в национальное законодательство перечень прав и свобод, гарантированных Европейской конвенцией по правам человека, и др. До 2020 г. такое же ограничение распространялось на Акт о Европейских сообществах 1978 г. Также Шотландский парламент и региональные органы исполнительной власти не могут, по общему правилу, вносить изменения в Акт о Шотландии 1998 г. (подп. 1).

На основании того, что данные сферы остаются в исключительном ведении Парламента Соединенного Королевства, можно сделать вывод, что Шотландия не располагает никаким суверенитетом, поскольку региональные органы власти не могут принимать властных решений по вопросам нахождения в составе Соединенного Королевства, государственного устройства и т. д.

Говоря о полномочиях центральных и высших органов государственной власти Соединенного Королевства, нужно упомянуть, что любой принятый Шотландским парламентом закон для вступления в юридическую силу должен получить «королевское одобрение» – *Royal Assent* (р. 28). При этом, если у Государственного секретаря по делам Шотландии (министр Правительства Соединенного Королевства) имеются достаточные основания полагать, что принятый Шотландским парламентом закон противоречит каким-либо международно-правовым обязательствам или интересам обороны или национальной безопасности либо вносит изменения в массив правовых норм, относящихся к «удержанным» сферам, оказывая тем самым «неблагоприятное влияние» на действие норм права, относящегося к таким «сферам», Государственный секретарь может запретить представление закона на получение «королевского одобрения» (р. 35). Данный запрет на представление закона является своеобразной заменой института королевского вето¹.

Монарх может внести через указ в совете поправки в прил. 4 и 5 к Акту 1998 г., ограничивающие полномочия шотландских органов власти (р. 30). Также монарх может посредством указа в совете передать какие-либо функции королевского министра, осуществляемые в отношении Шотландии, шотландским министрам либо обязать королевского министра осуществлять данную функцию только после консультации с шотландскими министрами, или с их согласия, или совместно с ними (подр. 1 р. 63).

В то же время Акт 1998 г. никак не ограничивает право Парламента Соединенного Королевства издавать законы, действующие на территории Шотландии. Однако это право ограничивается носившим с 1999 по 2016 г. характер конституционного обычая «соглашением Сьюэла», по имени лорда Сьюэла (Lord Sewel), министра правительства Соединенного Королевства, который во время прохождения в парламенте Акта о Шотландии дал обязательство, что «Вестминстер не будет в обычном порядке зако-

¹ Раздел 35 Акта 1998 г. применялся лишь однажды, в 2023 г., и никогда на основании противоречия международным обязательствам.

нодательствовать по делегированным Шотландии вопросам без согласия шотландского парламента»¹.

Можно сказать, что и Акт 1978 г., и Акт 1998 г. не предусматривали превращения Шотландии в субъект федеративных отношений. Шотландские органы власти, несмотря на значительную свободу действий, ведут свою работу на основании правовых актов, принятых Парламентом Соединенного Королевства.

Актом о Шотландии 2012 г.² внесены изменения в «законодательную компетенцию» Шотландского парламента; в частности, в перечень «удержанных» сфер были включены вопросы правового регулирования, связанные с деятельностью в Антарктике.

Введено правило, по которому положение акта Шотландского парламента, регулирующее вопросы, исключенные из «законодательной компетенции» Шотландского парламента, не утрачивает автоматически свою юридическую силу, если закон, изменяющий «законодательную компетенцию», не предусматривает обратного (р. 9).

Таким образом, был создан механизм разрешения правовых коллизий, возникающих при законодательном сокращении компетенции шотландских органов власти, пусть и примененный лишь однажды. Тем не менее этот факт показывает возможность сокращения объема прав региональных органов власти в случае необходимости передачи того или иного вопроса на общегосударственный уровень.

Исполнительный орган Шотландии, переименованный в Шотландское правительство (подр. 1 р. 12), также несколько расширил перечень своих функций. В частности, шотландские министры получили полномочия по изданию подзаконных актов, регулирующих вопросы назначения врачами *controlled drugs* – лекарственных средств, ограниченных в обороте по причине наличия в их составе наркотических или психотропных веществ (The Misuse of Drugs Act 1971³, р. 10, подр. 2В, введенный подр. 2 р. 19). Шотландские министры стали ответственны за принятие подзаконных актов, устанавливающих ограничения на использование *special roads* – дорог, предназначенных для передвижения только отдельных категорий транспортных средств⁴ (подр. 4 р. 21), а также устанавливающих ограничения скорости для определенных классов транспортных средств на всех дорогах в Шотландии (подр. 11 р. 21).

Можно заметить, что передаваемые шотландским министрам функции остаются вне «законодательной компетенции» Шотландского парламента. Соответствующие министры выступают в данных случаях как часть общebritанской системы органов исполнительной власти Соединенного Королевства, а не шотландских органов государственной власти.

Самые же важные изменения произошли в фискальной политике. Закреплены так называемые «переданные налоги», вводимые и регулируемые шотландскими органами власти: налог на операции с земельными участками, включая приобретение права собственности или иных правомочий (р. 28), и налог на размещение мусорных свалок на территории Шотландии (р. 30). Наконец, указом в совете могут быть внесены изменения в ч. 4А, предусматривающие возможность введения новых «переданных налогов» (р. 23).

Последним законодательным актом, особо посвященным шотландской деволюции и крупным изменениям Акта 1998 г., стал Акт о Шотландии 2016 г. (далее – Акт 2016 г.⁵).

В ч. 1 Акта 2016 г. Шотландский парламента и Шотландское правительство были признаны «постоянной частью конституционного устройства Соединенного Королевства». Провозглашается, что эти органы государственной власти могут быть упразднены не иначе, как «на основе решения народа Шотландии, выраженного на референдуме» (введено р. 1; здесь и далее – Акта 2016 г.).

¹ Устюжанинова Е. А. Модели делегирования полномочий: опыт Великобритании // Lex Russica. 2015. № 9. С. 104.

² Scotland Act 2012. URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2012/11/contents/enacted> (дата обращения: 16.11.2023).

³ Misuse of Drugs Act 1971. URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1971/38/contents> (дата обращения: 16.11.2023).

⁴ В оригинале: «...for the use of traffic of any class prescribed thereby». См.: Highways Act 1959, section 11, paragraph (1).

⁵ Scotland Act 2016. URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2016/11/contents/enacted> (дата обращения: 16.11.2023).

Не стоит, впрочем, думать, что Актом 2016 г. было предусмотрено признание «народа Шотландии» в качестве отдельного источника суверенитета. Да, упразднение высших шотландских органов власти теперь может произойти лишь с изменением британской неписаной конституции. Однако эти органы не располагают полномочиями, которые бы не основывались в итоге на положениях Акта 1998 г., т. е. на решении «общebritанского» законодательного органа. Присущее федерализму выделение предметов исключительного ведения субъектов федерации, как и самих субъектов федеративных отношений, Актом 2016 г. произведено не было.

Немаловажно, что Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии до 2020 г. было интегрировано в Единый рынок Европейского союза (Single European Market), вследствие чего многие властные полномочия по регулированию отношений в сфере экономики осуществлялись на уровне Союза, а не государства или отдельных регионов. Поскольку внешнеполитические вопросы, в частности признание норм права, создаваемых органами Европейского союза, разрешались исключительно «центром», свобода действий «регионов» ограничивалась наложенной на соответствующие государства обязанностью по соблюдению правовых норм, созданных органами Союза, с целью сохранения экономического единства страны и Единого рынка.

Если Шотландский парламент, пользуясь правом, закрепленным в Акте о Шотландии 1998 г., попытался бы ввести ограничения оборота, например, пищевых продуктов, то принятый им акт в любом случае не мог бы противоречить нормам права Европейского союза, обеспечивающим общую свободу перемещения товаров в рамках Единого рынка Европейского союза и ограничивающих нормотворческие функции общегосударственных и региональных органов по остаточному принципу. Можно сказать, что действие норм права Европейского союза и удерживало регионы в рамках единого таможенного и экономического пространства.

Как показывает пример Великобритании, признание особого и неизменного конституционного статуса отдельных регионов еще не позволяет уверенно назвать государство федеративным, а его составные части – субъектами федеративных отношений. В связи с этим можно сделать вывод, что коренное отличие децентрализованных унитарных государств от федераций лежит вовсе не в степени автономии «регионов» в их составе. На взгляд автора, основное отличие федерации от унитарного государства заключается в том, что вся территория (или основная ее часть) федеративного государства состоит из публично-правовых образований, обладающих свободой распоряжения исключительными полномочиями, закрепленными за ними в конституционно-правовых нормах.

В британском случае, во-первых, такое деление не распространяется на Англию, составляющую значительную часть территории Соединенного Королевства, во-вторых, у регионов нет собственных полномочий. Все полномочия шотландских (и прочих региональных) органов государственной власти являются и полномочиями Парламента Соединенного Королевства.

Тем не менее деволюция (в том числе в отдельно взятой Шотландии) представляет собой пример наделения региональных органов власти определенным объемом властных полномочий, изначально принадлежащих высшим органам государственной власти, что сближает ее по природе с процессом разграничения властных полномочий в предметах совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов. Поэтому опыт британской деволюции представляет особую ценность в дискуссии о федеративных отношениях в России.

В основу деволюции заложено сохранение унитарного характера Соединенного Королевства (а именно непризнание за частями государства статуса субъектов федеративных отношений) при передаче региональным органам власти значительного объема властных полномочий, т. е. децентрализации государственной власти. Примечательно, что каждая из «частей» обладает уникальным набором «переданных» и «удержанных» сфер, часто не совпадающих друг с другом, что и придает британской системе органов государственной власти выдающуюся гибкость в решении вопросов децентрализации. Тем не менее до 2020 г. децентрализованность государственной власти сдерживалась центростремительным действием обязательных для Соединен-

ного Королевства норм права Европейского союза, что обуславливалось членством государства в Союзе.

В итоге краткого изучения данного вопроса можно сказать, что значительное перераспределение полномочий в пользу отдельных регионов государства возможно только при условии успешной международной (региональной) экономической и политической интеграции, приводящей к усилению влияния межгосударственных органов и выработке обширного массива норм международного права, предотвращающих распад единого экономического, а значит и правового, пространства страны.

Приложение.
Соотношение «переданных» и «удержанных» сфер применительно к шотландским органам государственной власти¹

Области (matters)	Акт 1979 г.	Акт 1998 г. (в первоначальной редакции)	Акт 2012 г.	Акт 2016 г.
Здравоохранение	D	D	D	D
Образование, профессиональная подготовка	D (кроме высшего образования)	D	D	D
Пищевые продукты	R	D	D	D
Рыболовство	D	D	D	D
Транспорт	D	D	D	D
Развитие туризма, спорта, культуры. Охрана объектов культурного наследия	D (за исключением спорта)	D	D	D
Пожарные и спасательные службы	D	D	D	D
Водные ресурсы и борьба с наводнениям	D	D	D	D
Основы государственного строя	R	R	R	R
Внешняя политика	R	R	R	R
Оборона и национальная безопасность	R	R	R	R
Гражданство и иммиграция	R	R	R	R
Фискальная политика (по общему правилу)	R	R	R	R
Подоходный налог	R	Право изменения базовой ставки на $\pm 3\%$	Право снижения базовой ставки на 10 пп.	Изменение базовой ставки (вплоть до 0%) – D / Введение/отмена и др. – R

¹ Основано на сравнительной таблице (Devolution Postcard), подготовленной Правительством Соединенного Королевства. См.: URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/769117/Devolution-Postcard.pdf (дата обращения: 30.11.2023).

Продолжение Таблицы

НДС	R	R	R	Распределе- ние налого- вых посту- плений – по соглашению с Казначей- ством. Введение/ отмена и др. – R
«Переданные налоги» (devolved taxes)	Отсутствуют	Отсутствуют	Введение, раз- мер и др. – D	D
Выборы в Парламент Соединенного Коро- левства и Европейский парламент	R	R	R	R
Выборы в Шотландский парламент и в органы местного самоуправле- ния	R	R	R	D
Интеллектуальная соб- ственность	R	R	R	R
Телерадиовещание	R	R	R	R
Система судов	R	R	R	R
Выдача лицензий на газонефтедобычу в при- брежной зоне	R	R	R	D
Пневматическое ору- жие	R	R	D	D
Аборты	R	R	R	D
Обеспечение безопас- ности и порядка на же- лезных дорогах на тер- ритории Шотландии	R	R	R	D
Использование «особых дорог»	R (Исполни- тельный орган с целью реализа- ции НПА обще- государственных органов)	R	R (Правитель- ство с целью реализации НПА обще- государственных органов)	D
Скоростные ограниче- ния	R	R	R (Правитель- ство с целью реализации НПА обще- государственных органов)	R (снятие ограниче- ний для машин экс- тренных служб – D)
Трудовое право	R	R	R	R
Энергетика	R	R	R	R
Социальное обеспече- ние (с «переданными» исключениями)	R	R	R	R

Окончание Таблицы

Генетика человека, суррогатное материнство, оборот лекарств, эмбриология человека	R	R	R	R
Почта	R	R	R	R

D – «делегированные» сферы (devolved matters).
R – «удержанные» сферы (reserved matters).

Список литературы

Англо-русский юридический словарь. Ок. 50 000 терминов / С. Н. Андрианов, А. С. Берсон, А. С. Никифоров. М.: АБИ Пресс, 2009. 560 с.

Конституционное право России: учеб. / отв. ред. А. Н. Кокотов, М. С. Саликов. 2-е изд., перераб. М.: Норма; ИНФРА-М, 2023. 496 с.

Молчаков Н. Ю. Конституционно-правовой статус Шотландии сквозь призму британского регионализма. К очередному юбилею Акта о Соединении 1707 г. // Московский журнал международного права. 2017. № 2. С. 161–173.

Ноздрачёв Е. В. Концепция деволюции в новейшей истории Великобритании // Ученые записки Орловского государственного университета. Сер. Гуманитарные и социальные науки. 2015. № 5. С. 55–58.

Устюжанинова Е. А. Модели делегирования полномочий: опыт Великобритании // Lex Russica. 2015. № 9. С. 100–109.

Юдин П. Н. Нормативно-правовые акты, определяющие правовое положение Уэльса в составе Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии в исторической ретроспективе // INTERNATIONAL & DOMESTIC LAW: материалы XVI Ежегодной междунар. конф. по национальному и международному праву / отв. за вып. А. В. Галиулина. Екатеринбург, 2022. С. 124–130.

Hauss Ch. Surrey County Council: Devolution deal confirmed by Jeremy Hunt. 2024. 6 March. URL: <https://www.britannica.com/topic/devolution-government-and-politics> (дата обращения: 16.11.2023).

References

Andrianov S. N., Berson A. S., Nikiforov A. S. (2009) *Anglo-russkii yuridicheskii slovar'. Ok. 50 000 terminov* [English-Russian Legal Dictionary. About 50,000 terms]. Moscow, ABI Press, 560 p.

Hauss Ch. (2024) *Surrey County Council: Devolution deal confirmed by Jeremy Hunt*, 6 March, available at: <https://www.britannica.com/topic/devolution-government-and-politics> (accessed: 16.11.2023).

Kokotov A. N., Salikov M. S. (Eds.) (2023) *Konstitutsionnoe pravo Rossii* [Constitutional Law of Russia]. 2nd ed. Moscow, Norma, INFRA-M, 496 p.

Molchakov N. Yu. (2017) *Konstitutsionno-pravovoi status Shotlandii skvoz' prizmu britanskogo regionalizma. K ocherednomu yubileyu Akta o Soedinenii 1707 g.* [The constitutional and legal status of Scotland through the prism of British regionalism. To the next anniversary of the Act of Union of 1707]. In *Moskovskii zhurnal mezhdunarodnogo prava*, no. 2, pp. 161–173.

Nozdrachev E. V. (2015) *Kontseptsiya devolyutsii v noveishei istorii Velikobritanii* [The concept of devolution in contemporary history of Great Britain]. In *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, no. 5, pp. 55–58.

Ustyuzhaninova E. A. (2015) *Modeli delegirovaniya polnomochii: opyt Velikobritanii* [Competence delegation models: experience of the Great Britain]. In *Lex Russica*, no. 9, pp. 100–109.

Yudin P. N. (2022) *Normativno-pravovye akty, opredelyayushchie pravovoe polozhenie Uel'sa v sostave Soedinennogo Korolevstva Velikobritanii i Severnoi Irlandii v istoricheskoi retrospektive* [Normative legal acts defining the legal status of Wales as part of the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland in historical retrospect]. In *INTERNATIONAL & DOMESTIC LAW: materialy XVI Ezhegodnoi mezhdunarodnoi konferentsii po natsional'nomu i mezhdunarodnomu pravu*. Ekaterinburg, pp. 124–130.

ЭЛЕКТРОННОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ К «РОССИЙСКОМУ ЮРИДИЧЕСКОМУ ЖУРНАЛУ»

Редактор *О. Ю. Петрова*
Дизайн обложки *И. М. Митрофановой*
Компьютерная верстка *О. Ю. Петровой*

Подписано к использованию 08.05.24.
Уч.-изд. л. 10,43. Объем 2,22 МВ.

Согласно п. 1 ч. 2 ст. 1, ч. 4 ст. 11
Федерального закона от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ
маркировке не подлежит